

В ПРИСУТСТВИИ

Бог_а

БЕСЕДЫ О ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Протоиерей АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

Протоиерей АНДРЕЙ ТКАЧЕВ

В ПРИСУТСТВИИ

Бога

БЕСЕДЫ О ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ

Киев–2013

*По благословению
Блаженнейшего Митрополита
Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА*

*Рекомендовано к печати
рецензионной комиссией Украинской
Православной Церкви*

Содержание

Предисловие	4
Книга Иова	7
Псалмы	49
<i>Шестопсалмие</i>	50
<i>Тридцать седьмой</i>	56
<i>Шестьдесят второй</i>	63
<i>Восемьдесят седьмой</i>	69
<i>Сто второй</i>	75
<i>Сто сорок второй</i>	82
<i>Пятидесятый</i>	89
<i>Сто тридцать шестой</i>	96
Книга Екклесиаста.....	103
Книга Песни Песней Соломона.....	145
Приложение.....	203
<i>Прощеное воскресенье</i>	204
<i>Слово об Аврааме</i>	217

Доброго времени суток тебе, читатель!

Если бы на свете были только ты, я и такие же, как мы с тобой люди, у нас бы не было Библии.

Богу всегда есть, что сказать людям, но для того, чтобы мысли и слова Божии были поняты, прочувствованы и записаны, нужны Иов, Исаяя, Давид, и подобные им мужи. Именно наличие в человеческой истории людей с обрезанным сердцем и чутким духовным слухом дало нам Священное Писание.

Читая его, мы вникаем в чужой благодатный опыт и усиливаемся сделать его своим.

На протяжении жизни всякий человек бывает то убегающим от врагов Давидом, то скорбящим Иовом, то благоденствующим и глубокомысленным Соломоном, то Авраамом, ужасающимся громадности своего призвания.

Библию нужно не пробегать глазами, а прочитывать внутренним сердечным чувством, изнутри постигая и сложность, и величие общения с Творцом. Этому стоит учиться всю жизнь.

Многие считают, что Ветхий Завет, по объёмности и сложности своей, по кровавости и греховности событий, описанных в нём, не нужен христианину. Мысль опасная и вредная. В Символе веры мы дважды говорим о Писаниях: о том, что Христос воскрес согласно Писаниям, и

о Духе Святом, Который говорил через пророков. Можно ли нам избежать чтения Писания, дважды упоминая о нём в Символе веры?

Мы призваны к изучению Ветхого Завета. По сути, мы получили эстафету от еврейского народа, который странным образом не исполнил всего порученного и уступил место нам, и мы, вслед за ним, должны исследовать Писания. Но не потому, что они дадут нам жизнь вечную, а потому, что они свидетельствуют о Христе, Который один есть Податель вечной жизни, Который Сам есть Жизнь. *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14, 6). Не бойтесь этого труда и не дерзайте думать, что осилите его в краткие годы своей жизни.

Нельзя христианину, закрывшись Евангелием, отказаться от изучения священных текстов Ветхого Завета. Он только частично ветхий. Он ветхий только в части законных заповедей, обрядовых предписаний, данных Моисеем. В остальном — в пророчествах, в рассказе о сотворении мира — он вечно новый, потому что касается нашей жизни. Мы будем брать как темы своих бесед некоторые книги Священного Писания Ветхого Завета, будем разбирать их, пытаться размышлять о них, разговаривать о них с той мыслью, что вы сами потом возьмёте эти книги, раскроете, будете читать, насыщаться, думать, молиться, исправляться, плакать, каяться, благодарить, совершать труд своего спасения через богообщение.

*Был человек в земле Уц,
имя его Иов;
и был человек этот непорочен,
справедлив
и богобоязнен
и удалялся от зла.*

(Иов. 1. 1)

Я хотел бы начать цикл наших бесед разговором о Книге Иова. Это одна из учительных книг Библии. В отличие от исторических, законодательных, пророческих книг, которые, в соответствии со своими именами, пророчествуют, дают прямые повеления или прямые запреты, учительные книги воспитывают человека на чужих примерах. Как правило, это слова мудрых, которые, по Екклесиасту, подобны вбитым гвоздям или крепким иглам и входят в глубину души слушающего. Книга Иова — одна из таких. Она в славянской Би-

блии расположена перед псалмами. Примыкая к Книге Псалмов, самой любимой ветхозаветной книге Церкви, она также требует к себе большого внимания. Церковь читает её во время Великого поста. Литературно книга Иова — это одно из величайших творений, это, без всякого сомнения, непревзойденный шедевр, одна из жемчужин, с которой мало что может сравниться. С точки зрения литературного построения эта книга сюжетно развивается в первых двух главах и завершается в последних двух. А всё, что внутри, — это монологи и диалоги. Это вопли, вопрошания и длинные речи, в которых участники событий износят из сердца самые сокровенные жемчужины своего личного духовного опыта и высказываются от лица всего человечества. Иов говорит от лица скорбящего человечества.

Отметим, что Иов жил до Моисея, наряду с праведниками, жившими до избрания еврейского народа, до получения закона, до Авраама. Это праведник, принадлежащий всему человечеству. Он не из иудеев. Посему, как и Ной, Иов принадлежит к сокровищнице святых душ, которые являются достоянием всего мира, а не только отдельного избранного народа.

В одной из глав Иезекииля, в четырнадцатой, перечисляются три великих праведника, — Ной, Даниил и Иов, — о которых Бог говорит, что нечестие мира так велико, что если

бы эти трое молились Ему и жили бы в это время на земле, то своей праведностью они спасли бы только свои души — даже души детей бы не спасли. Ной, Даниил и Иов. Из этих трёх Ной и Иов — общие для всех, поскольку они до Авраама и до избрания отдельного семени, а Даниил — уже из числа евреев.

• 1 •

Фабула книги известна, наверняка, большинству читателей: на Иова обрушиваются все несчастья, которые существуют в мире. Он лишается всего имущества, лишается детей, поражается жестокой болезнью, лишается друзей и поддержки супруги. Всё мыслимое горе, существующее в мире, устремляется на него и поражает его, но находит его до конца твёрдым, хотя книга и преисполнена душераздирающих воплей, которые Иов обращает к небу. Книга довольно сложная, строгая. Не каждый из нас в период скорби решится повторять за Иовом его слова, хотя каждый из нас находится иногда в его шкуре. Пусть минимально, пусть чуть-чуть, но бывает такое чувство, что небеса свинцовы и глухи, земля пуста и неустроенна, близкой души нет, «душа моя скорбит, и зачем я живу — не знаю, и зачем Ты воюешь со мной, Страж человека, — хочет сказать человек, — зачем не даёшь мне проглотить слюну мою».

Так говорил Иов. Он обращался к Господу резко и дерзновенно, и мы, читая эту книгу, содрогаемся вместе с ним о пережитых им бедах, боясь, как люди, пережить их в своей собственной жизни.

Интересно то, что книга раскрывается прологом на небесах, этот литературный приём, заимствовал Гёте для своей поэмы «Фауст». Это произведение тоже открывается прологом на небесах — избранием Фауста. Мефистофель искушает его, как сатана искушал праведного Иова. В Книге Иова говорится, что лукавый предстал пред Господом и просил Его дать ему в руки этого человека, который был богобоязненным, удаляющимся от зла, праведным. Господь хвалился им, Он говорил: «Обратил ли ты внимание на раба моего Иова?».

Вот что интересно, братья и сестры: читающему эту книгу ясно больше, чем участнику этой книги. Пролог на небесах даётся читающему, и поэтому нам становится понятным дальнейшее — почему, что и как. Оказывается, идёт борьба между лукавым и Господом, между Господом и лукавым. Вырисовывается некий неравносторонний треугольник: вершина треугольника внизу, на земле, она упирается в Иова всей своей тяжестью, а две остальные вершины — где-то высоко, за пределами этого мира. Господь и лукавый между собой спорят, есть ли на земле бескорыстные праведники. Иов не

знает об этом споре. А мы — понимаем, и это очень важно, потому что мы часто, читая Писание, видим, что писателю, участнику событий библейских, открыто больше, чем читателю. Например, апостол Павел — он очень много сказал, очень много написал. Он пытался в своих посланиях и проповедях максимально адекватно выразить свой внутренний опыт, который был очень глубок и велик. Скажем, Павел был на небе. Он был восхищен (не зная только, в теле или без тела) до третьего неба и там слышал ангельские слова, которые потом не мог пересказать. Он пытается в бледных тенях, слабыми средствами человеческого языка высказать свой глубочайший внутренний опыт. Но всё равно не может передать его адекватно. Павел, без сомнения, знает больше, чем знаем мы — читатели Павла. Он написал четырнадцать посланий, которые мы читаем, но, конечно, они не вмещают всего богатства Павлова богословия — ведь были времена, когда он три года день и ночь учил христиан в Эфесе. За три года он, конечно, сказал больше, чем передают его краткие послания; то есть — Павел знает больше, чем сохраняется в Писании от Павла. А Иов знает меньше, чем хранится в Библии от Иова. Мы, читающие «снаружи», смотрящие на происходящее внутри этого священного текста событие, знаем больше. А те, кто погружены в

пространство этого повествования, видят только по плоскости, только себя, только на земле. Они знают многое о Боге, говорят очень глубокие о Нём вещи, которых мы часто личным опытом не достигаем, но всё равно нам понятно больше.

Иов оказывается заложником некоей... не игры, но большой борьбы. Достоевский вполне прав, сказав однажды на страницах своего романа «Братья Карамазовы», что дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердце человеческое. Книга Иова — яркое тому подтверждение. Достоевский любил эту книгу, в его письмах есть такие заметки: «Читаю Иова и хожу по комнате, содрогаясь от ужаса», — примерно так, я могу неточно процитировать. Это удивительное духовное произведение.

Итак, Господь Бог желает похвалиться человеком. Если чем-то можно Богу похвалиться, то, конечно, человеком, потому что он — самое дорогое Ему создание. Господь лукавому предлагает Иова для наблюдения: вот, посмотри, какой у Меня есть раб на земле. И лукавый говорит Богу: «Разве Иов даром праведен? Не Ты ли кругом оградил его благоденствием, долголетием, силою, крепостию, богатством и прочим?».

У Иова было много стад верблюдов, овец, волов, что являлось зримым выражением могущества — он был таким своего рода восточ-

ным шейхом. Он был богатый землевладелец, богатый скотовладелец, многодетный человек, мудрый человек, говорящий столь ёмко и веско, разбирая чужие тяжбы и суды, что после его слов все замолкали. Он потом сам об этом вспоминает: «Когда я говорил своё слово, то после меня уже никто не осмеливался говорить». У него было семь сыновей и три дочери, и они каждый день пировали друг у друга. Иов заботился от том, чтобы они тоже были благочестивыми, и молился Господу о них, ежедневно принося жертву, потому что думал: «А вдруг дети мои в сердце похулили Господа?» — и, чтобы Бог помиловал их, молился о них. Со всех сторон чудный человек. И вот лукавый задаёт такой вопрос — даром ли Иов благочестив? Это первый вызов. Серьёзнейшая проблема: праведники творят правду за награду или просто ради правды? Ради Бога трудится человек, призванный к святости, ощущающий внутренний позыв творить заповеди, ради Самого только Господа творит это или в надежде на вознаграждение? Праведность всегда влечёт за собой долголетие, благоденствие, успешность или не всегда? Это очень серьёзный вопрос, на который разные люди по-разному отвечают. Книга Иова об этом говорит весьма строго и неприятно для человеческого самолюбия. Даром ли праведник праведен? Или он праведен за награду?

Классически распределяются наши состояния в отношениях с Богом, касательно Его заповедей, на рабское, наёмническое и сыновнее. Раб боится наказания. Наёмник ожидает награды. Сын делает так, потому что знает Отца. Не может поступать иначе, потому что любит Отца. Он не хочет творить волю свою, но хочет творить волю Его с внутренним удовольствием и согласием, как Исаак, который ложится на жертвенник из послушания Отцу. Как Христос, идущий на Крест ради исполнения воли Отца.

Иов — пример праведника, который праведен не за награду, потому что, потеряв вдруг всё (это довольно страшный текст, где пишется, как всё происходило), он ощутил жесточайшую боль в своей душе, но сказал: «Бог дал — Бог взял, буди имя Господне благословенно». Четыре вестника прибежали к нему с разных сторон. Один рассказал, что враги поразили мечом пастухов и увели стада. Ещё тот не досказал, прибежал второй, извещая, что верблюдов увели. Ещё тот заканчивал речь, как появился третий со словами: «Огонь упал с неба на землю и пожрал твоих овец». Ещё тот не закончил, когда прибежал четвёртый со страшной вестью: ветер прилетел из пустыни и обрушил дом, в котором пировали дети, и они все погибли под обломками. Вестники как будто один за другим выбегают на сцену. И Иов поднимается, раздирает свои одеж-

ды и говорит: *наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; [...] да будет имя Господне благословенно* (Иов.1, 21).

Дальше лукавый продолжает испытания, а Господь продолжает хвалиться Иовом: «Ты видел раба Моего Иова, он по-прежнему твёрд». Но диавол всё торгуется, он говорит: «Коснись кости его и плоти его, — благословит ли он Тебя?» То есть — дай ему болезнь. Пока теряешь нечто снаружи — это одно, когда начинает сама твоя плоть страдать — это другое. Итак, «коснись его кожи, благословит ли он Тебя» — и лукавый получает Иова в добычу. Господь разрешает ему прикоснуться к Иову: «Вот, он в руке твоей, только душу его сбереги». Здесь любителям поспорить, а я часто их встречаю, есть прямое из Писания доказательство того, что душа — это одно, а тело — это другое. Душу не трогай, а вот кости его и плоть его — твои.

С Иовом происходит нечто, что было с мучениками. Когда мы читаем истории мучеников, мы удивляемся, сколько крови, сколько тяжелейших страданий, сколько издевательств, сколько невыносимых мучений... И где Господь? Господь здесь, Господь рядом. Совершаются драматические события, испытание верности происходит. Кто может взойти на вершину любви, тот восходит на неё — вот таким тяжёлым путём. Иов одевается в прока-

зу, скоблит себя черепком, выходит за город, за жилища, и тут уже начинаются крики. Крики к небу и глубокие рассуждения из болезненного сердца.

Так вот — даром ли праведник праведен? По-настоящему — даром, братья и сестры. Если Богу угодно, Он одевает человека славой и богатством, и праведник благодарит Его за это. Если Богу угодно, Он отнимает богатство и славу, и праведник благодарит Его за это. Это проверка праведности. Готовность потерять то, что ты имеешь сегодня, — это, наверно, тот оселок, на котором затачиваются самые крепкие орудия в руках Божиих. Если человек привязывается к земным благам настолько, что, теряя их, он малодушествует и даже отрекается от Бога (а такое бывает, к сожалению, часто), то, конечно же, такое богатство, такая награда обнажает... слабость души, что ли. Души человеческой... По-настоящему праведник праведен даром. Есть примеры, когда люди проводили жизнь весьма убогую и смиренную и были Богу благодарны, и хорошо жили в мире с заповедями Божиими. Причём, когда Господь их награждал, давал им некое богатство, они теряли то, что имели. Так произошло с целым народом еврейским, когда они ходили по пустыне и за жизнь свою боролись каждый день, и питались манной, и сопротивлялись врагам, и палились зно-

ем — они к Богу прибегали, потому что Бог был их жизнью, выживали они в пустыне Богом. Когда пришли в землю, текущую молоком и мёдом, Моисей предупредил: теперь будешь есть, насыщаться, будет всё роскошно и красиво — но не забудь Создателя! А они забыли. Потому что в роскоши человеку тяжелее сохранить благочестие. Сжатая вода поднимается вверх, а скорбящая душа ищет Господа.

Иов праведен даром, и это — великий пример, братья и сестры. Хотя он не безупречно праведен в нашем понимании, он очень огорчён, очень смущён, но нужно понимать, что он живёт ещё до закона, ещё ни одной заповеди нет записанной. Ещё нет ни одной священной книги — он и читать-то не умеет. Ещё нет благодати, ещё не излит Дух Святой на мир, ещё не совершён искупительный подвиг Христа, человечество ещё не обновилось благодатью. Ещё нет ничего, есть только совесть, в которой, как в книге, праведные люди древности читали Божии повеления. И Иов служит Богу, о чём мы потом почитаем более подробно. И он верен Богу до конца, он побеждает, потому что он Бога не похулил. Жена шептала ему: «Похули Бога и умри, зачем тебе твоя праведность?». Иов отрицается это сделать: «Ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?».

• 2 •

Мы подходим к другому вопросу, который тоже вытекает из этой книги: до каких пор простирается власть диавола? Что это вообще за явление такое, когда бесстыдно и нагло сатана вместе с Ангелами приходит пред лицо Божие и дерзает разговаривать с Ним, дерзает некие торги вести и сделки заключать и испытываются праведники столь жестоко по Божию поущению и по действию сатаны. Вот такая, понимаете ли, ещё одна грань нашей жизни открывается, такое тоже бывает. Будучи бесстыдным, лукавый просит у Господа власти себе, просит «удлинения поводка» — чтобы пойти несколько дальше, нежели он может пойти, чтобы искусить и испытать, угрызнуть, укусить, поцарапать кого-нибудь из тех, кто хочет Богу послужить. Конечно, он связан, конечно, он не самостоятелен, конечно, он раб Божий, хотя и против своей воли. Он рабствует у Бога, но не так, как рабы Божии, которые добровольно служат Господу, — он раб Божий поневоле. Его мучит это, и он хочет оторвать от Бога тех, кто служит Богу истиною. Он действует, как пёс на привязи, — не далее своей цепи; он просит удлинить эту цепь, и Бог ему позволяет. Почему позволяет, не знаю, это тайна.

На Тайной Вечере Господь Иисус Христос, возмущённый духом, уже готовился к буду-

щему страданию, уже Иуде вложил дьявол в сердце предать Христа, уже сумрак сгущался над главою Спасителя... А лукавый, незримо для учеников, беседовал с Иисусом Христом и нащёптывал Ему нечто подобное, приступал ко Христу, говоря Ему: «Дай мне этих». На что Христос только Петру сказал: *Симон! Симон! Се, сатана просил, чтобы сеять вас, как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя* (Лк. 22, 31). Нечто похожее было и в книге Иова: есть Господь, есть дьявол, и дьявол просит: «Дай мне Иова». На Тайной Вечере то же самое: есть Господь, есть ученики, и есть лукавый. Лукавый говорит: «Дай мне этих учеников, Тебя не будет, и они все рассеются».

Наглость лукавого ни с чем не сравнится. Он — бывший сын Божий, по благодати, бывший Ангел. И среди сынов Божиих, среди Ангелов, он, по старой памяти ещё, дерзает приближаться. У Господа ещё есть терпение к нему — и заключаются такие страшные для человека и непонятные для человека договоры, когда он должен защитить имя Божие, защитить веру, доказать свою верность и твёрдость; посрамить лукавого должен человек, даже ценою таких серьёзных страданий.

Это страшная тема, братья и сестры, потому что уж чего-чего, а сытого благодушия нам Писание не обещает. Иов выдерживает это, ну а мы, когда начинаем отчаиваться и унывать, когда спрашиваем — совсем как Иов: «За что

мне? Почему я? Почему у них вот так, а у меня вот так?» — то находим в этой книге для себя величайшую помощь. Это такой костыль, который не ломается. Опираясь на этот посох страннический, на эту книгу, на мысль, содержащуюся в ней, мы можем подкрепить себя в любой серьёзной беде. Нам обычно приходится терпеть по частям; не всё сразу, что на Иова упало, — какие-то осколки и части, какие-то кусочки. На него упало всё — на нас падает потихоньку, помаленьку, частями... Но мы себя находим в этой книге. Она и подарена, очевидно, человечеству для того, чтобы мы в ней находили себя и через неё себя выговаривали, выплакивали свою скорбь, до конца не понимая, что же творится на земле. Понять происходящее в этом мире можно только с точки зрения другого мира. Находясь здесь и не выходя за рамки этого мира, не получая вестей из другого мира, ясно объясняющих происходящее, мы не можем разобраться в происходящем под носом. Так, если бы мы были в двухмерном пространстве и были бы только две координаты в нашей жизни, А и В, мы бы видели только то, что в плоскости движется. Если бы не было трёхмерного пространства, координаты С, то всё, что сверху, мы бы уже не видели — только то, что в плоскости. Так и в Книге Иова. Мы видим: непонятно человеку происходящее вокруг, если он не смотрит на это с точки зрения другого

мира или если из другого мира ему не приносятся ясные откровения о том, что же происходит здесь.

Книга Иова посвящена страданию. Мы с вами сейчас поговорим также и об этом. Библейская этика предполагает наличие страданий как наказание за грех. Это одно из самых фундаментальных, простейших объяснений, почему страдает человек. Ты грешишь — потому страдаешь. Не греши — и не будешь страдать. Ты причинил страдание другому — берегись, потому что страдание вернётся к тебе. Это простейшие этические нормы, яснейшие мысли, касающиеся добра и зла, которые есть в Библии, и в других религиозных учениях о смысле жизни, о взаимодействии людей между собой. Не делай того другим, чего себе не желаешь — это говорили все моральные учителя. Делай другим то, что хочешь, чтобы сделали тебе, — это то же самое, только другими словами выраженное.

Примерно то же советовали Иову его друзья, которые пришли к нему: «Ты страдаешь, утешься, помолись Богу». Потом огонь этого диалога постепенно распался, и они говорили ему: «Ты, наверно, грешил, поэтому страдаешь... Ты точно грешил!». Мы потом об этом постараемся подробнее сказать. Они вначале утешали его, потом, забыв об утешении, начали упрекать его. В конце концов, главный из них, Элифаз, говорит: «Злоба твоя велика,

как песок морей. Ты, наверно, самый гнилой человек на свете, раз ты страдаешь и ещё Бога укоряешь; значит, Бог тебя наказывает за грехи». Это простейшее объяснение страдания — «значит, ты грешил». Но, исходя из этой книги, мы приступаем к теме безвинного страдания: оказывается, страдать можно ни за что. Конечно, Иов — человек, конечно, рождён женщиной, конечно, он мог сказать слова царя Давида, которые произнесены были позже: *В беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя* (Пс. 50, 7). Всё это есть у Иова, он признаётся в грехах своих, говоря, «Ты напоминаешь мне грехи моей юности». Юность — безумное время; она щедра на беззакония. Но потом уже, в зрелом возрасте, Иов был настолько богат добрыми делами, что был глазом для слепого, ногой для хромого, отцом для сироты, мужем для вдовы. Он всем был всё. Он не ел один никогда, но всегда со служанками и слугами своими. Он никогда мимо сироты не проходил. Это был удивительный человек, и он знал, что он невиновен. Он знал, что мера страданий его неадекватна, он знал, что это несправедливо, что происходит нечто такое, что выходит за рамки всякой логики, всяких нравственных законов, происходит нечто совершенно невообразимое. Иов об этом кричал, а друзья твёрдо стали на позицию старой логики, бытовой логики — правильной, но работающей не всегда. И они добави-

ли ему боли. Они, в конце концов, все — со всех сторон, как пчёлы, зажужжали на него: дескать, ты грешник, ты, наверно, самый больший из грешников, потому что ты мало того, что страдаешь с криками, так ещё такие слова на Господа Бога говоришь.

А мы-то с вами, находящиеся вне пространства книги, над нею, видим, что бывают невинные страдания. Например, страдание младенца. Лично ничего не совершивший человек может жестоким образом страдать, чтобы, например, страданием своим сокрушить сердца тех, кто его родил, напомнить им их грехи. Или вызвать к себе волну любви и участия. Когда человек попадает в беду, а другие на эту беду откликаются любовью и состраданием, чужая болезнь врачует многие сердца. Может быть, такой смысл в этом есть. Может быть. Лучший ответ, конечно, — это прообраз невинного страдания Христа. И младенцы страдающие, и Иов праведный, терпящий — это люди, которые прообразуют собой Господа Иисуса Христа, пострадавшего невинно. Иов — это пророчество, живое пророчество. Если, например, пророк Осия сказал о Христе: «Ты поразишь нас, и Ты исцелишь нас; через два дня на третий воссияет свет Твой» (см. Ос. 6, 1, 2), — примерно так он сказал. Это пророчество о тайне третьего дня, о воскресении Христа из мёртвых. Если Захария говорил о Христе, едущем на ослёнке, например, или

Исайя говорил о страдающем Мессии, то некоторые пророки самой жизнью Христа проповедовали. Так, Иона был во чреве большой рыбы три дня и три ночи, и это было пророчество действенное, жизненное, ситуативное, когда сама ситуация говорила о Господе. И Иов — невинный праведник, страдающий ни за что, потому что Бог положил на него эту тяжесть. Господь страдал добровольно и, конечно, знал за что и почему. А Иов не знал, что он есть прообраз Господа.

В Писании есть несколько примеров невинных страдальцев. Самый яркий, пожалуй, и самый первый — это Авель. Он греха не сотворил, он был жертвой зависти; был убит, хотя грехов на нём никаких не было. И нельзя было назвать его грешником, пострадавшим за свои беззакония. Вовсе нет. То есть бывают страдания, за которыми не таится вина. Наказание есть, а преступления не было. Есть некий промысел, который нам до конца не понятен. Примерно так же невинно погиб Урия, муж Вирсавии — той женщины, которую любил Давид. Давид пленился красотой её, и вся беда Урии была в том, что он был женат на красивой женщине, в которую влюбился царь. В ближайшем боевом столкновении он оказался по приказу царя в самом опасном месте, был поражён со стен осаждаемого города насмерть и умер за то, что царь любил его жену. Вот такие примеры есть, есть

вот так пострадавшие люди. Количество таких примеров можно умножать, и если кто-то скажет: «А, наверно, человек грешил, и на войне его убили первым потому, что у него было больше всего грехов», — это просто и легко сказать. Наверно, часто так и бывает, но нужно всегда оставлять некий припуск, некую долю сомнения: а может быть, другая есть мысль у Бога, может, по-другому это всё? Когда вы пытаетесь втиснуть всю жизнь в свои краткие, простые схемы — берегитесь, потому что так можно невиновных осудить, или слишком строго, ригористично вынести свой суд о вещах, в которых мы ничего не понимаем.

• 3 •

Тема страдания примыкает к теме утешения. Иова пришли утешить. Три человека пришли утешить его. И вот — горе и беда — из утешителей они превратились в досадителей. Они сначала плакали возле него, они помнили его величие былое, былую красоту и славу, они сели молча возле него и смотрели на него в ужасе. А потом Иов заговорил: «Опротивела мне жизнь моя, и будь проклят тот день, когда сказали, что зачался человек». И они тоже начали говорить, и, постепенно, утешая его, дошли до укоров ему. Самый главный из них, Элифаз, и с ним Софар и Вилдад,

постепенно-постепенно начали говорить: «Кто ты такой, человек, что поднимаешь на Господа такие гневные речи?». И они, как бы выступая за Бога, защищая Господа от слишком горячих, слишком страстных воплей страдающего праведника, постепенно перешли к атаке на него — из утешителей превратились во враждующих против Иова. Они стали укорять его и в конце, уже в двадцать пятой — двадцать шестой главе, говорят: «Да ты самый грешный из людей, наверное; замолчи и не смей такого говорить».

Как тяжело бывает правильно утешить человека! Мы с вами часто попадаем в ситуации, когда возле нас кто-то страдает — кто-то в больнице, кто-то теряет родственников... Вы знаете, люди совершенно не умеют утешать. Собственно, это и не их функция. Есть Утешитель — Дух Святой, Которого Христос умолил Отца послать нам в мир после Самого Христа, Который пришёл и напомнил нам все слова Христовы. Если Утешитель не коснётся скорбящего человека — человеческое утешение ещё больше раздражает. Я хотел бы сказать, братья и сестры, что если у вас вдруг, не дай Бог (но это неизбежно), рядом, по соседству, по дружбе, по родству окажется страдающий человек — не спешите подыскивать слова. Часто наши слова бывают так неуместны... Как глупое киношное «мне очень жаль» — а у вас близкий человек по-

гиб... Это «очень жаль» как пощёчина выглядит. Человек не может найти слов, если он не любит настоящей любовью страдающего ближнего. Если он не готов — внутренне — поменяться с ним судьбой, взять на себя его беду, а ему отдать своё благоденствие — ему нельзя говорить. Потому что говорящий все эти фальшивые, ложные, мерзкие, пустые лицемерные утешения добавляет человеку горя. Высшая мудрость — дать скорбящему человеку не видеть возле себя лишних лиц. А те, кто хочет сострадать — пусть молятся о скорбящем, пусть молчат в присутствии его, потому что нет таких слов, которые могли бы по-настоящему утешить глубоко и сильно скорбящего человека. Исключение составляет случай, когда Утешитель, Дух Истины, Иже от Отца исходит, через слова (уста) человека помажет скорбящую израненную душу — это исключительный случай. Но исходя из этой святой книги, мы видим, что утешители чаще всего являются, к сожалению, досадителями и плохими помощниками.

Иов, страдая, пророчествует. Страшно-то об этом говорить, но страдания являются творческими состояниями жизни человеческой — когда человек перерастает сам себя и показывает то, на что не был способен в дни благоденствия, и является тем, кем он и сам не думал, что может быть. Страдающий Иов пророчествует о Христе посреди своих

болей. Не только лично, своим примером, будучи невиновным мучеником, заложником высшей Божией воли, которая ему непонятна и сокрыта от него. Он и словесно высказывает очень важные вещи, которые являются прямым пророчеством о Господе Иисусе Христе. Например, в девятой главе этой книги Иов говорит: *Хотя бы я омылся и снежною водою и совершенно очистил руки мои, то и тогда Ты погрузишь меня в грязь, и возгнущаются мною одежды мои* (Иов. 9, 30–31). Он обижается на Господа, он страшно скорбит, он считает: «Я невиновен, но даже если я невиновен, Ты всё равно обвинишь меня и я не смогу оправдаться, потому что Ты — Бог, а я — человек». И Иов хочет судиться с Богом. Он говорит: «Я хочу суда, только не пугай меня, потому что Ты велик и страшен, а я хочу судиться с Тобой, тогда отвечай мне. И это уже оправдание для меня, потому что лицемер не пошёл бы на суд с Тобою, но я прав, я знаю, что я прав, поэтому я пойду с Тобой судиться, только не устрашай меня, сделайся таким, чтобы я Тебя не боялся» (см. Иов. 13).

Богом, Которого можно не бояться, явился Господь Иисус Христос. Будучи Богом, Он умалился до человека и пошёл к нам, для того чтобы мы разговаривали с Ним. Кроме этого, здесь есть прямое указание — «Он не человек, как я, чтобы отвечать Ему и идти вместе

с Ним на суд... Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас». Такие краткие и, между тем, очень важные слова. То есть — нет у нас посредника, который положил бы руку на обоих нас. Как бы исполняя вопль этого древнего праведника, Христос пришёл в мир. Апостол Павел в Послании к Тимофею говорит: *Един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Иисус Христос, предавший Себя для искупления всех* (1 Тим. 2, 5). Христос есть Посредник между Богом и человеком: Он — Бог, и потому может ходатайствовать перед Отцом, как равный перед равным; и Он — человек, поэтому Он знает наши нужды и смотрит на нас, как брат на брата.

Иов в этом месте пророчествует. И в тех местах, о которых я ранее сказал, где он говорит: «Ну, не человек Господь, чтобы мне судиться с Ним; и устрашает меня Он, поэтому я не могу судиться с Ним, а если бы... а я бы хотел... Я хочу судиться с Тобой, я хочу с Тобой суда, невиновен я». Христос, по мысли многих восточных богословов, стал человеком именно для того, чтобы разговаривать с нами, чтобы мы не боялись Его, чтобы человек и Бог могли говорить друг с другом без ужаса со стороны человека. Иову именно этого хотелось, но он этого не дождался, потому что жил задолго до рождения Христова. Потом Господь явился ему, и мы слышим, что из

этого вышло — это были ужас и трепет, Иов закрыл уста свои — «я не хочу больше ничего говорить». А мы, к счастью, живём в блаженное время, когда мы уже получили этот доступ: во Христе Иисусе Бог умалился до нас, и теперь уже можно с Ним беседовать. Можно беседовать с Ним и судиться с Ним. И люди, видите ли, плохо воспользовались этой возможностью: они, судясь со Христом, осудили Христа. Они нашли в Нём нечто достойное обвинения, хотя не получалось найти никакого внятного обличения. Они обвинили Его, сказав, что Он достоин смерти только за то, что Он есть Сын Божий, истинный и живой, что Он не отрёкся от этого. То есть за правду осудили Христа.

Вот так странно повернулась эта история в позднейшие времена. Иов хотел судиться с Богом, чтобы оправдаться, чтобы доказать Ему невиновность свою. Бог пришёл в мир, чтобы люди могли судиться с Ним, но люди не захотели Его слушать и осудили Его за то, что Он — Бог, ставший человеком. И здесь драма, и там драма. И тут тяжело, и там тяжело. Книга Иова — может быть, одна из немногих, которые показывают жизнь во всей её обнажённой драматичности, когда маски сорваны и румяна смыты. Если мы говорим: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (см. Пс. 2) — повторяя вслед за царём Давидом псаломские слова, то работать

Господеви со страхом помогают нам строки именно таких вот книг, подобных Книге Иова.

Есть, впрочем, у Иова ещё одно пророчество о Господе. Он говорит: «Я знаю, что Искупитель мой жив, что Он восставит распадающуюся кожу мою, что мои глаза, не глаза другого, увидят Его» (см. Иов. 19, 25–27). Эти слова являются прямым пророчеством о Господе Иисусе Христе, Который является нашим общим Искупителем, Который восставит в последний день распадающуюся кожу нашу, Который говорит (через Иезекииля): *Я выведу вас из гробов ваших* (Иез. 37, 12).

Итак, Иов в своём невинном страдании доходит до пророчества о Господе Иисусе Христе. Его друзья ничего подобного не говорят. Для них Бог велик, справедлив, в Нём нет неправды, неправда есть в людях. Они — этакие адвокаты Господа, но они нигде не достигают того, чтоб пророчествовать. Они говорят прописные истины. Кстати говоря, будьте осторожны, братья и сестры, чтобы так же и мы с вами своей догматической правотой не били людей, как палкой по голове, чтоб мы не превращали целебное евангельское слово в дубину — для того чтобы обличать и наказывать. Чем именно плохи эти трое друзей? Они, теоретически, хороши, и речи их сладко звучат. Но они не лечат болезни человеческой, а добавляют беды, веру превращают в умножение страданий. Хотя интересно, что и их цитируют

некоторые священные писатели. Например, главный из этих трёх друзей, Элифаз, говорит о том, что Господь Бог улавливает премудрых их мудростью. Премудрость премудрых — это безумие пред Богом, и Господь Бог улавливает мудрецов их же собственной мудростью. Эти слова цитирует апостол Павел.

Многие слова из этой книги вошли в поговорки, идиомы — назидательные устойчивые обороты речи. Иов говорит: «Плохие вы друзья, плохие вы врачи, только у вас мудрость, только вы — люди, а я — не человек... Если бы вы молчали — сошли бы за умных». Мы так сейчас и говорим: «Смолчи — сойдёшь за умного». Пока они молчали, они были более человеколюбивы; начав говорить, постепенно сбросили маски человеколюбия и превратились в ригористов и добавочных обличителей.

Мы говорили о том, что Иов в страданиях своих пророчесствует о Христе — по крайней мере, дважды или трижды его речь, в своём высшем накале, на самых высоких нотах, достигает того, что он пророчесствует о воскресении мёртвых и об Искупителе, Который жив, и Который восставит «распадающуюся плоть мою и кожу мою». Напомню вам, что Иов живёт не среди еврейского народа — он живёт до Авраама, тем более до Моисея. Он один из тех, о ком Златоуст говорит, что эти люди, не читавшие книг, не знающие Священных Преданий, в чистой совести, как в открытой книге,

читали повеления Божии и общались с Ним, имея простую и чистую душу — более ничего. Ни обрядов, ни храма, ни священства, ни закона, ни завета — ничего нет, только глубокая душа, чуткое сердце, сильный разум и желание служить Творцу мира. Вот такими были древние праведники, один из которых — сей страдающий великий муж.

• 4 •

Мы с вами читаем оправдательную речь Иова. Когда друзья его умолкли, когда все карты были раскрыты, и выговорено было всё, что можно было сказать, разговор утихает как бы сам собой. Тогда Иов говорит сам, а они молчат — все уже высказались, и говорить больше не о чем. В завершающих главах этой книги Иов дерзает ещё раз сказать о том, что он не виноват. Он не может назвать себя виновным, потому что он не виноват. «Ладно, хоть из смирения скажи уж, что виноват...» — «Ну, не виноват я!» Так и Христос отказывался солгать о Себе, что Он не Бог: «Если Я скажу, что Я не знаю Отца, то Я буду лжец, подобный вам» (см. Ин. 8, 55). То есть, если истина открыта, её нельзя не исповедовать.

Иов произносит своеобразную оправдательную речь. Интересно, что у египтян люди перед смертью выучивали оправдательную речь, которую, по их понятиям, они должны

были произнести в загробном мире, где перечисляли разные добрые дела и отказывались от всяких злых дел вроде «я не отнимал молоко у младенца, я не забирал последнее у сироты, я не..., я не...». И наоборот: «я помогал тем, тем, тем...». Они выучивали некий священный текст, для того, чтобы им оправдаться. Как на суде — последнее слово обвиняемого — и он кричит о своей невинности. И вот, что Иов говорит. Это очень важно.

Первое: «Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице». Это среди первых. Это, очевидно, одно из самых важных качеств праведника, потому что он был не только добр — он был целомудрен, что для древних времён является чудом. Кстати говоря, о жёнах. Писание упоминает только одну жену Иова, хотя многожёнство — это стандартное состояние богатых людей древности, впрочем, как и сегодняшнего дня. Итак, Иов целомудрен, и он завет положил с глазами, чтобы не помышлять о девице. С глазами в первую очередь — не с чревом, не с детородными органами завет он положил, не с руками, чтобы не касаться кого-либо, а с глазами, потому что через глаза попадает вначале нечто пленительное в душу, потом сердце расслабляется — и человек идёт на грех. Глаза в борьбе с блудом являются дверями, через которые проникают воры в душу, и нужно с глазами договориться — не смотреть, куда

не надо. Так Евангелие говорит, что надо быть готовым даже «вырвать око своё, если оно соблазняет тебя; лучше с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя в смерть» (см. Мк. 9, 47). Итак, это первое, что Иов сам о себе говорит.

Второе: «Пусть взвесят меня на весах правды, и Бог узнает мою непорочность. Пусть я сеял — другой ест, и пусть отрасли мои искоренены будут, если сердце моё прельщалось женщиною, и я строил ковы у дверей моего ближнего», то есть — «я не изменял своей жене и не нарушал чужого брака». По всем законам блуд, незаконное сожителство со свободной женщиной или с рабыней, менее страшен, нежели блуд с замужней женщиной. Если в древности человек мог иметь наложниц (не жён, а наложниц — делить с ними ложе), — не давая им ничего из своего имущества, не признавая их детей от себя своими детьми, — то блуд с замужней женщиной карался кастрацией или смертной казнью. Даже выкупом нельзя было отделаться — человека либо оскопляли, либо убивали. То есть это очень серьёзно. И Иов говорит, что никогда не строил ковы у дверей ближнего, то есть с замужними женщинами не имел ничего общего.

Третье — очень, очень важно. Если бы мы почаще думали об этом, меньше делали противоположное — наш мир был бы гораздо лучше: «Если бы я пренебрегал правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со

мною, то что я стал бы делать, когда бы Бог восстал? Когда Он взглянул бы на меня, что бы мог я отвечать Ему?». Третье, что Иов поминает как свою непорочность, как признак своей праведности, — это то, что он не нарушал права своих слуг. Что такое слуга? Это безмолвное существо, которое полностью зависит от своего хозяина. А некоторые и родились в доме своих хозяев, и другой жизни не знали, и были привязаны к ним, как собачонка, от детства. Обижать слугу — дело лёгкое и неопасное для вельможи, хозяина, большого человека. Ну что такое для замминистра обидеть, скажем, дворничиху или техничку, которая у него в коридоре снуёт с тряпкой — «отойдите-посторонитесь» только, он даже не знает, как её зовут. Он может её обругать, в принципе, ему тяжело, что ли? Это не опасно, не страшно, никто в суд за это не потащит. Иов же говорит: «Если я пренебрегал правами слуг, то, когда Бог восстанет на меня — что я Ему скажу?» То есть — он был внимателен к этому и на человека смотрел как на человека, а не как на функцию, не как на рабочий скот или какой-то говорящий механизм. Это тоже важно для нас.

«Отказывал ли я нуждающимся в просьбе, томил ли глаза вдовы; один ли я съедал кусок мой, и не ел ли от него сирота?» — следующее его оправдание — то, что он не ел один. Есть такое древнее нравственное правило — не

ешь один. Если ты ешь что-либо, то обязательно делись с кем бы то ни было, кто рядом с тобой — это тебе будет во здоровье, потому что не оскудевает рука дающего, и Бог вспомнит о тебе, когда кто-то будет есть, а ты будешь голодать.

«Если я видел кого-либо погибавшим без одежды и бедного без покрова, не благословляли ли меня чресла его, и не был ли он согрет шерстью овец моих?» — то есть он вспоминает о том, что не проходил мимо раздетого человека, не проходил мимо нуждающегося человека, и многие, согретые шерстью его овец, благословляли его.

Иов был богатым человеком. Посреди богатства сохранить праведность очень тяжело. Бедному гораздо легче быть праведным, братья и сестры, поэтому не скорбите, что большинство из нас — весьма небогатые люди. Голый — что святой, ничего не боится. А у богатого много печалей, тревог и бессонные ночи. По крайней мере, во время начавшегося кризиса первые жертвы были — среди миллионеров. Это они начали стреляться и вешаться. Так вот, Иов — богатый человек, но он не надеется на богатство. Он говорит: «Полагал ли я в золоте опору мою? Говорил ли я деньгам: “Ты надежда моя”? Радовался ли я, что богатство моё было велико, и что рука моя приобрела много»? Имел много, но не радовался об этом. Душою был свобо-

ден от скверноприбытчества. Это тоже чрезвычайно важная вещь. Наверное, Господь и даёт-то много тому (гораздо спокойнее и радостнее), кто не радуется злой радостью о том, что течёт к нему различное золото, кто не похож на скупого рыцаря, который со свечой спускается в подвал, для того чтобы поговорить, побеседовать со своим золотишком.

«Радовался ли я гибели врага моего, торжествовал ли, когда несчастье постигало его?» — это вообще высоко. Высоко, потому что древние люди ещё не знали законов любви. Они знали закон справедливости, закон возмездия, они знали закон братской взаимопомощи... Но с любовью было трудно. Прощать, терпеть, забывать обиды — этого у них даже и в голове зачастую не было. Сплясать на могиле своего врага, или, как в псалмах пишется, умыть руки в крови грешника — это была вещь обычная даже и для праведника. Иов говорит здесь как новозаветный человек: «Радовался ли я гибели врага моего, торжествовал ли, когда несчастье постигало его? Не позволял я устам моим грешить проклятием души его. Странник ночевал ли на улице? Двери мои я отворял прохожим...» — в этих и подобных словах он длинно-длинно перечисляет все свои добрые дела, совершаемые сознательно, потому что (он говорил) «дыхание Всевышнего в ноздрях моих», то есть «я не

солгу Ему, потому что я чувствую, что Бог рядом, здесь, и я хранил пути Его всем сердцем моим».

Когда Иов закончил свою оправдательную речь, тогда возник некто пятый — какой-то Элиуй, сын Варахиилов, вузитянин, из племени Рамова; воспыал гнев его на Иова, и он начал говорить. До сих пор речь шла только о трёх персонажах, которые были возле Иова. Три друга и сам Иов — четыре человека, больше никого. И вдруг, когда эти выговорились и замолкли, Иов произнёс оправдательную речь и тоже замолк, поднимается некто пятый, Элиуй, и с гневом говорит друзьям Иова: «Я гневен на вас за то, что неправильно ему отвечали. Я гневен на него за то, что он себя оправдывал, а Бога обвинял». Кто он такой, откуда взялся — ничего не понятно. Целых три главы посвящено его речи, в которой он говорит: «Я буду и вас обвинять, и его буду обвинять», — и он примерно повторяет всё, что говорили три друга перед этим. Он оправдывает Господа, говорит, что «Господь не человек, и ты не можешь с ним судиться; Он не обязан тебе отчитываться в делах Своих; то, что Он хочет, то и делает, а ты кто такой? Если ты праведник, то ты праведностью своей Ему ничего не добавишь; если ты грешник, ты грехами своими Его не осквернишь. Он — велик. Ты — ничтожен. Делай правду для себя, — то есть себя спасай правдой своею, — убегай от

грехов, чтобы не погибнуть, но не говори на Бога неправды». Он так гневно Иову в очередной раз закрывает рот.

Некоторые толкователи считают, что это как бы мосточек между речами троих друзей, которые обвиняли Иова, и речью Самого Бога. Бог потом в последних главах разговаривает с Иовом. А некоторые считают, что это всего лишь повторение ранее сказанных обличительных, гневных, ненужных, лишних слов, которые сказали три друга на страдающего праведника. Так или иначе, этот Элиуй гневно произносит свою тираду в три главы длиной, и, опять-таки, куда-то исчезает. Кто такой, откуда — непонятно. Как Мелхиседек, царь Салима, который — кто был, кем был — непонятно; пришёл, благословил Авраама и исчез. И потом уж только апостол Павел в Послании к Евреям называет Мелхиседека образом Сына Божия, который пребывает вовек, без отца и матери, не имея начала дней, пребывает священником вовеки — таинственная фигура такая. В Писании есть много такого, что выше всякого ума. Читаешь — и удивляешься.

Итак, Элиуй ещё раз вылил на Иова целый ушат гневных обличений, а потом, наконец-таки, Иов получает то, что просил. Что просил Иов? Он просил, чтобы Бог вступился за него и вышел с ним на суд; явился ему и начал с ним разговаривать. Он говорил: «Я-то здесь, а Ты там, я маленький, а Ты большой, и Ты меня

бьёшь, и ты меня мучишь; теперь, вот, явись, и будем с Тобой спорить». И вдруг, наконец, Иов получает просимое — Господь отвечает Иову из бури: *Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? Препояши чресла твои, как муж, и Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне* (Иов. 38, 2 – 3) И дальше Господь говорит с Иовом. Говорит тоже довольно долго. Иов в ужасе. Он больше не хочет ничего спрашивать у Бога, он забыл про то, что ему было плохо, что он был болен, он забыл скорбь души своей о том, что он потерял детей своих и имущество, он всё забыл — он в страхе. Иов боится, а Бог с ним разговаривает.

Интересно здесь то, братья и сестры, что Господь Бог не снимает нравственные проблемы. Когда Господь начал с Иовом говорить, Он сказал ему примерно следующее: «Где ты был, когда Я полагал основание земли? Скажи, если знаешь. Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева? Дал ли ты когда-нибудь в жизни своей приказание утру и указывал ли заре её место? Где путь к жилищу света? — то есть Он спрашивает Иова о том, что в мире творится. — Я — Творец мира. Ты — кто? Ты вообще в этой жизни хоть чем-то повелеваешь? Хоть чем-то ты управляешь? Росой полевою, или дождями, или бурями, или снегом, или огнём, или молнией? Тебя слушаются дикие ослы или львы в логовах своих? Пчела маленькая или

большой бегемот, от которого трепещет всё живое? Кто ты такой?».

Ответ своеобразный. Потому что вопросы Иова были нравственные. Он спрашивал по-человечески: почему несправедливые люди, нечестивцы, богатеют и благоденствуют, а праведник страдает; почему «я не грешил, а вот так жестоко терплю»? У него другие были вопросы. Бог ему на них не отвечает. Господь на самом деле не обязан отвечать человеку на то, что он спрашивает. Бог всего-навсего ставит Иова на место. Он показывает ему Свои чудные дела, показывает Иову Свою великую славу, Свою премудрость, напоминает Иову, что он — никто вообще, что он — пылинка, вчера бывшая, а завтра имеющая исчезнуть, и этим исторгает из его души смирение и раскаяние... И, вроде бы, всё. На самом деле — не всё. Иов, повторяю, в страхе говорит: «Я ничтожен. Что буду отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил, теперь отвечать не буду. Даже дважды; но более не буду». Но Господь не отступает, Он говорит: «Препояшь, как муж, чресла свои и отвечай Мне, — и называет разных животных — левиафана, бегемота, — ты приручил бегемота, ты поймал крокодила на удочку? Ты кто такой вообще?». И Иов уже говорит — всё, я всё-всё-всё... Однако Господь дальше смиряет его.

...Это удивительно, братья и сестры, потому что никогда мы не получаем то, что хотим,

а получаем то, что надо. Происходят вещи, совершенно не вписывающиеся в наше сознание.

Скорби забылись. Большой страх и большая боль изгнали меньшую боль. Оказывается, страх от встречи лицом к лицу с Творцом мира стирает из души все остальные страхи; человек забывает, чего он боялся, что у него болело и что ему было неприятно ещё буквально секунду назад. Итак, Господь является, и смиряет Иова. И что дальше? Иов отказывается говорить с Ним больше, спорить, спрашивать: «Раньше я слышал о Тебе слухом уха, а теперь глаза мои видят Тебя и я раскаиваюсь в прахе». Всё...

А дальше происходит ещё более интересное: с одной стороны — Иов наполнил воздух гневными словами, с другой стороны — он страдал. Он ведь правильно поступал, он невиновно жил, и Бог мог им хвалиться. Господь бросил его в кипящий котёл жестоких искушений. Иов прославил Бога, потому что Иов Бога не похулил. Дьявол был посрамлён. По сути — Иов победил, Бог победил. Так странно получилось...

В конце концов, Господь Бог гневается на тех троих друзей, которые защищали Бога и были как бы адвокатами Господа перед скорбящим Иовом, и говорит им, говорит старшему из них, Элифазу: «Гнев Мой горит на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы

говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов».

Вообще не понятно ничего. С одной стороны, они-то уж говорили радикально чистые вещи, кристально чистые. И то, что Господь незрим и высок, и велик, и праведен, и то, что жилище нечестивых как дом паука: пройдёшь, посвищешь — и нет его, и то, что праведник пускает глубокие корни, и то, что «приди к Нему, и Он придёт к тебе»; короче — они говорили кристально чистые вещи из области морального богословия. Однако же гнев Божий горит на них: «Вы неправильно говорили обо Мне, а Иов говорил правильно». Я так думаю, что, видимо, здесь Господь уже не слова слушал, а на сердца смотрел. Скорбящее сердце Иова было чище, чем гордые сердца этих людей, говорящих правильные слова. Поэтому Он говорит им: *Итак, возьмите себе семь тельцов и семь овнов и пойдите к рабу Моему Иову, и принесите за себя жертву. Раб Мой Иов пусть помолится о вас, ибо только лицо его Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов.*

Книга заканчивается тем, что Господь Бог вернул Иову благоденствие и здоровье, и последние дни его были богаче, нежели прежние; и было у него четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц. И было у него семь сыновей и три дочери...

И мы думаем: ну надо же было так жестоко испытать человека, через такую мясорубку пропустить его, чтоб потом измерить его благоденствие тысячами верблюдов, ослицами и различным скотом... А дети-то погибли. Родились новые. А можно ли забыть старых, получив новых? Может быть, нет. Но, скорей всего, да. И вообще — ничего не понятно. Но Иов жил в древние времена, в те времена, когда небо ещё закрыто было для человека — только земля, и всё решалось на земле. Тогдашние верующие люди обо всём мыслили только в земных категориях. Поэтому награждается Иов по-земному. Хочешь по-земному жить? (Иначе жить-то не умеешь, небесной жизни ещё не было ни у кого.) Поэтому живи по-земному, и получай земные вознаграждения.

Общее чувство, братья и сестры, от этой книги — это чувство смиренной раздавленности. Непонятно, братья и сестры, ничего... Что, где происходит, с кем и почему — не нашего, оказывается, ума дело. Точную, истинную причину, диагноз ситуации назвать мы вряд ли можем. Нужен страх Божий человеку, нужно доверие к тому, что Бог творит.

Вот что несомненно — это то, что Бог есть, что Он премудр, благ, чуден, красив, вечен, непостижим и что Он правит миром. Этим Он и смиряет Иова: «Молчи, человек, и не омрачай Провидения словами без смысла. Я — хозяин мира, а ты включён в Мои планы. Молодец,

что сделал всё правильно». И благословляет его за это. В общем, пока книгу эту прочтёшь, страху наберёшься неопишемого. Я думаю, что этим она, собственно, и полезна.

Подружитесь с этой книгой, братья и сестры, она нам всем пригодится, потому что без скорбей никто на этой земле не жил и жить не будет. А в скорбях нам нужно мужество, благодушие, несокрушимая вера, которые были у человека по имени Иов.

*Блажен муж, который не ходит
на совет нечестивых и не стоит
на пути грешных и не сидит
в собрании развратителей,
но в законе Господа воля его,
и о законе Его размышляет
он день и ночь!*

(Пс. 1. 1)

Псалты

• *Шестопсалмие* •

Здравствуйте, братья и сестры. Сегодня мы с вами будем говорить о шестопсалмии — с точки зрения лучшего понимания богослужения, с точки зрения более внимательного отношения к псалмам. Псалмы, напомню, — это самая большая по объему ветхозаветная библейская книга, целиком включенная в новозаветное богослужение. Единственная, и в этом смысле уникальная. Если убрать ее, если вынуть ее из богослужения — из вечерней, из утренней, из Литургии (в том числе из антифонов), то мы онемеем. Мы не сможем своими словами адекватно заменить слова Святого Духа, сказанные через Давида, а также Асафа, сыновей Кореевых — всех тех псалмопевцев, которые есть в этой книге. С одной стороны, можно онеметь, потеряв сокровище. С другой — нельзя пользоваться сокровищем без должной степени почитания. По отношению к словам Божиим должной степенью почитания станет усердное разгрызание внешней скорлупы слов ради постижения внутреннего смысла. Слово Божие похоже на орех. Чтобы дойти до сладкой сердцевины, нужно разгрызть твердую оболочку. Это и есть понимание.

Шестопсалмие — относительно длинное моление при погашенных свечах в начале утрени, которая у нас служится с вечера, на-

кануне воскресенья, что само по себе немного сложно, поскольку мы говорим вечером: «Исполним утреннюю молитву нашу ко Господу». Важность этого богослужебного чтения такова, что на Востоке его традиционно читает игумен в монастыре и епископ на кафедре. Если епископ присутствует на богослужении, он должен читать шестопсалмие сам.

Первый псалом шестопсалмия — псалом третий. Если выучить его наизусть, то можно пользоваться им как холодным оружием, отмахиваясь от врагов (духовных), потому что он написан от лица человека, окруженного, стесненного врагами. Давид всю жизнь бегал

от врагов, и в этом стесненном состоянии постоянно возводил очи свои горé. Третий псалом тоже был написан во время бегства. Бегство было двояко горьким, потому что бежал он от своего сына Авессалома — не от Саула или от других врагов, но — сын восстал на отца. Это песня человека, молитва человека, находящегося в опасности. «Господи, что ся умножиша стужающие ми, мнози восстают на мя, мнози глаголют души моей: несть спасения ему в Бозе его» — так начинается псалом по-славянски. По-русски: «Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня, многие говорят душе моей: нет ему спасения в Боге».

Судя по первым двум строчкам, речь идет о человеке, на которого не просто напали, но которого стремятся поколебать в вере. Многие восстали на него, многие говорят: «Нет ему спасения в Боге». Такой злой шепот — самый опасный из всех злых шепотов, которые есть, потому что потерявший веру человек теряет вслед за ней надежду (о любви даже говорить нечего) и превращается в прах пред лицом ветра. Поэтому псалом может также являться защитой для человека, которого одолевают сомнения в вере. Христос говорит нам, чтобы мы были мудрыми, как змеи, и простыми, как голуби. А в отношении змей святыми отцами замечено, что они не боятся ударов по телу, но всячески изворачиваются головой, что-

бы ее сохранить; ибо, получив удар в голову, змея рискует умереть. А о теле не бережется. В этом смысле говорят: берегите веру — как главу своего духовного состояния. Все остальное, что случится, переносите мужественно, и этого не так уж бойтесь, но бойтесь веру потерять. И вот, если вам говорят, что «нет ему спасения в Боге» — это шепчет вам какой-нибудь злой дух на ухо, или люди стали вместилищами злого духа. Они на всех перекрестках кричат — одни одно, другие иное, но все вместе — против Господа Бога, колеблют в вере слабые души «малых сих». Вот вам псалом третий как защита. Давид сопротивляется, говорит: «Ты, Господи, щит предо мной, слава моя, и Ты возносишь голову мою».

Далее возникает тема некоей горы. Гласом моим ко Господу возвах, и услыша мя от горы святыя Своя. Горы — совершенно уникальное понятие в духовной истории Израиля и мира. Люди восходили на горы для богообщения. Смею догадываться, что там, где гор нет, а есть пустыня, люди воздвигали рукотворные горы — какие-то зиккураты или пирамиды — для того, чтобы восходить на их вершины в стремлении приблизиться в уединенной молитве к Богу, приблизиться к горнему миру. В горы восходил Моисей для разговора с Господом. В горы восходил Илия для богообщения. На гору восходил Христос, чтобы преобразиться. Во всем этом есть много

символов и смыслов. Кроме того, о горе пророчески сказано в шестьдесят седьмом псалме. Удивительный псалом — один из самых сложных в Псалтири, один из самых сладких и тайных. Там говорится о «горе тучной, горе усыренной, юже благоволи Господь Бог жити в ней, ибо Господь вселится до конца». Здесь усматривают пророчество о Богоматери: Она есть «гора тучная, гора усыренная». Гора, в которую Бог вселился до конца.

И вот, в третьем псалме говорится, что Господь слышит меня от горы святая Своя. Богу, в полном смысле слова, принадлежат и горы, и долины, и леса, и реки, и поля, и все животные и птицы, и прочее, прочее. Но есть некие горы святые, и это нужно понимать, очевидно, в духовном смысле.

«Аз уснух и спях: востах, яко Господь заступит мя». Этот псалом можно читать как вечером, так и утром. Если ложишься, то читаешь: «Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня». Если просыпаешься, тоже говоришь: «Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня».

«Восстани, Господи! спаси меня, Боже мой! Ибо Ты поражаешь в ланиту всех врагов моих». По-русски — «восстани», а по-славянски — «воскресни». Здесь говорится: «Воскресни, Господи, восстани в помощь мою». «Воскресни» значит «поднимись». «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его», (псалом 67) — этим

возгласом сопровождалось поднятие ковчега. По-русски не так красиво: «Да поднимется Господь (да встанет Бог) и разойдутся Его враги». По-славянски более красиво и более пророчественно: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его».

Псалом третий — небольшой и довольно легкий для запоминания. Тем паче, что мы слышим его очень часто в шестопсалмии. Функционально он подходит каждому из нас — потому что у каждого есть неприятности, связанные с врагами в общежитии, то есть по соседству: какие-то нападения возможны на человека и его друзей. Еще более полезен псалом в том смысле, что может быть нами использован для сопротивления невидимым врагам. Псалмы наполнены войной. Там постоянно кто-то с кем-то борется. Не имея вокруг себя материальных врагов, слава Богу, мы должны понимать, что существует духовная брань, существует духовная война, и в этой войне все мы участвуем. Наша брань не против плоти и крови, но против властей, мироправителей тьмы века сего, духов злобы поднебесных (Еф. 6, 12). Каждый человек ведет войну: сопротивляется унынию, злобе, похоти, злопамятству, раздражительности и так далее. За всеми этими страстями стоят начальники страстей — невидимые духи, окружающие человека, шепчущие: «Нет спасения в Боге твоём, ты погиб, ты наш, забудь, не надо,

не молись, отдохни...». Эта война идет, и псалом является для нас оружием.

И, наконец, третий слой — может быть, самый важный. Псалом может читаться как пророчество, если его прочесть, помня о Господе Иисусе Христе, страдавшем и воскресшем, поскольку там можно узнать голос страдающего Мессии и увидеть пророчество о Воскресении. То есть — и под таким углом можно читать. Не только о себе и для себя, но и под углом мысли о Господе Иисусе, поскольку псалмы пророчествуют о Христе. Весь Ветхий Завет пророчествует о Христе — но псалмы в первую очередь. Собственно, это есть особенность псалмов. Они написаны так, что, с одной стороны, каждый пользуется ими, словно они для него написаны, для его личного пользования, с другой — они более всех других книг говорят о Мессии, о Его добровольном уничтожении и о Его славе.

Далее нас будет ждать следующий псалом шестопсалмия — для того, чтобы мы разумно участвовали в богослужении, внимательно слушали Божие слово и уходили из храма напитанными силой и мудростью.

• *Тридцать седьмой* •

Здравствуйте, братья и сестры. Второй псалом шестопсалмия — тридцать седьмой. Отмечу одну характерную особенность чте-

ния церковного и чтения Псалтири. Всегда есть какой-то один стих, который повторяется дважды или трижды, выделяется из всего псалма как главный, как наиболее нас интересующий.

В тридцать седьмом псалме дважды повторяется последний стих: «Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего». Порусски значит: «Не удаляйся от меня; поспеши на помощь мне, Господи, Спаситель мой!». Закончив псалом этими словами, чтец повторяет их еще раз. Такое двойное повторение стиха из псалма дает нам главную мысль, которая в псалме содержится, и вчеканивает эту мысль в наше сознание. Раз прочитать — это как бы прочертить линию на металле, а второй раз — это уже закернить ее глубоко, так, чтобы она не изглаживалась. Исходя из этого повторения, псалом этот — взывающий о защите, а также покаянный. В Псалтири насчитывается не менее двенадцати покаянных текстов — ярко покаянных, которые только этим и наполнены, — и это один из них. Он дается нам на случай тяготы внутренней и того труда, который приносит грех. Без греха человек свободен, а с грехом человек находится в рабстве и в тяжёлой работе, как бы пригнут к земле. Труд согрешившего — это покаяться, распрямиться, сбросить с себя тяготу и освободиться.

Жизнь наша движется синусоидой, она не идет прямо и ровно, она петляет, в ней есть провалы и взлёты. И шестопсалмие идет так же. Человек начинает с третьего псалма, затем резко падает вниз, опускается в некую глубину зол. Здесь молящийся Давид похож на Иова. Вы помните горькие вопли Иова? Такими же горькими воплями наполнен псалом тридцать седьмой. Иов говорил, что если бы можно было превратить его вопли в песок морей, то они бы перевесили всё, что есть на земле. «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеша мене» (Обличи, только не в ярости, и накажи, только не во гневе) — начинается псалом царя Давида.

Давид очень доверял Богу. Когда ему предложили выбирать (как сказал пророк Нафан), накажут его люди или накажет Господь, Давид сказал, пусть лучше Господь. Потому что люди не умеют ни миловать, ни наказывать. Они вечно путают, кого наказывать, кого миловать. Это, во-первых. Во-вторых — не знают сытости и мира ни в чем. Господь если накажет — Он же и утешит. Он ударит — Он же перевяжет рану. Поэтому и говорит Давид: «Наказывай, но не в ярости, обличай, но не во гневе. Ибо стрелы Твои вонзились в меня, и рука Твоя тяготеет на мне. Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих». Под костями святые

отцы зачастую разумеют помыслы человеческие. Это очень важно. Важно то, что человеческий скелет, хребет в особенности, несёт на себе всю нагрузку человеческого тела. От здоровья позвоночника и костной системы зависит общее здоровье человеческого организма, его выносливость, сила, способность к труду, переносу тяжестей. То же относится к душе в отношении помыслов. Душа висит на мыслях, как на каркасе, на тонких проволочках. Весь внутренний мир человека повисает на его помыслах. Помыслы — это кости духовного организма. Если кости здоровы — организм крепок. Если гниль в костях (то есть, в помыслах) — то душа гнилая. Отсутствие мира в душе как раз поэтически выражается словами: «Нет мира в костях моих от грехов моих». Эти слова тоже может каждый повторить. Время от времени наступают такие времена — да! — что я могу сказать эти слова. «Несть мира в костях моих от лица грех моих» — то есть, не просто в душе и сердце нет мира — в самих костях мира нет. Но, повторяю, кости — это образ помыслов, из которых сшито одеяние души. Душа у человека умная, и она одета в слова и мысли.

«Несть мира в костях моих от лица грех моих. Яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне» — Давид ощущает грехи свои превзошедшими его голову. Заметьте, что Давид — не самый

отчаянный грешник. В Писании мы находим огромное количество людей самого разного поведения, и Давид тоже не абсолютно праведен — мы знаем о его грехах. Но покаяние его превосходит покаяние всех остальных людей. Он кается так, как будто на нем тяготеют все грехи мира. Кается так, будто бы он один в мире грешник. Это есть покаяние истинное — когда ты не замечаешь никого, когда ты не думаешь о грехах других людей, когда ты каешься, будто ты один согрешил. И только Богу согрешил. Ты и Бог, больше нет никого. И ты говоришь: *Тебе единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих* (Пс. 50, 6).

«Смердят, гноятся раны мои от безумия моего» — Давид никогда не был смраден и гноен. Смраден и гноен физически был как раз Иов. Но Давид ощущает смрад от своих духовных состояний. И в этом смысле он тоже уникальный человек. Признать пред Богом в молитве, что ты смердишь и гноишься внутри от грехов — это, знаете ли, если не для красного словца делать, а по совести, стоя перед лицом Создателя — это большая боль, рождающая большое утешение в последующем.

«Я изнемог и сокрушен чрезмерно; кричу от терзания сердца моего». По-славянски еще более поэтично: «Рыках от въздыхания сердца моего». Какое-то рычание в сердце рождается. Человек — как раненый зверь, когда ощу-

щает боль греха в себе: «Господи! Пред Тобою все желания мои, и воздыхание мое не сокрыто от Тебя».

«Сердце мое смятеся, остави мя сила моя, и свет очию моею, и той несть со мною». В беседе о третьем псалме мы говорили о том угле прочтения, при котором можно узнать страдающего Мессию. Страдающего Мессию еще более можно узнать в тридцать седьмом псалме. Не зря мудрецы Ветхого Завета, Израиля, говорили, что весь Ветхий Завет, весь Танах, всё Писание в каждой строчке благовествует Мессию, проповедует Его. Только тайно проповедует — это нужно понимать. Псалмы открыто говорят о страданиях праведника. Страдающий праведник — это Иов. Страдающий царь — это Давид. Кающийся царь и страдающий царь, царь смиренный — это Давид. В этом смысле он предвозвещает искупительные страдания Господа Иисуса Христа.

Если нам понадобится читать этот псалом отдельно от всех остальных, по своей собственной нужде, мы сможем пользоваться им именно в те дни, когда отравлены беззакониями. Тридцать седьмой псалом — это уникальная покаянная песня. Здесь человек находит сам себя, во всех своих безобразиях: «Беззаконие мое я сознаю и сокрушаюсь о грехе моем». *Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс. 50, 5). «Выну» значит «всегда».

Последний вопль особенно важен, ибо он обнадеживает человека: «Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего». Этот плач тридцать седьмого псалма можно назвать радостотворным: если плач соединён с надеждой, то он несет в себе утешение. Тот, кто имеет счастье выплакиваться, кто хотя бы раз в жизни выплакивал свою душу с «рыканием» сердца, с этой тяжестью (которая, быть может, требует полного одиночества — потому что великие скорби требуют полного одиночества), кто выплакивал, повторяю, перед лицом Бога свою душу, тот знает, как вслед за этим в душу приходит облегчение и укрепляется надежда, укрепляется вера. Правы апостолы, когда говорят: «Принимайте с радостью, братья, когда впадаете в различные искушения, зная, что искушения веры вашей рождают надежду. Надежда же не посрамит» (см. Рим. 5, 3–5).

Псалом тридцать седьмой — второй псалом шестопсалмия — достоин того, чтобы знать его хорошо и пользоваться им вместе с псалмом пятидесятым в дни покаянной грусти, в дни особенно острой боли о своих грехах. И для того, чтобы применять его хорошо, стоит прислушиваться к нему, когда мы стоим в храме на службе, внимать каждому слову, запоминать, впитывать, осознавать, прочитывать в одиночестве по памяти — и таким об-

разом пользоваться этим бесценным сокровищем для спасения собственной души.

• *Шестьдесят второй* •

Мы продолжаем разговор о шестопсалмии. Оно делится на две равные части — по три псалма. Первое трехпсалмие заканчивается псалмом шестьдесят вторым — третий, тридцать седьмой, шестьдесят второй. Не ленюсь напомнить, что если мы сделаем для себя понятными и хорошо знакомыми слова псалмов на богослужении, слова воскресных и будничных антифонов на Литургии, то мы раскрасим для себя богослужение. Вместо того чтобы тяготится службой и спрашивать, когда это закончится, мы будем с удивлением говорить: «Что, уже всё?!» — она будет пролетать, как скорый поезд мимо мальчика, стоящего на полустанке. Поэтому труд наш очень важен — мы пытаемся ближе донести до сознания смысл псалмов, читаемых чаще всего.

Шестьдесят второй псалом — это третий псалом шестопсалмия, и он — радостный. Как мы уже говорили, жизнь идет волнообразно, и нужно понимать, что она не может двигаться только в одном ключе, в одном русле. Почему, заметьте, воскресший Христос приходил к апостолам и уходил, а не оставался с ними все сорок дней от Воскресения до Вознесения? Потому, что здесь есть свой закон: чело-

век не может всю свою жизнь, долгие дни подряд предстоять перед Богом, находясь перед Ним неотлучно — он изнеможет и не вынесет этого предстояния, он просто прорвётся, как мехи. Поэтому Господь приходит и уходит. Это потому, что человеку нужно напрягаться и отдыхать. Если он будет просто расслаблен — он пропадет, как заржавевшее железо. Если он будет напряжен все время — он порвётся, как перетянутая струна или тетива. Так и в жизни бывают периоды напряжения и расслабления. И псалмы идут — от глубокой скорби и покаяния — до радости.

Псалом шестьдесят второй — это псалом, говорящий о насыщении Богом, о том, что человек напитан, насыщен Богом и радостен, лицо его как будто намазано жиром, уста у него исполнились тука и елея. Давид молится и говорит: «Как туком и елеем, насыщается душа моя, и радостными гласами восхваляют Тебя уста моя». Тук и елей — это жир и масло. Жиром и маслом намащена душа, уста хвалят Бога — как будто сытый человек, замасленный и счастливый, совсем не голодный, а именно сытый, и даже более чем сытый. Этот образ человека противоположен тому, что был дан в псалме тридцать седьмом, где глубина скорби, сокрушенные кости, чрево, наполненное поруганиями, погасшие очи, отошедшие ближние... И тут такой контраст! Так в жизни и бывает. Шестопсалмие — некий сле-

пок с жизни. Слепок с её духовной, внутренней механики, её течения — то вверх, то вниз.

Заметим, что этот псалом имеет надписание: «Псалом Давида, когда он был в пустыне Иудейской». Значит, в пустыне царь Давид насыщался благодатью. В пустыню он ходил не для того, чтобы проветриться, прогуляться, понаблюдать за ходом небесных светил. В пустыню выгоняла его нужда. Он там скрывался и прятался большей частью. Получается еще одна интересная вещь: там, где его, как изгнанника, принимали пустые просторы, там, где его обдувал знойный ветер, — там было ему хорошо. А уже когда он приходил в селение, жилище, где его окружали друзья, враги, наушники, клеветники, льстецы — там ему было плохо. Это говорит нам о том, что иногда на самое тяжелое время человек оглядывается как на лучший период своей жизни, а там, где он думает наслаждаться, — там ждёт его беда. Лот в Содоме был праведен. Выбравшись из Содома и спасшись по ангельскому повелению от Божьего гнева, он совершил два тяжелейших злодеяния, о которых известно всякому, кто хотя бы немного знаком с текстом старозаветного Писания: пил допьяна, до потери сознания, и был с дочерьми. Этот контраст между праведностью в местах греха и грешностью в местах пустынных наводит нас на мысль и о Давиде, который радовался в пустынях и печалился в каменных палатах.

Практический вывод напрашивается сам. Иногда вдруг сляжешь — и так помолишься на одре болезни, как никогда не молился, когда был здоров и силен. Часто ведь и признаются люди: «Если бы не моя болезнь, — как недавно я слышал от одной женщины, — я бы никогда в жизни не открыла Евангелия. Я бы жила так, как жила, пока Бог меня бы не прибрал. А вот болезнь научила меня очень многому». Так и пустыня научила Давида очень многому. Он с ранней зари искал Господа: «Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной» — «Возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя, в земли пусте, и непроходне, и безводне».

Знаете, здесь можно угадать тоску о Боговоплощении. Человек плотян, телесен, а Бог духовен, невидим, чувствам недоступен, неосязаем. Хочется человеку к Нему прикоснуться — а к Нему в принципе прикоснуться невозможно, ибо природа Его неосязаема. Сама плоть изжаждалась благодати. Я думаю, что здесь можно прозирать ветхозаветную, пророческую тоску о Боговоплощении, когда плоть хочет благодати — не просто душа, но само тело хочет благодати.

Силуан Афонский говорил, что если бы у мучеников Христовых благодать была только в уме или в сердце, в душе — то они бы не выдержали издевательств. А они выдержали

все — только потому, что у них всё тело было, как губка, напоенная благодатью. Поэтому томится по Богу не только душа, не только разум ищет истину, не только сердце ищет утешения и душа спасения, но и тело само, сама плоть человеческая томится в земле пустой, иссохшей и безводной.

«Чтобы видеть силу Твою и славу Твою, как я видел Тебя во святилище», — в пустыне он храм не посещал. Помните, мы Великим постом поём: «Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою. Воздеяние руку моею жертва вечерняя», — то есть: «Вместо жертвы вечерней, Господи, прими воздеяние рук моих; вместо кадила — прими мою молитву. В храм я пойти не могу, кадило я принести не могу, жертву принести не могу, но вот руки поднимаю и молюсь Тебе. Вместо кадила и жертвы пусть будет молитва и воздеяние рук». Так и здесь — Давид вместо храма Божьего, где служба, в пустыне тоскует по Господу, молится Ему и радуется, что Бог его слышит: «Так благословлю Тебя в жизни моей; во имя Твоё вознесу руки мои».

Про тук и елей мы говорили, поэтому продолжим: «Ты помощь моя, и в тени крыл Твоих я возрадуюсь; к Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня». Правда, и сюда заходит печальная тема врагов, потому что Давида ведь постоянно ищут, он находится под угрозой бегства, и жизнь его в опас-

ности. Поэтому он говорит о врагах, которые сойдут в преисподнюю, достанутся в добычу лисам — то есть дикие звери будут питаться прахом врагов Давидовых. Это печальная особенность псалмов, которая говорит о том, что написаны они были человеком, не имевшим длительного мира. Он потому и храм Богу не построил, что вынужден был воевать, и руки его были обагрены кровью. Соломону суждено было храм строить, а Давид этого лишился.

Псалом, в целом, очень радостный. Он омрачен фактом изгнания в пустыню, но мы уже сказали, что зачастую это бывает благодеянием. И несколько омрачен он упоминанием о тех, кому будет плохо, кто против Давида, кого пожрут дикие звери, кто сойдет в преисподнюю.

Царь же возвеселится о Боге, восхвалён будет всякий, клянущийся Им, ибо заградятся уста говорящих неправду. Заканчивая эту беседу, можно сказать, что царь, который «возвеселится о Бозе», — это конкретный царь, Давид, порадуетя о Господе. Но у нас есть еще царь в голове — это наш ум, владыка нашего сознания. Великой радостью должен радоваться наш ум о том, что он знает Господа, о том, что уму открыты тайны богословия и что ум насыщается знанием тайн Божиих. Не согрешим, если скажем, что у каждого из нас владычественный разум должен насыщаться верой и радоваться, постигая Божественные смыслы.

Шестьдесят второй псалом, третий псалом шестопсалмия, учим наизусть и вспоминаем его в радости.

• *Восемьдесят седьмой* •

Здравствуйте, братья и сестры. Три псалма прочитаны — третий, тридцать седьмой и шестьдесят второй. Затем чтение псалмов прерывается пением «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и вовеки веков. Аминь», трижды «Аллилуйя», «Господи, помилуй», опять «Слава, и ныне» — и начинается четвёртый псалом шестопсалмия — восемьдесят седьмой. Он надписан как песнь и как учение Емана Езрахита. Также написано, что это псалом сынов Кореевых — это вводное оглавление не читается во время богослужения, но в Писании оно есть, и оно тоже интересно.

В Псалтири есть не только Давидовы псалмы. Там есть одна песня Моисея, есть псалмы ненадписанные — неизвестного авторства, есть псалмы сынов Асафовых и псалмы сынов Кореевых. Сами сыновья Кореевы — это люди, известные нам по шестнадцатой главе Книги Чисел. В ней упоминаются первые «протестанты». Корей, Дафан и Авирон восстали против власти Моисея и Аарона и предъявили претензии: всё общество свято, все израильтяне — дети Авраама, все они Богу одина-

ково миль, и «нечего тут нами командовать». Это был бунт против Моисея, против Аарона, против закона, по которому Израиль, водимый Богом, должен был совершить предназначенное. Они взбунтовались и были наказаны — наказаны жестоко. Земля разверзлась и пожрала их вместе с ближайшими родственниками, на сонмище, так что все отошли от них подальше. Земля поглотила их, и сошли они во ад живыми. Но не все потомство их погибло, некие сыны Корея остались, и они затем Давидом были включены в число певцов и левитов, служащих при храме, — то есть они были из колена Левия.

Давид занимался храмовой реорганизацией. Он стремился сделать богослужение красивым, боголепным, постоянным, правильным. Для этого он реструктурировал всю левитскую школу певцов, священников, разбил их на череды. Установил график: кому когда идти служить, кому когда отдыхать (в книге Паралипоменон все это описывается, там упоминаются и сыны Корея, и сыны Асафа, которые также слагали псалмы). В Писании есть двенадцать псалмов, подписанных как псалмы сынов Корея. Этот псалом — последний псалом сынов Корея. Это очень любопытная деталь: потомки человека, который восстал против Господа и Его законов, впоследствии вошли в число певцов славы Божьей. Давид их к себе приблизил, прекрас-

но зная, чьи они дети в далеком потомстве, дал возможность самим именам их родителей реабилитироваться через словесную службу Господу.

Кроме того, псалом подписан как учение Емана Езрахита. Он не просто воспевает Бога, но и учит. И опять-таки, после радостного, приподнятого псалма шестьдесят второго — псалом восемьдесят седьмой, псалом великой скорби. Это «псалом Иова» по духу. Это беда, смерть, это ров, в который положили человека, как мертвеца. И он ждет воскресения.

«Душа моя насытилась бедствиями, — говорит человек молящийся. Это не Давид, здесь уже сыны Кореевы, — и жизнь моя приблизилась к преисподней». В своем духовном опыте человек часто погружается в такую ночь. Богословы-мистики говорят о Гефсиманской ночи, что Господь был во тьме и ужасе, во тьме снаружи и во тьме внутри, во тьме борения до кровавого пота. Так и человек приближается иногда к преисподнему рву.

Есть такое слово — «инферно», то есть «ад» по-латыни. Всякие явления жизни, когда как будто серой пахнет в воздухе, получают название «инфернальной реальности» — ад приблизился. Булгаковский «Мастер и Маргарита» — инфернальный роман, в котором нечистая сила живет рядом с человеком и спокойно сидит с ним на лавочке. Ад уже не связан, ад вышел наружу — и это ощущают

люди тонкие и чуткие. Каждый человек может пережить страшный опыт приближения к преисподней. В этом псалме такие слова есть: «Жизнь моя приблизилась к преисподней». В это время без веры человек не сохраняет здравого рассудка, в это время нужна вера огромной силы, и молитва нужна. Как раз сей псалом и помогает в отчаянии.

«Я сравнялся с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы», — это также и мессианский псалом, ибо Христос унизился до смерти, сошел в преисподнюю, причислился к не имеющим силы, на кресте отказался от всякого чудотворства. Когда Ему говорили: «Сойди с креста, и мы уверуем в Тебя», — мы ни секунды не думаем, что Он не мог этого сделать. Но Он не делал этого, потому что нельзя было этого делать — надо было до конца пить чашу страданий. Унижения надо было выпить до конца — псалом пророчески об этом говорит.

«Между мертвыми брошенный, — как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты», — видимо, люди, писавшие этот псалом, находились в пророческом духе. Так они живописали будущие страдания Мессии. Поэтому мы ставим их молитвы в ряду молитв шестопсалмия.

«Ты положил меня в ров преисподней, во мрак, бездну» — вот, кому плохо бывает в

жизни, так плохо, что с кровати с утра не можете встать — не от усталости, а от уныния — вот вам псалом восемьдесят седьмой, читайте его, насыщайте душу, приобщайтесь к силе Божьей через эти слова. Они даны именно для того, чтобы избавить себя от этого внутреннего умирания.

«Отяготела на мне ярость Твоя, и всеми волнами Твоими Ты поразил меня. Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них; я заключен и не могу выйти», — здесь мы снова узнаем Иова и Спасителя Господа Иисуса Христа. Отверженный Иов, от которого все отвернулись; отверженный, не понятый Господь Иисус Христос. И здесь же есть голос, пророчествующий о воскресении. Жить для человека — означает жить вечно. Это очень простая мысль, всесокрушающая для всякой лжи. Если человек откажется лично от вечной жизни, не будет искать её, жаждать, не будет веровать в неё и утверждать поведением своим, то он превратится в глупую шутку. Он подтвердит слова Лермонтова, который сказал, что жизнь, когда взглянешь с холодным вниманием вокруг, такая пустая и глупая шутка. Жизнь действительно превращается в какое-то издевательство, марево, распадается на составляющие элементы, если человек отказывается от вечной жизни, если его кто-то увел, соблазнил, нашептал ему: «Несть спасения тебе в Бозе». Поэтому

важно, что человек исповедует свое личное вечное бытие и чаёт воскресения мертвых. Ведь в нашей смерти, которой завершается земная жизнь, нет окончательности, она, как говорит нам Троица цветная, «царствует, но не вечнует».

Псалом говорит нам: «Разве над мёртвыми Ты сотворишь чудо? Разве мёртвые встанут и будут славить Тебя?» Не мёртвые, но мы — живые. Исайя говорил: «Не мёртвые восславят Тебя, Господи, но мы, живые, благословим Господа отныне и до века».

«Или во гробе будет возвещаемая милость Твоя и истина Твоя в месте тления?» — ставится предельный в своей простоте и правде вопрос: «Если смерть есть, то зачем всё? Неужели мёртвые будут хвалить Тебя, неужели им будет возвещена истина?».

Ветхий Завет ставит вопросы — Новый Завет даёт ответы. Новый Завет даёт ответ — да, мёртвые поднимутся. Во гробе прозвучит истина — потому что Христос сошел в гроб, и гроб стал источником жизни. Из гроба воссияла истина. Христос в преисподнюю сошел к мёртвым и там благовествовал духам людей, жившим от Адама. И там свет Христов воссиял. Поэтому четыре подряд заданных вопроса в псалме восемьдесят седьмом получили разрешение в Евангелии Господа Иисуса Христа.

«Разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения — правду Твою?» — вопрос

за вопросом идёт... Познают. Услышат. Мертвецы поднимутся. Задача этого псалма — задавать вопросы. Задача Евангелия — отвечать на вопросы, поставленные Ветхим Заветом.

Это не просто псалом, повторяю. Это есть некое учение Емана Езрахита. Учение, заключающееся в том, что в духовной жизни бывают глубокие падения, доходящие до состояния почти мёртвости, живого переживания близости ада. В этом тоже есть свой высокий смысл, потому что именно это является последней, предельной закалкой молящегося духа. Если человек победит эти состояния, его вера в Воскресшего Христа будет несокрушимой. Это говорится о нас, новозаветных людях. Ветхий Завет как раз приготавливал всем своим течением и всем своим духовным напряжением эти прозрения Нового Завета.

Псалом восемьдесят семь, псалом скорбящего человека, последний псалом сынов Кореевых был предметом нашего внимания. Слушайте его внимательно на службе, учите наизусть, разгрызайте, как орешки, каждое его предложение.

• *Сто второй* •

Здравствуйте, братья и сестры. Псалом восемьдесят седьмой, последний псалом сынов Кореевых, был погружением во тьму, а следующий псалом — снова выход наружу с

хвалениями и благодарениями. Псалом сто второй «Благослови, душа моя, Господа...» поётся у нас на Литургии как первый антифон. Это собеседование с самим собой, и здесь есть очень важные строки: «На всяком месте владычества Его, благослови, душа моя, Господа», — призыв человека к самому себе везде и всегда благословлять Господа. Этот стих повторяется в конце в знак того, что он является центральным, сквозным для этого псалма.

Нужно сказать, что «благо есть исповедаться Господеви», приятно и радостно хвалить Его, когда на душе легко, когда молишься и чувствуешь, что слышит Бог и принимает. И псалом тридцать третий говорит: «Благословлю Господа на всякое время», — во всякое время суток или жизни, осени или весны жизни благословлю Господа. А псалом сто второй говорит: «На всяком месте владычества Его, благослови, душа моя, Господа». Там про время, здесь про место — чтобы во всякое время и на всяком месте хвалить Создателя. Куда бы ни пошёл, в какую бы сторону ни повернулся — на всяком месте ты стоишь на месте владычества Его. Вот сегодня, сейчас каждый находится на своем месте, и это есть место владычества Его. Вот здесь благослови, душа моя, Господа.

Псалом — поразительный, роскошный, сладчайший. Во-первых: «Не забывай всех воздаяний Его. «Забвение, как вы знаете, —

один из тяжких грехов. Почему мы и говорим часто: «Избави мене от малодушия, забвения, окамененного нечувствия». Богу предъявляют претензии обычно только те, кто забывает о милостях, которые щедро получали из Божьей руки. Поэтому — не забывай всех воздаяний Его. А какие же там воздаяния? Далее говорится: «Он прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои, избавляет от истления живот твой, венчает тя милостью и щедротами. Исполняет во благих желание твое. Обновится, яко орля, юность твоя». Жизнь, как орел, расправляет крылья по Божьему благословию. Главное, поставленное первым, — Бог прощает все беззакония твои. Это первое благо. Мы бы с вами уже и не жили сегодня, если бы милость Божья не проливалась постоянно, если бы Он вдруг захотел перестать прощать и начать наказывать. Но Он именно потому и не начинает наказывать и продолжает прощать, что над нами, как знамя, Его любовь и милость простирается, и Он прощает нам наши грехи. Это доказывается самим фактом продолжающейся жизни.

Далее псалом воспеваает Господа, напоминая нам то, что слышал Моисей: «Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив». Эти слова первым услышал Моисей, когда жаждал увидеть лице Господне. Господь ему говорит: «Не можешь ты увидеть лице Мое, никто этого не может, потому что

не останется жив человек. Но задняя Моя узриши» (см. Исх. 33, 18–23) — некий отблеск славы Божьей узришь. Он ставит его в каменное место и проходит перед ним Своею славою. «И возгласил Господь во имя Господа» — это было некое таинственное боговидение, где участвовал и Сын Божий, и Отец. И было сказано тогда: «Господь долготерпелив и многомилостив. Любящий прощать и не любящий наказывать». Эти слова перефразируются и повторяются в псалме сто втором: «Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Не до конца прогневается, ниже во век враждует. Не по беззакониям нашим сотворил нам и не по грехам нашим воздал нам, ибо как высоко небо над землей, так велика милость Господа к боящимся Его». Псалом хвалит Господа в максимальной степени — как только можно. Благословляет и хвалит, хвалит и благословляет.

Усыновляет человека Богу псалом. Ибо сказано: «Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его. Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы — персть». Человек — это персть, прах. «Помяну, — говорит по-славянски текст, — яко персть есмы», — то есть вспомню, что мы — прах. Прахом назывался, если помните, Авраам, когда стоял перед лицом Божиим. «Я говорю перед Владыкой всей земли, я прах и пепел» (см. Быт. 18, 27), — говорил он. Кстати, перстными, или

посыпанными прахом, называли евреев в плену египтяне. Евреи работали, строили укрепленные города, а надсмотрщики и вообще знатные египтяне презрительно говорили о евреях как о пыльных или людях из праха. Даже был такой термин на древнеегипетском языке — «хапиру» — «люди из пыли» — уничижительное название работающих евреев. В некотором смысле, мы все люди из пыли, потому что оживился прах дуновением Божиим, стал Адам душою живою. «Помяну, — говорит псалмопевец, — что мы персть, мы прах».

«Дни человека — как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его». Это расхожая фраза, ее подхватывает, например, апостол Иаков в Соборном послании, где говорит, что, действительно, дни наши — как трава. Он говорит о том, что восходит солнце, цвет травы опадает, и она высыхает (см. Иак. 1, 11).

«Милость же Господня от века и до века к боящимся Его, и правда Его на сынах сынов, хранящих завет Его и помнящих заповеди Его, чтобы исполнять их». Заметьте, что много раз повторяется о боязни; о страхе говорится и о радости и благословении Создателя. Интересно, что в мирской жизни мы не любим тех, кого боимся, и не боимся тех, кого любим. В духовной жизни зачастую могут долгое время сохраняться оба чувства одновременно. Да, там, на вершине, совсем высоко, Антоний

Великий говорил: «Когда-то я боялся Бога, теперь я люблю Его». Но пока на эту вершину взберёшься (и если взберёшься), бывает, что ты одновременно и боишься, и благодаришь. Как-то все вместе переплетается. Есть такие красивые слова в псалмах: *Да возвеселится сердце мое бояться имене Твоего* (Пс. 85, 11). Когда сердце боится Божьего имени, ощущает благоговейный страх, в это время душа веселится. Вот такие странные вещи бывают в духовной жизни, напрочь отсутствующие в жизни мирской, и чтобы понять, нужно пережить их и испытать на деле.

«Господь на небесах поставил престол Свой, и царство Его всем обладает». Удивительные слова, о которых Тихон Задонский говорил, что отсюда страх Божий может родиться: «Уготовал на суд Господь престол Свой», — это в другой псалме говорится. В сто втором псалме то же самое говорится: «Господь на небеси уготова престол Свой, и царство Его всеми обладает». На этом престоле ныне сидит одесную Отца во плоти Сын Божий, Который усыновил Богу человечество, взял его Себе в братья родные. А иногда Он даже встает со Своего трона, как это мы видим в истории Стефана, где Христос изображается не сидящим, а стоящим одесную славы Божьей. Это значит, что Он внимательнейшим образом наблюдает за всем, и внимание Его проявляется в том, что Он не сидит уже, а сто-

ит, готовый вступиться, если нужно, проверяя терпение Своих рабов. То есть псалом — пророческий.

Завершается этот псалом троекратным благословением: «Благословите Господа, все Ангелы Его». Человек — сам глины кусок, дерзает звать на молитву Ангелов: «Ангелы, благословляйте Бога со мной!» Здесь нет дерзости, но есть чудо. Ангелы не обижаются на человека за такую претензию, не говорят: «Ничего себе, он зовет меня с собой хвалить Бога!» А чем Ангелы занимаются? Они и так это делают постоянно. А тут человечек, вчера грешить переставший, говорит: «Благословите Господа вси Ангели Его, сильнии крепостию, творящи слово Его, услышати глас словес Его; благословите Господа все воинства Его, служители, исполняющие волю Его; благословите Господа все дела Его». Делами Божьими можно назвать всякую вещь, Богом сотворённую, от маленькой букашки или травинки до, например, солнечных систем. Все это своей стройностью и послушанием хвалит Бога тоже, совершая некую небесную музыку, небесный хоровод, подслушав который, Пифагор составил нотную систему.

«На всяком месте владычества Его, благослови, душе моя, Господа». Два раза повторяется — псалом зовет мою душу благословлять и хвалить Господа на всяком месте. У евреев была разработана целая система благослове-

ний, при которой человек на всякое событие жизни должен был в мыслях или словом поблагодарить Создателя. Допустим, ложимся спать и говорим: «Благословен Бог, давший день прожить и доведший нас в здравии до подушки». Утром проснулись: «Благословен Господь Бог, повелевший солнцу воссиять над землей еще один день». Учитесь и вы, не празднословя, не кощунствуя и не болтая лишнего, благословлять Господа на всякое время, на всякий час и на всяком месте владычестве Его.

• *Сто сорок второй* •

Последний псалом шестопсалмия, псалом сто сорок второй, опять опускает нас в долину покаяния. Только что мы были в горах хваления и теперь спускаемся в долину покаяния. Псалом сто сорок второй — это седьмой покаянный псалом Псалтири. Он читается не только в шестопсалмии, но также положен по чину для чтения на молебнах. «Господи! услышь молитву мою, внемли молению моему по истине Твоей; услышь меня по правде Твоей». Вы наверняка слышали эти слова. Это голос человека стеснённого. Здесь нет тех ужасов, которые есть, например, в восемьдесят седьмом псалме, где говорится о рве преисподнем, о тени смертной, об inferнальном опыте, о приближении к адской реальности.

Здесь — покаянные муки человеческие, взывание к Богу с более высокой точки. По степени схождения во ад — это не нижние круги, это верхние. Этот псалом удобно читать каждый день. Он на таком градусе дан человеку, что такое покаяние можно позволить себе каждый день.

Здесь есть несколько ярчайших образов, которые вероучительно поддерживают человека. «Не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живой» — то есть — «не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается ни один из живущих». Это говорит нам о том, что всякая плоть перед Богом не имеет чем гордиться. Это очень важные слова, сохраняющие свою ценность и в Новом Завете. Может быть, кто-нибудь подумает, что это Ветхий Завет так «унижает» человека. Нет, это есть и в Новом Завете. Мы читаем часто у святых, что «если бы ты и мертвых воскрешал, то все равно молись Богу как грешник». Не думай о себе ничего больше, нежели надо думать. Как апостол Павел говорит: «Не мудрствуйте более, паче подобает мудрствовать».

Не оправдится пред Богом всяк живой. В другом покаянном псалме — пятидесятом — мы говорим: «И победиши, внегда судити Ти», — то есть — «на суде Ты победишь. Что бы там ни было, Ты на суде победишь, я буду неправ. Я закрываю рот и молчу, потому

что Ты прав». Так и Иов свои крики закончил в конце концов: «Я раскаиваюсь в прахе и пепле». Поэтому очень важны для смирения слова: «Не оправдится пред Тобою всяк живой». Если помилует Бог — будем помилованы. Если начнем судиться и спорить и ссориться о каждой мелочи, вступать в пререкания — нет, ни одна живая душа не устоит.

Некто из великих сказал: «Совершенство совершенных воистину несовершенно». Нет святости без изъяна в человечестве, даже у самых великих святых. Все равно есть какая-то червоточинка. И наоборот: «Един Свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь», — такой есть литургический возглас. То есть Он — единый безгрешный Господь Иисус. Понимание этого должно быть у каждого человека, чтобы никто не выпячивал грудь колесом и не думал: «Я вот это сделал для Бога, и это сделал, и это...» Ерунда всё, что ты сделал! Если Господь захочет, Он найдёт, за что тебя наказать. Поэтому «не оправдится пред Тобою всяк живой».

Опять мы видим врагов, преследующих Давида, и мы понимаем их как врагов духовных: «Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою». Втапывание в землю означает, в духовном отношении, погружение в суету. Помните, в землю закопал талант один из нерадивых рабов, получивших деньги, чтобы затем принести его хозяину. Закопал, вы-

копал, отнес: «На тебе твоё». «Принудил меня жить во тьме, как давно умерших», — может сказать о себе человек, который «закопался» в суету, которого жизнь завертела и окунула в земные дела так, что он даже и голову поднять не может.

«Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме, как давно умерших, — и что от этого бывает, — уныл во мне дух мой, онемело во мне сердце мое». Унылый дух и онемевшее сердце — это портрет подавляющего большинства населения — если не всего земного шара (мне он не известен), то, по крайней мере, населения нашей страны. Во многих сердце исчахло и онемело, во многих дух замер и уныл. Уныние можно прочесть на лицах совершенно молодых людей, которым еще впору смеяться широко раскрытым ртом, и искриться глазами, и скакать по лужам весной. Нет, никто по лужам особо не скачет. Уныл человек, человечество вошло в полосу чахлости сердечной, потому что слишком много занимается землёй и только землей и доходит до забвения существования неба и иной реальности. Вот псалом себя и оправдывает. Враг преследует, враг в землю втоптал, и «уны во мне дух мой, во мне смятется сердце мое».

Далее еще одна очень важная вещь, которая звучит, как закон. «Помяну дни древния, поучихся во всех делех Твоих, в творениях

руку Твоею поучахся», — это по-славянски, а по-русски так: «Вспоминаю дни древние, размышляю о всех делах Твоих, рассуждаю о делах рук Твоих». «Вспоминаю дни древние» — это значит вспоминаю все те дела, которые Бог совершил от сотворения мира. Вспоминаю переход через Чермное море; вспоминаю питание Израиля манной; вспоминаю воскрешения мертвых, которые были в Ветхом Завете и в Новом Завете; вспоминаю исцеления, вспоминаю наказания грешников; вспоминаю истребление Ангелом многих сотен тысяч войск Сенахирима под стенами Иерусалима — вспоминаю множество Божиих чудес. Когда люди думают о Божиих чудесах, они спрашивают друг друга: «А почему это было только в древности, а сейчас такого нет?». И в Писании есть такой голос: «Где чудеса Твои древние, Господи?». И тут же возникает ответ в Писании: «Рука Моя не сократилась, — говорит Господь, — и мышца Моя не ослабела, чтобы творить в ваши дни то же, что было в древние». То есть: «Вы изменились, Я не изменился», — говорит Господь.

«Помяну дни древние, размышляю о всех делах Твоих», — знание Священной истории, размышление о делах Божиих, бывших в древности, необходимо во всякую эпоху, во всякий исторический период для того, чтобы знать: то, что было, может повториться. Бог неизменяем. Бог то, что способен был делать

тогда, способен делать и сегодня. Об этом нужно размышлять. И, кроме того, — «рассуждаю о делах рук Твоих». Вы знаете, если задуматься над этими словами на бытовом уровне, то следует вспомнить, что такое наука. Биология, например. Это попытка разобраться в Божьей премудрости, в делах Божьих по устройению мира. Это касается и биологии, и геологии, и физики, и химии, и многих других вещей. Если бы биолог подходил к изучению клетки или перекрестного размножения мушек дрозофил со стихом из псалма «рассуждаю о делах рук Твоих»... Заходит химик или физик в лабораторию, надевает белый халат, крестится, начинает ставить опыт и при этом говорит про себя: «Господи, рассуждаю о делах рук Твоих... потому что вот — дела рук Твоих, а я их изучаю...» Вы знаете, насколько по-иному была бы построена жизнь человеческая, если бы человек не ковырялся дерзко в области Божественного творения, не стучался в те двери, куда его не зовут, и не лез, куда его не просят, а занимался бы наукой как попыткой разобраться в делах Божьих с благоговением и страхом, — с пиететом, если полатыни говорить, — как по-другому корректировалось бы движение человеческой мысли.

Прочтем стих, который повторяется в конце псалма еще раз. «Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой. Дух Твой Благий наставит мя на землю праву», — эти стихи счита-

ются центральными и главными в этом псалме. «Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой». Вся жизнь, собственно, в вере-то и состоит. В том, чтобы творить не волю свою, но волю Божью — и творить её очень непросто. Поэтому: «Научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой, а Дух Твой Благий наставит мя на землю праву. Разумеем землю живых и землю, на которой правда живёт, ибо мы, по откровению, ожидаем нового неба и новой земли, на которых правда живёт. Дух Божий, Дух Благий наставит меня на землю праву, на землю ровную, на землю святую, на землю чистую».

Таким образом, дорогие христиане, участвуя в богослужениях, неделя за неделей, а иногда день за днем, вслушиваясь в слова всем известных псалмов, которые часто пролетают мимо нашего уха, как пчёлы медоносные, но не садятся к нам и мёдом не делятся, мы будем стараться учить это для себя, раскрывать смысл и обогащаться внутренне тем, что слышится снаружи. Иначе отнимется то, что ты думал иметь, и погибнет. Вот оно, вроде бы, здесь — но оно не твоё. А когда выучишь, поймёшь и полюбишь, если псалом даже читаться не будет, ты сам себе прочтешь в любое время, и это будет твоё. Так мы достигнем цели нашей: сделать богослужение понятным и любимым, чтобы не скучать в церкви приходилось, а радостно стоять перед

лицом Царя Царей и с горестью храм покидать, спрашивая: «Что, уже всё закончилось? Как жалко. Завтра еще приду». Вот так будем ходить в церковь.

• *Пятидесятый* •

Приветствую вас, дорогие братья и сестры. Сегодня поговорим с вами о псалме покаянном, пятидесятом, который был рожден и написан царём Давидом после совершения двух серьезнейших преступлений, шедших одно за одним, как звенья цепи, — прелюбодеяния и убийства. Псалом покаянный «Помилуй мя, Боже...» вошел в наши молитвословы так плотно, что вырвать его оттуда нельзя. Удаление его из молитвенной жизни человека грозит её полным обрушением.

И вот на какие слова я хотел бы обратить внимание: «Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся». Эти слова, казалось бы, совершенно не соответствуют общему духу покаяния. Человек виноват в серьезнейших вещах. Он — прелюбодей и убийца. Причем, согласно законодательству, заказчики убийства наказываются строже. По нашему делу журналиста Гонгадзе мы знаем, что дело не кончено потому, что заказчик не известен. Заказчик важнее, страшнее, виноватее, чем убийца. Давид был заказчиком. Ранее он убивал в бою, но это не вменялось ему

в грех. А вот когда он чужого мужа повелел подвести к опасной позиции обороняющегося города, чтобы он наверняка погиб, — это уже заказ убийства. И это страшнее.

Человек совершил два тягчайших преступления, которые отторгают его от Бога, лишают благодати, ставят его в ряд со всеми остальными грешниками — не теми, кто угождает Богу, но кто гневит Его. И вдруг посреди покаянного псалма Давид говорит такие дерзкие слова: «Научу беззаконных». Каких ещё беззаконных нашел Давид, кроме себя самого? «Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся». Чтобы так сказать, нужно стать выше беззаконных, выше нечестивых: «Я не беззаконный, и научу беззаконных путям Твоим.. Я не нечестивый, я благочестивый, и нечестивых научу обратиться к Тебе». Такова неизбежная логика этих слов. И что это означает? То, что Давид имел Духа Святого. Он говорил не своё. Когда он начал каяться, когда понудил себя на этот плач перед Богом, на то, чтобы по ночам молиться и проводить время на коленях или без сна на ложе долгие часы до рассвета, тогда это был его труд. Но когда человек начинает труды, он никогда не знает, чем они закончатся. Потому что мы думаем одно, а Господь Бог управляет нашими делами, располагает ими так, что в конечном итоге всегда выходит нечто другое, нежели мы задумывали. Может вы-

йти лучше, может выйти хуже, но никогда не бывает стопроцентно соответствующим тому, что мы придумали. Потому что сам материал, из которого мы что-либо мастерим, сама ситуация жизненная внесёт какую-то коррективу. Как говорил один из писателей: «Переплывая реку, берите выше — все равно снесёт».

Давид покаянный труд начал со слов: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое». Ему нужна не просто милость, но великая милость, не просто щедроты, но множество щедрот, чтобы очистить его беззакония. Он прекрасно это понимает. Но потом начавшийся молитвенный труд заканчивается благодатью, и Господь отверзает уста Давида, чтобы мы услышали нечто очень важное. Оказывается, кающийся человек может обратиться к Богу других, согрешивших не менее тяжко или более тяжко. Или даже менее согрешивших, но из-за того, что не знают Бога, погибающих безвозвратно. Ведь вопрос не в том, кто как нагрешил. Бывает часто, что много согрешивший много плачет и много исправляется, а мало согрешивший гордится тем, что не имеет грехов, и становится хуже, чем согрешивший много и покаявшийся. Это тоже факт жизни. Иуда был апостолом, разбойник первым вошел в рай.

Давид молится, и благодать Божья преподносит ему подарок. Давид будет учителем для

многих грешников. Он до сегодняшнего дня является нашим наставником, учителем молитвы, учителем правильного размышления, учителем памяти о Боге, наставником в благодарении, хвалении. Даже отцом нашего богослужения, так как нет ни одной службы без псалмов.

Это подарок. Это от Духа Святого. Это от Господа. Эти слова, «научу беззаконныя», вроде бы не соответствуют ситуации. Подобно этому можно говорить, что Ангелы в рождественскую ночь возвещают мир: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение». Какой, казалось бы, мир, если младенца Иисуса тут же желают убить, и Иосиф с Марией должны с Ним бежать в Египет, а за Его спиной раздаётся вопль вифлеемских младенцев? Тысячи детей убивают, отрывают от сосцов матерей, пронзают мечами. Какой на земле мир, казалось бы? Что, ошиблись Ангелы? Нет. Ангелы не ошибаются. Бог им внушил это сказать, и они пропели не свою сочинённую песню, а Богом внушённую. Действительно на земле мир. Потому что мир — это не просто отношения между людьми или государствами, а Христос — это мир наш. Он — воплотившийся мир. Это живой мир, он между нами, и раз появился Бог на земле, значит, на земле мир уже есть, и Ангелы его уже увидели. Вещи превосходят своё бытовое понимание.

И вот, кающийся Давид говорит: «Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся». Он — вождь для всех грешников, которые желают покаяться. Не только он, но также, например, Пётр и Павел, более других потрудившиеся как апостолы. Их образы неотделимы в нашем сознании от их серьёзнейших прегрешений. Эти первоверховные апостолы были в какое-то время своей жизни один предателем, другой гонителем. И это чрезвычайно серьёзные вещи. Пётр отрёкся. Отрёкся трижды. Показал всю пламенность своего характера и всю слабость, которая есть в человеке, когда Бог ему не помогает, когда человек полагается только на свои силы: «Я сделаю!» — «На, делай».

Ребёнок, говорящий «я сам», берущий ложку, чтобы поест в свои полтора года, обычно заляпывает все вокруг себя и до рта доносит малые капли из того, что было в тарелке. Это «я сам» неизбежно у ребёнка. У взрослого «я сам» без «Господи, благослови» заканчивается более серьёзными проступками. У Петра, по близости большой ко Христу, ошибки чреватые крупными неприятностями, большими преступлениями. Пётр отрекается, и мы не забываем этого о Петре, и он сам не забывал этого о себе. Крик петушиный встречая плачем, прожил он все свои годы. Когда слышал голос поющей птицы, утром будившей людей, Пётр содрогался плачем. Образ личной измены,

предательства не померк в его душе за все годы жизни.

Павел — человек, который одобрял убийство Стефана, который сам показал себя гонителем христиан, тащил в темницы мужчин и женщин и получал специальные верительные грамоты для подобной деятельности в других городах за пределами Иерусалима. Но и он, и Пётр, впоследствии покаявшись, стали столпами веры и встречаются, как верит народ наш, людей у врат Небесного Иерусалима. Господь Петру говорил, вначале Петру одному, что даст ему, потом всем апостолам вместе говорил, что даст им «ключи Царства Небесного, и что свяжете на земле, будет связано на небе, и что развяжете на земле, будет развязано на небе» (см. Мф. 16, 19; 18, 18). То есть они встречают грешников кающихся у ворот рая, пропускают их туда. Они на земле совершают великое. Тела их — это святые. В Риме сошедшись, оба первоверховных апостола легли там, пролив кровь. И души их перед Богом сейчас, и они молятся о нас. И это грешники, бывшие грешники, которые, покаявшись, могут научить других: «Научу беззаконных путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся». Не Ангелам безгрешным, не великим праведникам (таким, как, например, Иоанн Богослов, который был девственником, остался безбрачен и был чужд многим грехам, обычным для обычного человека) дал Господь большую власть, но Петру.

Потому что человек, который грешил и знает стыд, боль совести, муку от того, что он недостойн, однако ему вручена высокая миссия, — такой человек будет к грешнику милостив. Он будет сострадать. Потому Господь Бог и не Ангелов поставил в Церкви священниками, и исповедь принимать повелел таким же грешникам, как и все остальные. Человек, носящий в себе те же страсти, в котором течёт та же кровь, который ест тот же хлеб, ходит под тем же небом и топчет ту же землю — он и должен иметь сострадание к подобному себе, а иначе будет только одно превозношение, гордость, задирание носа и взгляд сверху вниз. А это никогда не бывает полезно.

Итак, в псалме покаянном для нас сегодня открывается очень интересная грань. Он блестяет для нас, как алмаз, непривычным светом. Оказывается, покаяние делает человека способным к тому, чтобы учить других. Не умеющий каяться в своих грехах человек других ничему научить не может. Поэтому, дорогие христиане, если у вас много грехов, очень много грехов, не отчаивайтесь. Как бы ни был грешен человек, может Бог прокаженных очистить. «Рука Моисеева да уверит тя, душе», — читаем в каноне Андрея Критского. Главное, чтобы человек исправил свою жизнь с помощью Божьей, и тогда на нем исполнятся слова Давидовы: «Научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся».

• *Сто тридцать шестой* •

Пост уменьшает количество пищи на столе, он же увеличивает количество молитв в богослужении, количество псалмов, и пений, и песен духовных. Иначе и быть не должно, нужно пожертвовать чувственным удовольствием, чтобы насладиться умной трапезой. Она вкусна, эта умная трапеза, она обильна и таит сладость в каждом отдельном куске. Но не для тех, увы, кто отрыгивает от сытного обеда. Перед таким не стоит метать жемчуг. Такой не поймет красоты в драгоценных горошинах и гордо наступит на них ногой.

Еще до начала поста Церковь, как любящая мать, подкладывает нам на тарелку один за другим сладкие кусочки. Это те сладости, о которых Давид сказал: «Сколь сладки гортани моей слова Твои, паче меда устам моим». В числе этих духовных сладостей — псалом 136-й. Он написан евреями, находящимися в вавилонском плену и тоскующими по родине. Поскольку Церковь — это не просто музей истории, поскольку все происходящее в ней, все звучащие слова молитв касаются нас непосредственно, спросим себя: что в этом псалме касается нас с вами?

У всех людей, приносящих покаяние и чающих жизни будущего века, должно быть тождественное внутреннее состояние, а именно:

ощущение того, что ты не дома. Ты на чужбине, ты далеко. Не важно, кто увел тебя из родного края — внешняя сила, как в истории с евреями, уведёнными в плен, или твоя злая воля, как в случае с блудным сыном, ушедшим «на страну далече» проматывать отцовское наследство. Ты не дома! Домой еще предстоит вернуться, а покаяние — это и есть внутреннее движение в сторону Отчих объятий, это трепет души перед воротами рая, как сказал один из святых.

Но прежде чем вернуться, надо вдоволь насытиться тоской, вдоволь насмотреться на чужое небо, вдоволь наплакаться. Это нужно для того, чтобы, случись возможность бежать, душа не оборачивалась вспять, как Лотова жена, и не роптала, как евреи, вспоминая о египетских котлах с мясом, о чесноке и луке. Поэтому блудный сын в притче, прежде чем вернуться, доходит до унижения крайнего и питается вместе со свиньями. А евреи в Вавилоне долго пьют воду, смешанную с горечью плена, и долго едят хлеб, смоченный слезами печали.

Самих себя мы должны опознать в этих ёмких и кратких словах. И когда грустно, не должны из кожи лезть, чтоб изобразить веселье. Нужно лечь на лицо своё и насытиться вздохами. Пусть некто неуместно процитирует Писание и скажет: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь». Мы-то знаем, что мы

грешники, и что «скорбь и теснота всякому делающему злое». Мы не в раю, но всё ещё на пути к нему. Вот и евреям, смеясь, говорили: «Воспойте нам от песней Сионских». Они же в ответ спрашивали: «Какое воспоем песнь Господню на земли чуждей?»

Есть время плакать и время смеяться, время обнимать и время уклоняться от объятий. Мы вступили в покаянные дни. Это время плакать, это время уклоняться от объятий. Нам понятна печаль детей Сиона, оказавшихся в Вавилоне.

Наибольшего внимания заслуживают последние стихи псалма, те самые, где слышен нечеловеческий призыв к мести и уничтожению вавилонских младенцев: «Дщерь Вавилоня окаянная, блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам. Блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень». Это что ещё за ненасытная кровожадность?! Что это за жестокость, зачем она нам? Так выглядит дело, если смотреть на плоть, то есть на букву Писания. Если смотреть на букву — душа смутится, ибо *помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир* (Рим. 8:6).

Начнем с того, что «камень» — это одно из имен Спасителя. *Вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится* (1 Пет. 2:6), — это Пётр цитирует пророков,

говоря о Христе. Камень, который отвергли строители, соделался главою угла; это — от Господа, и есть дивно в очах наших (Пс. 117:22–23). Этот псалом пророчествует о Христе, и пророчество это многократно повторяется в Евангелии.

Итак, отцы наши пили питье духовное из духовного последующего камня, камень же был Христос (см. 1 Кор. 10:4). Согласившись с тем, что «камень» — Христос, поищем объяснения для вавилонских младенцев.

Один монах, постигший опытом, что значит бороться с грехом, просил учеников вырывать из земли растения, на которые он им укажет. Молодые иноки без труда вырывали траву и молодой кустарник, с юными деревцами было тяжелее, и, наконец, совсем невозможно было вырвать из земли деревья укоренившиеся и окрепшие. Это было уроком относительно того, как нельзя позволять греху укореняться в душе. Нужно вырывать ростки — чем раньше, тем лучше. Потом будет все тяжелей, а со временем — вряд ли возможно. Слабые ростки греха — это и есть вавилонские младенцы. Так мы проникаем в смысл Писания, «если только Дух Божий живет в вас» (см. Рим. 8:9).

Говорят, талантливый писатель всегда умнее самого себя. Перо в его руках нет-нет, да и напишет то, что далеко превосходит его личный замысел, то, что будет актуально на

долгие грядущие века. Так же было и в Священной истории. События, претерпеваемые евреями, имели отношение не только к ним самим, но и ко всему последующему миру. Кроме личных чувств, кроме собственной горечи или радости, язык евреев проговаривал слова пророческие, нас с вами касающиеся напрямую. В своей тоске они изобразили наше томление от грехов, а в своей жажде мести указали нам на врага и сказали, как бороться с ним.

Наш враг — грех, точнее, греховный помысел, начало греховного движения в душе, угроза пленения ума. Наше оружие — имя Христа. Это камень, о который надо бить вавилонских младенцев, пока они не выросли, пока не стали исполинами, пока не уничтожили нас.

Воевать именем Иисусовым означает творить Иисусову молитву — «Господи Иисусе Христе, помилуй меня». Пять слов в этой молитве — и не те ли это пять камней, с которыми Давид пошел на Голиафа? Ведь написано: *Выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним* (1 Царств 17:40). Не те ли это пять слов, которые Павел хотел произнести умом, предпочитая их тысячам слов, просто слетающим с языка? *В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим... нежели тьму слов на незнакомом языке* (1 Кор. 14:19).

«Господи Иисусе Христе, помилуй меня» — вот наше оружие. Вот камни, летящие в Голиафа. *Камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю...* (1 Царств 17:49).

К духовной трапезе на входе в Великий пост добавляет нам Церковь поначалу всего один псалом, и при этом короткий. Главное слово в нем последнее, это — «камень». Это тот камень, на который если кто упадёт, разобьётся, а на кого он упадёт, того раздавит (см. Мф. 21:44). Это — Христос. Его именем нам предстоит побеждать вавилонских младенцев — злые похоти, вырастающие из земли нашего сердца. Разбивать их о камень нужно без жалости, поскольку нас они не пожалеют, если мы позволим им вырасти. В победе над этими «младенцами» и заключается залог возвращения домой, в объятия Отца, на землю свободы, на духовную родину.

Весь пост есть роскошная богословская трапеза. Ощутит её вкус тот, кто подсушит чрево, напряжёт ум и сожмёт сердце печалью о содеянных грехах. Поспешим же на этот пир, братья, пока двери не заперты, пока глашатаи на распутьях продолжают звать, пока трапеза наполняется возлежащими.

*И предал я сердце мое тому,
чтобы исследовать и испытать
мудростью все, что делается
под небом: это тяжелое занятие
дал Бог сынам человеческим,
чтобы они упражнялись в нем.*

(Еккл. 1. 13)

Книга
Екклесиаста

Я хотел бы повести речь о книге Екклесиаста, или Проповедника. Это одна из книг так называемых Писаний — Ктувим. Это не пророчество и не закон в чистом виде, это некие писания, которые учат жизни и наставляют на путь размышления о преходящих и непреходящих ценностях. Само слово «екклесиаст» происходит от слова «екклесиа» — то есть «церковь»: это книга церковного проповедника. В еврейском языке она называется книгой Когелет (от слова «кагал» — то же самое, что «екклесиа», — «собрание») — это человек, который произносит слова к народу, собранно-

му на молитву, учащий их. Библейские книги предполагают больше слушание народом и чтение одним человеком. Скажем, в книге Откровений Иоанна Богослова есть такие слова: *Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего* (Откр. 1, 3). Даётся понять, что книга эта написана для литургического собрания, и нужно быть вместе. Не каждый в отдельности сидит и высчитывает, что такое тысяча лет, что такое сто сорок четыре года, а все слушают, один читает; то есть эта книга написана для богослужебного собрания. Подобной книгой является книга Екклесиаста, или Проповедника, и, в принципе, все книги Священного Писания созданы не только для того, чтобы мы их читали дома сами, но также и для того, чтобы мы слушали их в храме — так, чтобы слушающих было много, а читающий — один. Это из-за того, что мы имеем жажду слушания слова Божия больше, нежели один раз в неделю, в воскресенье, или же из-за того, что проповедуется всегда меньше, чем нужно. Всегда. Хоть бы мы каждый день проповедовали, всё равно это будет меньше, чем нужно. Именно поэтому нам даётся Писание в руки, мы можем его сами изучать и постигать скрытый в нём смысл. Итак, книга Когелет, или Екклесиаста — книга человека, выступающего перед широкой аудиторией верующих людей. Это книга старости Соломоновой, книга его зрелости и опыта.

Екклесиаст ставит перед нами ряд очень важных вопросов, главный из которых — возможно ли вообще земное счастье. Человек находится в некоей иллюзии счастья, он живёт ею, бежит, как осёл в сказке про Уленшпигеля: хитрец Уленшпигель ехал на осле и держал перед ним морковку. И осёл шёл за этой морковкой, забывая об усталости, и так прошёл большую часть пути, хотя был очень уставшим и долго везти на себе седока не мог.

Так, вот, Екклесиаст точно и резко спрашивает — возможно ли земное счастье? И, братья и сестры, должен разбить нашу фарфоровую иллюзию — счастье в жизни в принципе невозможно. Есть некоторые вещи, которыми можно утешиться, но они иногда даже звучат обидно, мы об этом будем ещё говорить. Екклесиаст ставит под вопрос земное счастье, и, по сути, отказывает нам в том, что оно может быть — прочное, твёрдое, непоколебимое. Превратность — свойство жизни. Она непрерывно меняется, не стоит на месте. Как Державин писал: «Где стол был яств — там гроб стоит». То есть всё меняется — скорбное, радостное — и это терзает человеческое сердце, человеку хочется счастья непоколебимого.

Книга Екклесиаста находится в середине Писания. Она задает скептические вопросы о земном благоденствии. Я хочу заметить и подчеркнуть очень важную, на мой взгляд, мысль:

книги Бытия, Исхода, Левита — закон Божий, данный через Моисея евреям — где есть заповеди и прочие законоустановления — они подчёркнуто материалистичны. О загробном мире, по сути, ясно и чётко ничего не сказано. Ничего о будущем воздаянии — всё только о земле. Награды только земные: ты будешь здоров, у тебя не будет бесплодных овец, волов, ослов в стаде, дети у тебя будут здоровы, ты не будешь бездетен, будешь долголетен — приводится своего рода набор земных благоденствий и удовольствий. И больше ничего. Книга закона подчёркнуто материалистична не потому, что Богу больше нечем наградить человека, нет других даров и богатств, а потому, что человек других даров не понимает — пока. На момент получения книги закона, на момент выхода из Египта, на момент синайского откровения большего человек уразуметь не в силах. Большее соблазнит его, или утешит, или заставит сомневаться, или он вообще не поймёт, о чём идёт речь, поэтому Господь Бог говорит с материалистичным человеком, с плотским человеком, с человеком насквозь земным насквозь по-земному. И люди долго так и жили — радуясь тому, что Бог сказал, насыщаясь пищей, зачиная, рождая, празднуя, завязывая первый сноп и так далее. И других радостей, вроде бы, не ощущали.

На момент появления книги Екклесиаста в человеческом сердце обнаружилась некая

пустота. Пустота, которая не заполняется земными радостями. Это очень важно. Зачастую вредно поступают те, кто высыпает на человека ворох готовых ответов, тогда как у человека ещё не возникли вопросы. Правильно пришедший ответ хорош тогда, когда созрел и наболел вопрос. Когда же человек не ощущает пользы ответа, ещё не дозрел до того, чтобы задать вопрос, на него нельзя высыпать богатство и красоту евангельских откровений. Если земля мокрая — поливать её водой не стоит. А вот сухая земля будет пить воду жадно, ненасытимо и с большой благодарностью. К моменту написания Екклесиаста и сам екклесиаст, сам Соломон, и, очевидно, целый ряд книжников, мудрецов и сама жизнь народа, само сердце человеческое уже дозрело до понимания того, что земное счастье человеку настоящего счастья дать не может.

Поставлен вопрос: «А хорошо ли достичь больших лет, достичь старости?» Везде старость хвалится, а Соломон подвергает это сомнению. В самом конце книги он пишет: «Ослабели у мужа силы, омрачились смотрящие в окно, нет тех, кто мелет на жерновах, порвалась цепочка у колодца», — это значит, что зубов нет, глаза померкли, сил не осталось... Чего хорошего? Он сомневается в этом, сомневается справедливо. По сути, Екклесиаст равняет дорогу перед евангельскими добродетелями.

Соломон ставит под сомнение, хорошо ли богатство. До тех пор сомнений ни у кого никаких не возникало, богатство — абсолютное благо для ветхого человека. Да и даже для нас, сегодня читающих Евангелие, богатство является таким идолом, таким красивым, с такими серебряными усами, с такой золотой головой, с такими фарфоровыми ногами! Идол из идолов — такая красота, что дальше некуда. И мы кланяемся этой мерзости фамарейской, кадим ему, в разной мере... Соломон рушит этого идола. Если мы возьмём эту книгу и будем читать, (а я надеюсь, что всякий раз, когда мы говорим с вами о той или иной библейской книге, вы читаете её) то увидим, что в ней очень много сказано о том, как «суетно богатство, и серебром не насыщаются любящие его, не насыщается глаз видением, не насыщается ухо слышанием», и что, в общем-то, нет в этом прочного счастья, которое нельзя было бы забрать у человека.

Екклесиаст стоит в середине Писаний. Он уже чувствует тоску и ненасытимость ветхими благами, но ещё нет Евангелия, и он неизбежно тоскует. Тоскливая книга, книга печали, книга, которая по духу может быть сравнена с пессимистическими книгами языческих мудрецов, которые писали, скажем, в Индии, или в Китае, или в Египте, или в Вавилоне. В мировой литературе есть памятники того, что люди тосковали, печалились, беседовали сами с собою,

искали смысла и не находили его. На них во многом похожи размышления и Екклесиаста, или Проповедника, с той разницей, что он Бога всё-таки знает, он о Нём вспоминает если не постоянно, то часто. Когда становится в тупик, он вспоминает о Господе, говорит, например: «Бога бойся, и заповеди Его храни», — или: «Я знаю, что будет суд для правых и неправых, что Бог всё вернёт на суд в своё время». Хотя Соломон часто на страницах этого произведения позволяет себе выражать сомнения.

Мы будем много говорить об этой книге, для того чтобы она стала «нашей» книгой. Чтобы мы знали, что к сомневающемуся человеку нужно снисхождение, потому что нам иногда кажется, что раз истина прозвучала, значит все должны в неё уверовать сразу. А нет! Книга Екклесиаста учит нас такой верной и важной вещи: сомневающийся имеет право на сомнения, с сомневающимся нужно иметь определённый такт, терпение к нему, потому что в Библии есть даже целая книга сомневающегося человека.

Начинается эта книга именовани­ем Екклесиаста в третьем лице — некто. Слово Екклесиаста, сына Давидова, царя Иерусалима. Сын Давидов и царь Иерусалима — это, без сомнения, Соломон. Дальнейшие слова уже вошли в по­словицу: «Суета сует, — сказал Екклесиаст, — суета сует и всё суета». Библейские толкователи, знатоки языков говорят,

что слово «суета» (в еврейском произношении «гэвэл») — это одно из обозначений скоротечности, мимолётности, непостоянства. В точном значении слово «суета», или «гэвэл», означает «пар». Нечто похожее на «авель». «Авель» — это дуновение лёгкого ветерка, это пар, нечто непостоянное, лёгкое, эфемерное, неземное — как бы не от мира сего. Символом разрушимости, невозвратимости, суетности жизни в Священном Писании является вода мимотекущая, то есть утекающая, не могущая вернуться (прямо в духе греческих философов, говорящих, что в одну реку дважды не войдёшь) или, например, вода, пролитая на землю. Так, одному из царей женщина, пришедшая пред его лицо, говорит: «Царь, во веки живи, ты велик и славен, а мы кто такие? Мы — вода, пролитая на землю, которую нельзя собрать». Очень красив и повосточному образен библейский язык: вылитая на землю чаша воды — это вода, пропавшая навсегда, выпить её уже не удастся. Это символ скоротечности. Дым, рассеивающийся от ветра, пар, исчезающий поутру с восходом солнца, роса утренняя или же, скажем, тень, никогда не стоящая, но вечно бегающая, в зависимости от солнца бегущая то туда, то сюда — вот это «гэвэл», это круговращение мира, это то, что утомляет Соломона. Он устал от этого, он смотрит на это и мучается от созерцания этих вещей.

Если природа красива, то не всегда эта красота может утешить человека. Например, царь Давид восхищается природой, он в сто третьем псалме даёт нам целую молитвенную панораму творения мира, которую мы читаем или поём в начале вечерней или всенощного бдения. Но Соломона это не радует. Он перечисляет: все реки текут в море, но море не переполняется, ветер идёт на север, возвращается к югу и дует обратно, и это постоянство мира — оно его, знаете ли, утомляет.

Ключом ко всей книге, красной нитью этого священного текста являются слова «под солнцем». Уже в первой главе Соломон повторяет их несколько раз. Он говорит: «Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?». И дальше, буквально через несколько стихов: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». И дальше, через полстраницы: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё — суета и томление духа; кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать». Под солнцем... под солнцем...

Если вы будете дальше читать Книгу Екклесиаста (а я надеюсь, что вы будете её читать), то заметите, что это выражение повторяется очень часто, и это ключ к пониманию книги. Ключ в том смысле, что Соломон обзревает весь окружающий мир, как бы на крыльях ума

облетает вселенную. У человека есть такая возможность — облететь на крыльях ума весь видимый мир, как говорил Григорий Богослов. Он тоже испытывал мир, у него в стихотворениях есть такая мысль: «Всё обошёл я на крыльях ума моего: вник в жизнь старика и в жизнь младенца, посмотрел, чем отличаются люди от животных, посмотрел на богатых, на бедных, на тех, кого пронзила стрела в бою, кто утонул в море, когда плыл за прибылью — во всё пытался вникнуть я». У человека есть такая возможность — у него есть ум. Благодаря этому он может обтекать всё, что творится под солнцем. Но не далее того. Небеса закрыты для человека, если Бог их не откроет.

Ветхозаветный человек не имеет ещё прорыва в вечность — нет ещё дороги в вечность. Путь — это Христос, Он есть путь и истина и жизнь (см. Ин. 14, 6), без Него тоска, без Него печаль, без Него мы во грехах наших, то есть без Него плохо всё — ветхий человек измучен тем, что делается под солнцем. Жизнь печальна, если жизнь только здесь. Если другого мира нет, если есть только этот мир, то это издевательство над человеком. Тогда есть смысл взбунтоваться, есть смысл вообще отказаться от всего и превратиться в революционера-бунтаря — «а зачем оно всё?» Я вполне согласен с Лермонтовым, который сказал, что «жизнь, когда взглянешь с холодным вниманием вокруг — такая пустая и глупая шутка», в

случае, если речь идёт только о том, что делается под солнцем. Ещё нет неба и живущих на нём, ещё нет Небесного Иерусалима, ещё там никто не живёт, ещё нет выхода человеку в просторы новые — во дворы Господни. *В доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 2), — говорит Господь. Далее говорит: *Я есмь дверь; кто войдёт Мною, тот спасется, и войдёт, и выйдет, и пажить найдёт* (Ин. 10, 9,). Нет этого ничего для ветхозаветного человека. Дверь не открыта, Иерусалим Небесный не построен, и нет ничего, чем можно утешиться — под солнцем.

От этих слов мы перейдём к важному принципу чтения этой книги. Книга должна восприниматься целиком, полностью: если дёргать из неё цитаты, то эти грустные цитаты будут идти вразрез со всем духом Священного Писания. Екклесиаст позволяет себе сомневаться, существует ли бессмертие души, и говорит: «Кто знает, идёт ли дух человека вверх, душа животных опускается ли вниз?». Он сомневается, и Бог позволяет ему эти сомнения. Но он ещё не знает, что мёртвые воскреснут. Он ещё не знает, что Христос придёт в мир. Всё это для него, можно сказать, закрыто. Мы не имеем права сомневаться с той же степенью силы и с той же страстностью, с какой сомневается Соломон, потому что мы — люди Нового Завета. Мы можем цитировать Екклесиаста, только понимая общий контекст книги, а не считая, что

это есть главный срез правильной мысли. Нет! Это одно из заблуждений, которые Господь позволил Екклесиасту высказать вслух, не более того. Или, например, Соломон говорит, что живые знают, что умрут, а мёртвые ничего не знают — это одна из таких тоскливых ремарок ветхозаветного человека, не более того. Это не истина — это боль сердца, высказанная вслух, это сомнения человека, не знающего, что будет дальше. Цитируя Екклесиаста, мы должны понимать общий контекст Писаний: Екклесиаст не знает ничего небесного, он знает только то, что творится под солнцем. Мы с вами, счастливо облагодетельствованные небесным подарком — Евангелием, с точки зрения Евангелия смотрящие на Ветхий Завет, уже не имеем права повторять все эти слова, как будто это есть истина.

Повторяю, в этой книге Екклесиаст похож на стоиков, на перипатетиков, на гедонистов, на философов Греции, Рима или, скажем, Китая или Индии, потому что он смел в сомнениях и тосклив от того, что правды ещё пока нет на земле, она ещё с небес на землю не пришла. К примеру, частым эпикурейским припевом звучат слова о том, что нужно есть и пить, есть и пить, есть и пить — в этом, собственно, всё и заключается для человека. Это, при всей кажущейся весёлости, всей радостной внимательности к плоти, к её жизни, на самом деле очень грустные слова.

Читая Екклесиаста, не думайте, что вы читаете сборник максим, непреложных истин; это сборник тоски, сборник печальных мыслей хороших людей, которые жили до рождения Христова. Повторюсь ещё раз, ключевыми в этой книге являются слова о том, что написана она всего лишь о происходящем под солнцем. Солнце же, как известно из Священного Писания, не пребудет с нами вовеки. В Иерусалиме Небесном, в будущем Небесном Царстве, солнца не будет, поскольку светильником этого святого града является Агнец, освещающий Собою всё. Ни солнца, ни луны, ни храма в будущей жизни Иоанн Богослов не заметил. Их нет, потому что там нет в них никакой нужды. Так что — временное есть временное, вечное есть вечное, и блажен, кто умеет отличить одно от другого.

На протяжении этой книги, на её пространстве, Екклесиаст произносит не менее четырёх раз призыв к тому, чтобы человек наслаждался едой и питьём, считал это своей мерой в жизни, радовался этому. И в этом он нашёл, кстати говоря, твёрдое и непреложное счастье. Вот уж то благо, действительно, которое можно попробовать на вкус и сомневаться в котором очень сложно. Скажем сразу, что «голод — не тётка», мучения от голода страшнее, чем мучения от меча; счастливыми во время голода почитаются те, кто умер раньше или погиб от стрелы, меча или другого оружия,

потому что голод — это... Дай Бог нам не знать, что такое голод. Несомненным благом, по Екклесиасту, является вкушение хлеба перед лицом Божиим и радость об этом. Вот так он пишет в начале книги: «Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это от руки Божией; потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него?». Чудесные слова. Хорошо бы, чтобы мы, садясь за стол, наевшись-напившись, помнили, что мы наелись и напились благодаря Владыке, потому что это — благо человека на земле, и без Него никто не сможет есть, пить и наслаждаться. Эти слова повторяются часто, но я сразу хочу сказать, что радости в них мало. Это некая, знаете ли, ну уж простите, скотская радость, которая нужна человеку. Но назвать её твёрдым счастьем...

Есть в Писании такие слова, которые кажутся простыми, но на самом деле они очень грустные. Так, например, апостол Пётр после убийства Христа и ещё до светлой радости о том, что Господь жив и что начинается новое всё, сказал такие слова: *Иду рыбу ловити...* (Ин. 21, 3) — то есть: «Пошёл я рыбачить, вернусь к тем занятиям, которыми занимался раньше», — он же был рыбаком. Ну, слова да и слова, «пойду рыбу ловить», многие их произносят с великой радостью. Когда человек говорит жене в воскресенье: «Я иду рыбу

ловить», — и убегает из семьи на природу, с удочкой посидеть, подальше от города — для него, для многих людей это великое счастье. Но не для Петра. В простых словах Петра «иду рыбу ловить» на самом деле сконцентрировалась грусть жуткой величины: только что убили Господа, только что апостолы упали с высоты апостольства неизвестно куда, в страхе собрались, боясь иудеев, боясь наказания и возмездия, не зная, что будет дальше. Пётр говорит: «Идём рыбу ловить». Остальные говорят: «Идём и мы с тобою». И пошли они рыбу ловить, и там нашли воскресшего Спасителя. То есть — в простом много грусти. Не думайте, что слова о еде и питье — это символ веры такого человека — «ешь, пей, наслаждайся, вот и всё счастье твоё». Нет, братья и сестры. Даже более того: если лукавый захочет использовать Писание, у него для этого есть возможность. Например, во времена апостола Павла у евреев была пословица в ходу — «будем есть и пить, ибо завтра умрём». С некоторой долей фантазии можно представить, что они у Екклесиаста научились таким словам, потому что Екклесиаст действительно так говорит — ешь, пей и радуйся жизни, пока ты можешь есть, пить и веселиться, а потом умрёшь и неизвестно, что будет. И если к этому подходить внимательно, то получается, что эти греховодники во времена Павла составили такой лукавый символ веры из слов свя-

того Екклесиаста, Проповедника. Но Павел говорит: «Не обольщайтесь» (см. 1 Кор. 15, 32, 33) — что это слово, не к добру ведущее. То есть нужно по-другому мыслить, по-другому жить.

Я считаю, что, во-первых, здесь много грусти, во-вторых, есть иносказания. Несколько дальше Соломон говорит: «Вот ещё, что я нашёл». Он же всё время ищет, что же хорошего есть у человека в жизни. Богатство он находит, вроде бы, но для него богатство — большой недуг. Он говорит: «Какой это тяжкий недуг — собирать, копить. Грешнику Бог даёт заботу собирать и копить, чтобы потом отдать доброму пред лицом Своим. Это тяжкий недуг, потому что все дни свои человек ел впотьмах, в большом огорчении, раздражении и досаде. И вот, что нашёл я доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем во все дни жизни его, которые дал ему Бог, потому что это его доля». Правильно. Потом он ещё раз вспоминает об этом и, наконец, ещё раз; последний раз — уже в восьмой главе. Вот что он говорит: «Итак, иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твоё, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на главе твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и

которую дал тебе Бог, под солнцем на все суетные дни твои; потому что это — доля твоя в жизни и в трудах твоих». Здесь уже нечто большее сказано, чем может показаться на первый взгляд. Во-первых, он говорит о том, что «одежды да будут светлы, да не оскудевает елей на голове твоей». Если одежды чистые и елей на голове — то это уже образ мудрых дев из притчи Господа — одежда чистая и елей (см. Мф. 25, 1–13). Или Господь говорит: «Помажь главу твою, лицо умой, да не явишься человекуам постящимся» (см. Мф. 6, 17, 18).

Екклесиаст о жене говорит, потому что еда и питьё, главные признаки земной жизни, неразрывно связаны с другим признаком земной жизни, а именно с продолжением рода и семейственностью. Екклесиаст мягко подходит к теме супружеской верности, потому что если мы будем есть и пить бесконтрольно, то, поверьте, чрево возьмёт над нами верх. А когда чрево хозяйничает человеком, тогда человек не может сопротивляться блуду — блуд господствует над человеком. Чтобы этого не было, Екклесиаст напоминает: «Наслаждайся женой юности твоей, любезною серной, прекрасною ланью, которую Бог дал тебе на дни суетной жизни твоей». Напоминает нам о верности — здесь уже сдерживающее начало, любящему есть и пить коню вкладывается в рот узда: уже не так-то много ты и поешь, если тебе напоминается, чтоб ты был верен жене

своей, наслаждался ею, которую Бог тебе дал, но положил пределы своим желаниям и удовольствиям.

Да и вообще, братья и сестры, еда и питьё — это не что иное, как путь Богу войти в наше сердце. Ведь мы-то едим и пьём Тело и Кровь Господа Иисуса Христа. Есть такая еда и такое питьё, благодаря которым мы можем принять Христа внутрь себя и соединиться с Ним существенно. Поэтому в еврейском народе в течение столетий Господь воспитывал благоговейное отношение к еде — чтобы не ели всё подряд, чтобы не ели, когда хотят, чтобы они свою еду освящали молитвой, чтобы они делали различие между пищей полезной и неполезной, чтобы знали, что, когда и после чего есть — это же целый закон о пище! Это не зря, это некая педагогика божественная — для того, чтобы люди научились высокому думанию о еде и со временем им стала бы доступна мысль, что через еду Господь даст нам возможность съесть некий небесный дар, то есть Тело и Кровь Господа Иисуса Христа. Ведь мы спасаемся едой. Мы через еду согрешили, через запрещённый плод, и через еду спасаемся. И поэтому частые повторения о еде и питье — что нужно радоваться и веселиться пред лицом Господним и есть свой хлеб и пить своё вино — это, я думаю, косвенное предощущение того, что через еду к нам придёт нечто большее, чем еда.

«Чрево для пищи и пища для чрева, но и то и другое Бог уничтожит... И когда мы едим, — говорит Павел, — ничего не приобретаем, и когда не едим — ничего не теряем» (см. 1 Кор. 6, 13; 8, 8). Часто вспоминает о еде премудрый Екклесиаст — на старости лет, причём. Не юноша — вечно голодный растущий организм. Это старик, которому надо мало, часто говорит о еде и питье — очевидно, потому, что чувствует его душа, что через этот путь придёт к нам дарование, превосходящее всякий разум. Ну, а вообще, повторяю, если бы только это было нашей радостью, то были бы правы те, о которых мы читаем в Евангелии. Богач, думавший разрушить свои старые житницы, а новые создать, говорил своей душе: *Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись.* (Лк. 12, 19), — тоже, знаете, цитировал Екклесиаста. Однако неправильно цитировал, потому что сказано было ему: *Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?* (Лк. 12, 20). То есть можно из Книги Екклесиаста построить лукавое оправдание своей грешной жизни. Но делать этого не надо, потому что читать Екклесиаста нужно новозаветными глазами, с высоты Евангелия. Не из глубины падшего естества, а с высоты, которую подарил нам Господь. Это будет правильный шаг и правильный подход к ветхозаветному чтению, а иначе мы можем попасть

под осуждение вместе с безумным богачом и с теми, которых Павел укоряет — этих любителей есть и пить, «ибо завтра умрём». У нас есть нечто другое. У Екклесиаста этого ещё не было. А у нас уже есть.

• 2 •

В каждой библейской книге есть цитаты, любимые человеком, читающим её. Один замечает одно, другой — другое: вода имеет свойство принимать форму наполняемого сосуда. Насколько узко или широко ваше сердце, на что похоже ваше сердце — на пиалу, на кувшин, на нечто бесформенное — не знаю, на что. Живая вода, входя в человека, принимает эту форму, и он запоминает то, что ему запомнилось. Много красивого есть в этой книге, но я хотел бы остановить внимание на нескольких выражениях, которые мне понравились и, может быть, понравятся и вам.

Вот, например, первое: «Всё соделал Он прекрасным в своё время, и вложил мир в сердце их (то есть людей), хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца». Екклесиаст напряг свой разум для того, чтобы вникнуть во всё, и признаётся со смирением, что человек не может до конца постигнуть дел, которые Бог делает, и что Бог, однако же, соделал весь мир прекрасным и вложил мир в сердце человека. В не-

которых переводах слово «мир» заменено на «целость», то есть желание достичь цельного, всеобъемлющего знания. Вот это мне кажется очень важным. В некоторых библейских переводах и толкованиях эта фраза звучит так: «Желание целостности вложил Бог в сердце человека». Разрозненные знания не удовлетворяют человека, ему нужно цельное знание, целое знание.

Почему, например, в Евангелии говорится: *Ибо какая польза человеку, если он приобретёт мир весь, а душе своей повредит?* (Мк. 8, 36). Можно подумать — а кто это желает мир весь приобрести? Нет наглости такой ни у кого. Кто из нас хочет мир весь приобрести? О, братья и сестры, хочет, на самом деле, хочет. Человеческое сердце необъятно, оно настолько глубоко, что мир для человеческого сердца — только песчинка. Человеку легко проглотить этот мир и не заметить. Просто мы, может, не знаем глубины своего сердца. На самом деле — да, дьявол, искушая Господа в пустыне, показал Ему весь мир, все царства мира во мгновение ока. Человеческое сердце очень глубоко, и оно хочет знать всё. Оно хочет целостно охватить всё, что Господь создал, и всё понять. Это тяжёлое занятие дал Бог нам — человечеству, чтобы мы упражнялись в нём. И вот, всё это хочется — и невозможно. А путь настоящий в том, чтобы человек познал Владыку мира, и тогда он бу-

дет близок с Богом, создавшим мир. «Да всё это будет ваше, — говорит апостол Павел. — Всё ваше — и временное, и вечное, и глубина, и долготы, и широта, и небо и земля, и Ангелы — всё ваше, потому что всё это Христово, а Христос ваш, а вы Христовы» (см. 1 Кор.3, 22, 23). Познать Бога, затем в Боге познать всё остальное.

Или вот ещё интересные слова, девятая глава: «На всё это я обратил сердце моё для исследования, что праведные и мудрые и деяния их — в руке Божией, человек ни любви, ни ненависти не знает во всём, что перед ним». Интересно, как это человек не знает ни любви, ни ненависти? Можем мы найти хотя бы одного человека, который не знал в жизни своей ни любви, ни ненависти, не любил и не ненавидел? Не дрожал от гнева, не хватался за какой-нибудь предмет, чтоб бросить его во врага, не желал кому-нибудь зла в сердцах, не бегал по комнате, как тигр в клетке? Или наоборот — не таял от любви, не страдал бессонницей без объекта своего вожделения, не писал писем, не истаявал от голода, когда влюблялся? Есть ли такие люди? Нет таких людей! Так о чём же говорит Екклесиаст, что человек ни любви, ни ненависти не знает во всём том, что перед ним? Толкователи считают (и мне эта мысль очень близка), что речь идёт о следующем: человек обладаем любовью, обладаем ненави-

стью. Он чувствует на себе действие любви, но ни понять любовь, ни понять ненависть он не может — слишком большая тайна и то и другое. Уже в Песне песней говорится: «Крепка, как смерть, любовь». Можно терпеть её действие над собою, можно попасть в её цепкие лапы — любви или смерти, но и то и другое — тайна, до конца понять её невозможно. И — человек не знает природы ненависти, не знает природы любви, он не постигает глубины этих состояний, хотя и то и другое может в жизни в разной степени переживать. Вот так считают те, кто провёл свою жизнь в размышлении над строками Писания. Мне нравится то, что они говорят. Я считаю, что они в этом смысле правы.

Вот ещё — одиннадцатая глава: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдёшь его». О чём говорится? Одни говорят: «Это говорится о том, что человек ловит рыбу, на хлеб ловит, на макуху, и вот он наживку бросает в воду — отпускает хлеб по водам, а потом находит его в виде рыбы, которая поймалась на наживку». Другие говорят: «Нет, это говорится о тех, кто предпринимает путешествие по воде с целью прибыли и наживы», — то есть снаряжает корабли, плывёт по водам, доверяет свою жизнь нетвёрдой стихии, опасным волнам, ради того, чтобы заработать лишнюю копейку. И плывёт, и возвращается. И если

он смел и предприимчив, если он не боится опасности — тогда он заработает. Такое толкование появилось уже в те времена, когда евреи стали активно торговать, зарабатывать и полюбили деньги больше, чем душу. А некоторые говорят, что это о милостыне, о том, что человек должен отпускать от себя всё, что есть у него, потому что со временем оно вернётся к нему, только умножившееся. Как будто в банке Божиим полежавшее, оно прибавит к себе проценты, на этих костях нарастёт мясо, придёт к тебе, как бы от Бога, и ты не потеряешь никогда то, что ты дал. Как говорят, то, что ты дал, — твоё, а то, что взял, — не твоё. Нужно приобрести здравый, ясный слух на слово «дай». Потому что есть люди, которые слова «дай» не слышат, они слышат только слово «на». Тут же, сразу, у них обостряется слух, ушки поворачиваются в разные стороны, и они загораются глазками: «Где, что?». Это плохо, братья и сестры, на основании этого можно сильно ошибиться. Например, нам на улицах рекламы всякие раздают, в том числе сектанты книжечки свои. Если деньги не просят, а что-нибудь дают — люди хватают: всё давайте, это давайте, ещё давайте. Знаете, как легко душу погубить, когда ты берёшь всё, что дают, и слово «на» слышишь, а слово «дай» не слышишь? Писание говорит нам, чтобы мы пускали хлеб свой по водам. По всей видимости, хлеб пропадает в воде — размокает и тонет,

или склёвывается рыбами — и нет его вроде. На самом деле он остаётся, он придёт к тебе. Согласно многим книгам Священного Писания (в частности, Притчей Соломоновых, или Екклесиаста), во время голода, во время беды, во время жестоких испытаний кто выживает? Праведник остаётся жив, а вместо него отдаётся нечестивый. Или: праведник от лова убежит, а вместо него попадает в руки беды такой-то и такой-то. Когда наступает трясение земли и распадание по швам привычной картины мира, тогда спасётся тот, кто вовремя отправил свои богатства по водам — к Богу в «банк». Кто разжимал свою руку, а не только сжимал её, и отпускал от себя то, что было у него и было с ним.

Очень важным мне кажется правильное чтение Писания: прочесть какое-нибудь слово и задержать его в себе, и походить с ним, и пожевать его — вот так и так подумать о нём, повернуть его перед собой на разные стороны, как будто бы вы оцениваете драгоценный камень и на солнце смотрите его огранку. А потом этим словом поделиться с кем-то: «Ты слышал, что написано вот такое? Как ты думаешь, это что значит?». Он тоже подумает, скажет: «Я думаю, это вот так». — «А я думаю так». Знаете, когда двое или трое сидят вместе и обсуждают слова закона, слава Божия незримо пребывает между ними. Так говорили древние. Когда Господь пришёл в мир, Он

сказал: *Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Очень важно, читая Писание, удерживать его в себе, как пищу, которая должна раствориться и войти в нашу плоть и кровь. Не сразу думать, что всё понял, а подержать его в себе, подержать его подольше, чтобы слово растворилось и впиталось в тебя, а потом поделиться этим словом с кем-то и услышать слово взаимное — это есть обогащение людей. Когда есть люди, ведущие диалоги подобного рода, то можете считать, что антихрист ещё долго не придёт, потому что нет ему места в мире, где человек занимается таким священным предметом. А когда нет таких людей, тогда исполняются слова псалмов: *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему* (Пс. 11, 2-3). Поэтому мы с вами читаем Писание по кусочку, помаленечку отщипываем, — как в голодные годы, чтобы несварение не получить, — по маленькому кусочку священных слов, чтобы растворилось в нас, впиталось в нас, чтоб мы могли друг с другом об этом говорить.

• 3 •

Я хотел бы с вами почитать мою любимую главу из Екклесиаста — главу седьмую. Она прямо пресыщена, преисполнена, ме-

рой доброй потрясно насыпана мыслями, мимо которых пройти грешно. Прежде всего, священник, часто ходящий на похороны, просто должен запомнить: «Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира, ибо таков конец всякого человека, и живой приложит это к сердцу своему». Вот вам слова для проповеди, для утешения плачущих возле гроба родного человека. Сетования лучше смеха, потому что при печали лица сердце делается лучше. «И сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья. Лучше слушать обличения от глупого, нежели слушать песни глупых, потому что смех глупых — то же, что треск тернового хвороста под котлом, и это суета». Это чудные слова о том, что, действительно, человеческое сердце исцеляется, когда печалится лицо. У Диккенса в «Дэвиде Коперфильде» чудесно сказано: «Скорбь пронзила человеческое сердце, и моё непокорное сердце начало врачеваться болью». Боль врачует человеческое сердце, и Соломон об этом пишет очень правильно. Повторю, на погребениях когда особенно изранено человеческое сердце, особенно нужен бальзам благодати, бальзам евангельских слов, бальзам Священного Писания. Тут нельзя ещё больше рвать это сердце, нельзя рассказывать человеку сказки бесполезные, а нужно врачевать его словом Божиим. Седьмая гла-

ва об этом очень красиво говорит, вводя нас в эту тему.

Далее, чудная вещь, прямо для нас сказана: «Не говори: отчего это прежние дни были лучше нынешних? — потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом». Многие из нас влюблены в прошлое. Будущего мы боимся, нынешнее — презираем. Может быть, есть за что... Прошлого мы не знаем, но мы влюблены в него, влюблены, как девушка в принца на белом коне, всё мы хвалим то, что было раньше. «Ах, было раньше то, а раньше было то, а раньше было так...» И вдруг Соломон берёт нас за ухо, как нерадивых учеников, и говорит нам: «Ну-ка, внимание! Не говори: отчего это прежние дни были лучше нынешних? — потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом». А от чего ещё? От противоположности, наверное. Если не от мудрости, значит от дурости — больше неоткуда, собственно.

Или вот ещё: «Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое сделал Бог, для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него». Хорошо тебе? Радуйся, но радуйся разумно. *Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареву нашему, пойте. Яко Царь всяя земли Бог, пойте разумно* (Пс. 46, 7, 8). Радуйся, но знай, от Кого радость. Когда известен Источник радости, радость приобретает особенный смысл. Итак,

во дни благополучия пользуйся благом, не отказывайся, пользуйся, а во дни несчастья размышляй. Размышляющий в период скорби человек — это философ, братья и сестры. Самые светлые мысли посещают человека в скорбях, самые глубокие прозрения даются человеку в скорбях. Не скорбевший, не плакавший, — по пословице, небитый, — стоит дешёво, а за битого двух небитых дают. С ним поговорить можно, он расскажет тебе нечто стоящее. Это книга. Книга, которую нужно читать. Битый человек, наскорбевшийся, думавший во время скорбей своих, не роптавший, но думавший — это драгоценная душа.

Подряд нанизаны мысли, как будто на шампур сладкие кусочки мяса, одна за другой. Читаешь — и не можешь оторваться: «Всего насмотрелся я в суетные дни жизни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живёт в нечестии своём», — тоже тема для размышления. Древние считали, что народ может быть награждён и народ наказан, потому что Господь заключил завет со всем народом. Они считали: народ согрешит — все будут наказаны, народ покается — все будут помилованы. Потом уже, потихонечку, люди доросли, дошли, домыслили до того, что должно быть всё-таки отдельное мздовоздаяние, каждому в отдельности. Отец твой был грешник, а ты покаешься — отцу будет плохо, а тебе будет хорошо. Отец твой был правед-

ник, а ты согрешишь — отцу будет хорошо, тебе будет плохо. Каждый будет наказываться за своё. Нужно было много столетий прожить, чтобы прийти до этой мысли. Люди думали: ну, ладно, хороший правильно живёт, а ему всё равно плохо; плохой плохо живёт, а ему всё равно хорошо. Почему? Тогда они говорили, что несчастье праведника — временное, потом Бог наградит его, а счастье грешника — кратковременное, потом Бог накажет его. Но всё равно до конца не утешались они этим. Оставались вопросы. Соломон просто говорит — не лезь туда, где ничего не понимаешь. Мы не знаем до конца, почему так, а не иначе. Потом всё будет ясно, потом Господь со всем разберётся, а пока мы можем этого и не понять. Поэтому «всего насмотрелся я в суетные дни жизни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый долго живёт в нечестии своём» — это почти то же, что и Иов говорил в скорби огорчённого сердца своего.

Дальше — учение о золотом пути, золотой середине: «Не будь слишком строг, не выставляй себя слишком мудрым, зачем тебе губить себя?». «Слишком ревнители» рискуют погубить себя, потому что слишком уж строги. Раз ты строг ко всем, значит, Бог будет строг к тебе. Тогда погибнешь. А вторая крайность — не предавайся греху. Есть такие любители жизни — «живи и давай жить другим» — грехи и на чужие грехи закрывай гла-

за. Тут тоже опасность. Екклесиаст говорит: «Не предавайся греху, не будь безумен, зачем тебе умирать не в своё время?». Видите? Есть две крайности: будешь слишком строгим — гляди, как бы к тебе Господь не был слишком строг; будешь слишком расслаблен и предашься греху — смотри, умрёшь не в своё время. Вот тебе и середина. Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимать руку от другого, потому что — кто боится Бога, тот избежит всего этого. Это учение о золотой середине. Учение о том, что нужно пройти между узко поставленными камнями, протереться между ними так, чтобы кожа ветхая слезла, а ты сам вошёл в жизнь через узкие врата. Это очень важно, братья и сестры, — не быть слишком строгим и не быть слишком снисходительным ко грехам своим. Или скажем так: нужно быть строгим к своим грехам и снисходительным к грехам своих ближних, то есть строгость свою изливать на себя, милость изливать на окружающих.

«Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе, и нет человека праведного на земле, который не делал бы зло и не грешил бы». Воистину, когда мы хороним кого-нибудь, читаем молитву, в которой есть слова: «Нет человека, иже жив будет и не согрешит». И, обращаясь ко Христу, говорим: «Ты бо един токмо без греха, правда Твоя во веки и слово Твое — истина». «...Всё это испы-

тал я мудростью и сказал: “Буду я мудрым”, — но мудрость далека от меня, далеко то, что было, и глубоко-глубоко; кто постигнет его?».

Итак, братья и сестры, это была, скажем, некая часть седьмой главы Екклесиаста, для меня лично самой любимой. Прочитав эту книгу несколько раз, я отметил для себя эту седьмую главу, и в ней моё сердце нашло очень много полезного и важного. Вы ещё перечитаете это, ещё будете думать об этом, с кем-то обсуждать это. И, повторяю, как Екклесиаст говорит, «слова мудрых — как крепкие иглы и вбитые гвозди, и составители их — от единого Пастыря, а много читать утомительно для тела, и бесконечные книжки составлять — конца не будет». Явное свойство мудрой книги, мудрых слов — это подобие отточенной острой игле, загнанной в нужное место, или же забитому гвоздю, который невозможно вытащить без специальных инструментов. И составители этих слов — от единого Пастыря.

Таков Соломон, истосковавшийся в древние времена, имевший глубокое сердце и не находивший для него настоящего, адекватного Божественного утешения. Так часто тоскуем и мы. Человеку Святое Писание дано в утешение, кстати говоря. Апостол Павел так и говорит: *А всё, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду* (Рим. 15, 4).

• 4 •

Хочу сказать чуть больше о богатстве. Богатство для древнего человека представлялось признаком благословения и явным признаком избранности. Эта идеология возродилась в кальвинизме, уже в христианское время, когда сначала Лютер в Германии, потом Кальвин в Швейцарии подняли мощные народные движения против злоупотреблений Католической Церкви. У Кальвина оформилось учение о предопределении, в котором он говорит, что одни явно предопределены к спасению, другие — к гибели. Но важно же узнать, куда ты предопределён. Кальвин так истолковал Послание к Римлянам: если Бог тебе предопределил спастись, то ты хоть греши, хоть загрешишь, всё равно будешь спасён; а если погибнуть — то ты хоть трудись, хоть запостись, хоть замолись, хоть всё раздай, хоть тело своё за Христа сожги на костре — не получишь ничего, потому что Бог предопределил тебе погибнуть. Это сложное такое положение, люди думают — а как разобраться? Кальвин интересно вывернулся: говорит, что если ты богат и счастлив, не имеешь ни в чём нужды — это явный признак того, что ты Богом избран. Так называемая теология преуспевания — то, что в протестантизме потом получило широкое развитие. Если ты богат, как Иов, значит, ты Богом избран. Если ты ни-

щий, бедный, больной — всё, значит, ты весьма согрешил. Такая вот странность — богатство стало характерным признаком избрания, благословенности, спасённости. Мало того, что оно и раньше-то было идолом, пленяло сердце, так потом оно приобрело мистические черты. Евреи тоже так думали, и когда Господь Бог богатым говорил: «Продай имение своё, раздай нищим, иди за Мной, взяв крест», — то ученики спрашивали: «А кто же может спастись?» (см. Мк. 10, 21–27). Тогда Господь говорил, что невозможно человеку спастись, только у Бога возможно это, а людям невозможно. Как верблюд не пролезет сквозь игольные уши, так и богатый не войдёт в Царство Небесное. Они тогда удивлялись: как же можно спастись, если благословенный, отмеченный Божией милостью человек не может спастись? А кто же спасётся?

Это слишком ново было в Евангелии, но для того, чтобы это новое хоть как-то подготовить, Соломон заранее, задолго ещё, говорит то же, сокрушает идол богатства. Вот его слова: «Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того, и это суета. Умножается имущество, умножаются и потребляющие его (это факт), и какое благо для владеющего им? Разве только смотреть глазами своими». Это тоже очевидный факт — ну не съешь ты это всё — дома, поля, леса. Как Киса Воробьянинов, помни-

те, который в конце «12 стульев» таки нашёл своё сокровище, но сокровище материализовалось в дом культуры: его можно было потрогать руками, можно было ходить по нему, обнять его, лизнуть, но его не унесёшь в кармане. Так, в принципе, любое богатство — ну куда ты его денешь, если это завод, пароход? Только смотреть глазами. Одновременно ведь нельзя же лететь на самолёте и плыть на пароходе, нельзя жить в двух домах сразу. Нельзя! Человеку всей только радости — смотреть на это. Но оно же не просто смотрится, оно же требует внимания к себе, и нужно, чтобы кто-то убирал, кто-то кормил живность твою возле твоего дома, кто-то выбивал коврик, кто-то менял свечи в канделябрах. Нужно, чтобы люди вокруг этого всего крутились. Вот и получается, что умножаются богатства — умножаются и потребляющие его, и это суета.

«Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не даёт ему уснуть» — это, конечно, сказано о богачах тех времен. Во всех народах тучность была признаком счастья, люди стыдились худобы, стыдились, кстати, загоревшей кожи. Загорелый и худой — это плебей. Белая кожа и тучное тело — значит человек счастливый, довольный, богатый. Сейчас всё поменялось. Сейчас богатые бегают, плавают, на диетах сидят, потому что подольше жить хотят, научились, что надо худее быть. Сейчас богатые

борются с ожирением, некоторые, по крайней мере.

«Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем во вред ему. И гибнет богатство от несчастных случаев: породил он сына, и нет ничего в руках его. Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришёл, и ничего не возьмёт от труда своего, что мог бы он понести в руке своей, и это суета». Здесь Соломон перекликается с Иовом — по сути, они говорят об одном и том же и даже одними и теми же словами. Вот ещё в чём нашёл он пустоту — в богатстве. Причём говорит это богатый человек. У богатого, знаете ли, меньше всего иллюзий. Богатый точно знает, что богатство счастья не приносит. У бедного иллюзий больше, потому что жизнь бедного — это выживание. Он думает: «Ах, если бы не вот это, тогда бы всё было хорошо. Ах, если бы ещё это, тогда было бы всё прекрасно. Эх, только дожить бы до свадьбы-женитьбы, тогда я был бы счастливый человек». Доживает. И всё сбывается. А счастье, как призрак, убегает от него. Так что богатый лишён иллюзий, а бедный богат иллюзиями — вот только поэтому бедному жить интересней. А богатому неинтересно жить. Соломон был богатым человеком, вряд ли был кто-то богаче его, потому что у него было золото по цене меди и бронзы, а бронза и медь по цене

камня, однако сердце его оставалось голодным. Он об этом и говорил: «Все труды человека — для рта его, но душа остаётся голодной».

Заканчивая свою книгу, Соломон говорит ещё раз: «Суета сует, всё суета». Он заканчивает книгу тем, чем начал, но это нечто другое. Одно дело — в первом классе сказать: «А, это всё ерунда». Другое дело — закончить десять классов, поступить в институт, получить высшее образование, проработать на предприятии по специальности, а потом о том же, о чём сказал раньше, в первом классе, сказать: «Да, это таки ерунда». Это будут слова разных людей. Первые — слова ещё ничего не знающего о жизни человека, вторые — слова опыта, слова, облечённые в плоть и кровь. Слова крепкие, твёрдые, как вбитые гвозди.

Братья и сестры, я бы хотел, чтобы вы запомнили одно выражение. Был такой христианский философ, епископ Николай Кузанский, у него есть книжка «Об учёном незнании» — о том, что разум не беспределен, о том, что человек, собственно, не знает ничего. И вот, там есть такое выражение правильное — «учёное незнание». Когда невежда говорит, что ничего не знает, он действительно ничего не знает. Другое дело — когда умный человек провёл многие годы в настырном изучении различных важных предметов — медицины, астрономии, например. Он приобрёл много

полезных навыков, много хороших знаний, много мудрости испытывало сердце его, но он до конца не насытился и конечной причины мира не узнал: всё-таки за завесами тайн осталось самое главное. Тогда он, уставший к концу жизни, говорит: «Много узнал я разного, но всё-таки должен признаться, что я ничего не знаю». Вот это уже учёное незнание. Это смиренное признание своей ограниченности очень умным и опытным человеком — оно ценно. Признание невежества в невежестве ценно, но меньше. А признание мудреца в относительности своей мудрости — оно драгоценно.

Екклесиаст начал с того, что всё суета, а потом дал нам возможность пройти шаг за шагом по этим «станциям» суеты, он повёл нас в разные комнаты этого большого дома, который называется миром. Показал нам бедность, богатство и счастье, накрытый стол и могилу человеческую, и юность, и женскую красоту... И то, и это. И пятое, и пятнадцатое. Вместе с ним мы обошли всё это. И теперь мы можем вместе с ним сказать, что всё — суета. «Всё суета, — сказал Екклесиаст, — всё суета». Это будет уже учёное незнание, скажем, или учёный пессимизм.

Закончу тем, о чём мы говорили вначале, открывая эту книгу: мы не имеем права цитировать все эти слова без учёта того, что уже есть Новый Завет, без учёта того, что небо уже

открыто. И небо уже не пусто, там уже есть люди. Там души человеческие. Духи праведников, достигших совершенства — Церковь первородных. Уже огромный сонм святых, как пчёлы матку, окружают Христа во Царствии Небесном, уже истина открыта людям. Мы можем лишь, внутри себя переживая некую ветхозаветную тоску, врачевать свою душу и понимать, что мы не одни такие, что самые лучшие люди мира чувствовали то же самое. И таким образом находить утешение в этом. Но у нас есть больше, чем у Соломона. У Соломона не было столько, сколько у нас. У Платона и Сократа не было столько, сколько у нас. Когда-то Василий Васильевич Розанов говорил: «Вот отойду я от господина философа и от господина депутата государственной думы, а подойду лучше к батюшке, пусть даже и выпившему, — есть у него такое в записках, — потому что философы и депутаты что-то там знают, что-то там не знают, а батюшка знает самое главное: человеческая душа скорбит, и у Христа для неё есть утешение. И то, что Платон не знал, батюшка знает. И то, о чём Аристотель только догадывался, батюшка знает наверняка. Подойду я лучше к нему, а от них от всех отойду». Хоть сегодня возле него святой Серафим Саровский станет, а возле них никто, кроме таких же философов и депутатов, рядом стоять не будет. Я к тому всё веду, что мы сегодня имеем утешение, мы знаем

больше, чем знал Платон, знаем больше, того, о чём догадывался Соломон. Поэтому, читая тоскливую книгу Ветхого Завета, мы лишь можем врачевать свою тоску и тут же бежать под покров Евангелия, к сладкой груди евангельских слов, и утешаться у этой груди, как утешается ребёнок на руках своей матери.

*Кто эта, блистающая, как заря,
прекрасная, как луна,
светлая, как солнце,
грозная, как полки со знаменами?*

(Песн. 6. 10)

Книга
Песни
Песней
Соломона

Я бы хотел начать небольшой цикл бесед на тему Песни Песней Соломона. Это книга, запечатленная семью печатями, книга таинственная, и у меня нет никаких претензий на наличие талантов или духовных прозрений. Я не претендую на то, чтобы объяснить в ней всё, всю глубину её. Но о ней нужно говорить, потому что она этого достойна. Песня эта — о любви. Она, по сути, некоторыми комментаторами так и называется — сбор, солянка, сборник восточных песен, посвящённых брачной тематике. В этой Песне ни разу не упоминается имя Бога. Господь, или Бог, или Всемогущий, или Вседержитель — ничего подобного, ни разу здесь к Богу не возводится ум. Нет никого молящегося, никого, призывающего к молитве, никого, благословляющего Бога. Но если это просто книга о любви, тогда зачем она в Библии? А если эта книга в Библии, тогда в ней есть тайный смысл, тогда она буквально толковаться может по-земному, а может и аллегорически — в ней есть скрытый смысл. Кстати говоря, вопрос, нужна ли она в Библии, оставался нерешённым до очень позднего времени. Дело в том, что канон старозаветных книг — это, собственно, Тора (пророки) и псалмы. Песню Песней — не знали, ввести или вывести из канона. Столетиями спорили об этом. Некоторые считали, что она оскверняет руки. Некоторые считали, что она не нужна, поскольку соблазняет читающих. А самые

учёные раввины, самые отданные молитве и богомыслию люди считали, что Тора и вообще весь закон и пророки — это корона золотая. И каждая книга в ней — это камень драгоценный, но Песнь песней — самый драгоценный камень, и весь мир недостоин того дня, когда эту Песнь подарил Господь Израилю. Поэтому они читают её на Пасху — как гимн любви между Израилем и Богом, Который, как невесту, увёл из дома рабства свой народ.

Быть ей или не быть в тексте Священного Писания, решали долго. Решили, что быть. А быть потому, что она вся насквозь таинственна, она вся аллегорична, и толковать её

нужно, исходя из её скрытого смысла. Здесь, братья и сестры, нужно сказать, что не всё в Писании открывается всем и сразу. Мы с вами зачастую склонны читать, например, газеты или журналы с конца, с последней страницы — там, где гороскопы или кроссворды. Мы так же и Библию иногда читаем — с Апокалипсиса сразу начинаем. Песню Песней не разрешали читать людям до тридцати лет, как минимум. Так же, как Екклесиаста, или, скажем, Иезекииля. Иезекииля — даже больше, чем Екклесиаста. Эти книги предполагают полную внутреннюю зрелость человека — и психофизическую, и житейскую, и нравственную. Поэтому мы, приступая к этой книге, конечно, находимся в страхе — что мы скажем о ней? Она таинственна. Но что ободряет нас — её очень любили христианские мистики.

На востоке, в Восточной Церкви, её любили люди, склонные к созерцанию и философии, например, Григорий Нисский. У него есть комплексное толкование на Песню Песней Соломона. Он вообще любил философские книги, толковал Екклесиаста, толковал Песню Песней.

Первым ярким толкователем был Ориген. Он первым сказал, что эта Песня превзошла самоё себя и в Библии это действительно драгоценность. В Западной Церкви многие монахи, подвижники, мистики, отшельники вслушивались в слова этой книги и находи-

ли в ней диалог между Христом и Церковью, между Духом Святым и Девой Марией, между Христом и душой человеческой. Так же, как и в древности учителя Израиля находили в ней диалог между Богом и душой или между Богом и Израилем. Некоторые люди отсидели в тюрьме за перевод этой книги. Например, один испанский проповедник начала XVI века за перевод этой книги с латинского языка на испанский, простонародный, просидел четыре года в тюрьме. Настолько это было опасно — считалось, что нехорошо заниматься подобными вещами. Но мы с вами живём во времена свободные, когда заниматься можно всем, чем хочешь, дай Бог только заниматься тем, чем надо, поэтому будем говорить об этой книге с осторожностью и кратко, с краешку.

Ориген говорит так: «Мы научены Писанием, что есть святое, а есть Святое святых, есть небо, а есть небеса небес, есть суббота, а есть суббота суббот». Субботой суббот назывался юбилейный год, когда рабы отпускались на свободу. Семь лет — это субботний год, а семь по семь — это сорок девять, пятидесятый год — юбилейный, суббота суббот. Такое умножение — квадрат от святого.

Примерно в таких же категориях он говорит, что есть песни различные, но есть Песня песней, и к ней нужно подходить как к субботе суббот, как к Святому святых, как к небесам

небес. Это обычный оборот Писания, где говорит Господь: *Умножая, умножу скорбь твою* (Быт. 3, 16), — или: *Благословляя, благословлю и размножая размножу тебя* (Евр. 6, 14). Есть просто святое, а есть Святое святых, есть просто песни, а есть Песня Песней. Во Святое святых входил только первосвященник. Не просто священник, а первосвященник. И входил туда не тогда, когда сам хотел, а только раз в год, в определённый день, причём входил, внося с собой кровь животного, закланного за грехи народа, и шёпотом произносил там имя Бога. Это было единственное время в году, когда первосвященник, один из народа, мог зайти в это место. Если мы примем эту мысленную последовательность, то мы должны осознать, что мы не поймём в Песне Песней ничего, если не будем стремиться к внутреннему очищению, к очищению ума.

Писание открывает себя человеку, трудящемуся над собой. Некто из святых сказал так: «Писание открывается делами», — то есть — исполнением заповедей открывай замки Писания. Прочитай его, конечно, можно, его можно и наизусть выучить некоторыми книгами, но оно откроет свои тайны только тому, кто упражняется в благочестии деятельно. Посему, братья и сестры, будем так подходить, подбираться к тексту священных песен Соломона, зная, что мы не всё там поймём, потому что внутри мы ещё пока не готовы.

Первое, что говорит Дух Святой устами Соломона, это: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина». Вот как говорит об этом Ориген: «Много песен есть в Церкви, и нужно вначале все их пропеть, чтобы приступить к этой». Вспомните наши каноны, любой канон, который на панихиде мы поём или перед Причастием читаем. Там есть девять песен. Первая песня — переход через Чермное море, потом песнь Моисея и сестры его Мариам, третья — песнь Анны пророчицы, четвёртая песнь — песнь Аввакума, пятая — песнь Исаии, шестая — Ионы, седьмая и восьмая — отроков печи Вавилонской, девятая — Божией Матери. Вот песни Священного Писания. Есть и другие песни. Когда мы пропели эти песни, сердцем пропели, умом пропели, поняли смысл их, тогда мы приступаем к первой песне Соломона, Песни Песней, и слышим первые слова — про поцелуй: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих». Так толкуют эти слова: «Доколе Ты будешь учить меня словами людей Твоих, через Моисея, через Давида, через Соломона, через Исаию? До каких пор Ты будешь учить меня чужими устами? Лобзай меня Ты лобзанием уст Твоих». То есть, «да лобзает Он меня» — такое желательное-повелительное наклонение речи — усваивается душе, которая уже насытилась чтением всех пророчеств, которая уже исследовала и утомилась в исследовании сокровенного смысла

во всех Писаниях, которая хочет уже не просто слов, но благодати, и не просто пророков, но Самого Бога. Вот какой смысл заключает толкователь в первом стихе этой книги.

Независимо от нашего пола и возраста души наши есть невесты, и они со Христом находятся в отношениях невесты и жениха. Именно поэтому Иоанн Предтеча позволяет себе назвать Христа женихом, а себя — другом жениха, говорит: *Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос и жениха* (Ин. 3, 29). Это он говорил, чувствуя, сколько душ возрадуется о пришествии Христа в мир, сколько душ Христа полюбит и скольким душам Христос подарит Себя. Он был посреди этого процесса, как друг жениха, и чувствовал это. В притче Христовой мы читаем о десяти девах мудрых и немудрых, где Он называется именно женихом и Его ожидают на брак (см. Мф. 25, 1–13). Души ожидают Господа, Который вступает с ними в брак — с теми, кто готов к этому браку. По отношению ко Христу души наши есть невесты Его, и самые лучшие люди мира — это те, которые смогли быть верными Богу, которые вручили Ему себя. И можно вручить себя иногда, как железо вручает себя в руки кузнеца, под тяжёлые удары молота, а можно вручить Ему себя как драгоценность, как невеста вручает себя жениху, как главное сокровище. «Да лобзает Он меня лобзанием

уст Своих» — это та высшая степень доверия Господу, которая есть любовь к Нему, любовь нежная и преданная до смерти, до конца, которая является высшей степенью взаимоотношений между Господом и человеком. Так толкуют первый стих этой великой Песни.

«Ласки Твои лучше вина. От благовония мастей твоих имя твоё — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя». В Песни Песней много текстов, касающихся благовоний, там постоянно вспоминается мирровый пучок у груди возлюбленной и ароматы от мироварника... «Имя твоё — разлитое миро». Святой Дмитрий Ростовский приписывает этот текст празднику Обрезания Христова. Смотрите, как он говорит: «Доколе миро закрыто в сосуде, запах его не слышен. Но когда миро откроют и прольют, оно наполняет своим ароматом дом, в котором его пролили». Так, мы читаем в Евангелии о женщинах, которые возлили миро на главу Христову: одна перед страданием, а другая, блудница, ещё раньше миром и слезами омыла Ему ноги, слезами омывала и волосами вытирала. В обоих случаях дом, где это происходило, наполнялся ароматом пролитого мира. Открытое и пролитое миро наполняет своим благоуханием всё окружающее. Мы, когда крестим человека, мажем миро чуть-чуть, капельками — лобик, носик, глазки ребёночку, уста, грудку, ушки, ручки, ножки — и то он пахнет до вечера и на сле-

дующий день ещё пахнет. А здесь — проливается миро. Святой Дмитрий говорит, что «имя Иисус — это есть миро пролитое».

Когда Господь ещё не родился, Ангел Божий сказал Деве Марии, что Она родит Сына и наречёт Его именем Иисус, и Он будет велик, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его, и Царству Его не будет конца. И Иосифу Ангел сказал во сне: «Не бойся принять Марию, жену твою, родившееся в Ней есть от Духа Святого. Родит Сына, наречёшь Ему имя Иисус, Он спасёт людей Своих от грехов их» (см. Мф. 1, 1). И Марии, и Иосифу заранее, до рождения Иисуса Христа, было открыто имя, которым нужно было бы назвать родившегося Младенца. Господь родился, в восьмой день Его обрезали по закону. Это, кстати, великий день, день памяти Василия Великого, когда к Христу впервые прикоснулось железо. Маленький Безгрешный Сын Божий, родившийся от Девы Марии, потерпел обрезание. Над Ним совершили эту болезненную процедуру, протекла впервые Его кровь, и Он впервые плакал не от того, от чего плачут дети, а потому, что Ему сознательно причинили боль. Боль ритуальную, законную.

В этот день, в день обрезания, младенцу называли имя. В этот день Мария, знавшая, как назвать Своего Сына и Иосиф, знавший, как назвать Сына Марии, дали Ему имя Иисус. В этот день имя Христово пролилось в мир. До

тех пор оно было запечатленно, сокровенно, скрыто. А в день Обрезания, когда Спасителя назвали этим заранее указанным именем, оно пролилось в мир, и с тех пор благоухает. Вот так и пишет Соломон, пророчески пишет: «От благовония мастей твоих имя твоё — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя». Девицы — это неосквернённые души. Блудницы не любят Тебя. Блудницы любят деньги и тех, о которых пишет Иезекииль (он пишет о некоторых женщинах, о Самарии и Иерусалиме, даёт им образные имена Оголива и Огола): «Вы любите подарки и любите красивых мужчин, одетых в роскошные одежды, чья плоть как плоть ослиная, чья похоть — как похоть жеребцов, вы этих любите. За это Я вас накажу, и срам ваш будет всем известен» (см. Иез. 23). Блудницы не любят Бога. Бога любят души нежные, чистые и нетронутые, поэтому это имя, пролитое, как миро, любезно девицам, то есть душам чистым и невинным. Благоухание мира Христова, это благоухание имени Господня — это опыт, который открыт для каждого человека, брата и сестры. Нужно сказать, что каждый из нас призван к тому, чтобы ощутить в своей жизни аромат и благоухание имени Господня. Имя Его — это миро разлитое, и если мы девицы душою своею, то мы должны любить благоухание этого имени.

Именно Иисус должно было быть имя Христово. Именно именем Иисус назвал Моисей

своего преемника. Когда Моисей умер и не смог ввести людей в Землю обетованную, заместителем его стал некий Осия, сын Навина. Но прежде, нежели ввести людей в Землю обетованную, Моисей переименовал его и сделал его Иисусом. По-еврейски это очень просто, а по-русски — очень сложно. Из Осии Иисуса сделать — это сложно, а по-еврейски очень легко, потому что он был Гошуа, то есть Осия, а Моисей его переименовал в Егошуа, то есть Иисус. Моисей добавил только одну маленькую буквочку, «йод», и имя поменялось. (Почему Господь и говорит: *Ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все* (Мф. 5, 18). С прибавлением маленькой буквочки имя поменялось полностью. Будучи уже не Гошуа, а Егошуа, он привёл людей в Землю обетованную. Моисей не приводит — Иисус приводит. Моисей умирает на границе, а Иисус вводит уже в пределы и в обладание. Это всё для нас. Закон нас доводит до пределов Земли обетованной, а благодать вводит дальше. Поэтому имя Христово есть миро пролитое, девицы любят его, и об этом говорят первые два стиха книги Песнь Песней.

• 2 •

Не подряд будем идти по стихам, потому что это задача нам на всю жизнь, да и то вряд ли справимся, а подойдем к ним изби-

рательно. Вы же читайте этот текст сами и думайте над ним. Вот что сегодня прочтём с вами: «Дщери Иерусалимские! черна я, но красива, как шатры Кидарские, как завесы Соломоновы» — это четвёртый стих первой главы. «Черна я, но красива» — видите, канон красоты предполагал белизну. Не только тогда, во времена Соломона, но и позже белая кожа считалась благородной. Кожа смуглая, загрубелая считалась кожей простолюдина. Наши люди сегодня пропекаются, как на гриле, в этих разных салонах, под искусственным солнцем, загорают, думая, что этим придадут себе красоты; на самом деле они придают коже плебейский оттенок, потому что белое красивей, чем чёрное. И вот, здесь такой интересный поворот мысли: «черна я, но красива». Некоторые толкователи считают, что здесь вспоминается об эфиопской красоте. Эфиопы — это люди, которые очень красивы, но лицом черны. Черты лица у них очень благородны, изящны. Линии носа, скул, подбородка, ноздрей — буквально вырезаны резцом искусного художника. Но черны они, и чернота эта намекает на хамитское происхождение.

Интересно, что Моисей был женат на эфиоплянке — на женщине чёрной, но красивой; и эта женитьба была предметом спора с Моисеем его родных брата и сестры — Аарона и Мариам. Двенадцатая глава Книги Чисел говорит о том, что упрекали Мариам и Аарон Мо-

исея за жену эфиоплянку. Они были в обиде, что пророк, вождь, главный человек в Израиле имеет женою иноплеменницу — чёрную, такую непохожую на них. Такой бытовой расизм. Проверим своё сердце, братья и сестры, чтобы и мы не были расистами. Многие люди, считающие себя христианами, позволяют себе уничижительно думать о людях другого цвета кожи, другого разреза глаз, другого строения лица или психологии — будьте осторожны. Боже сохрани приобрести расистскую болезнь в душе своей, потому что дальше история Книги Чисел рассказывает следующее: Аарон и Мариам упрекали Моисея (а Моисей был кроткий человек, и даже более того — кротчайший из всех людей, живших на земле), и Господь внезапно сказал всем троим, двум братьям и сестре: «Выйдите вы трое к скинии собрания». И вышли трое. И сошёл Господь в облачном столпе, и сказал: «Слушайте слова Мои. Если бывает у вас пророк Господний, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним; но не так с рабом Моим Моисеем; он верен во всём дому Моём; устами к устам Я говорю с ним и явно, а не в гаданиях, и образ Господа он видит. Как же вы не убоялись упрекать раба Моего Моисея?» То есть — «вы придумали для него упрёк, а он предо Мною чист». Как часто мы так поступаем, братья и сестры! «И воспламенился гнев Господень на них, и Он отошёл» — то есть облако ушло

от скинии, ушла благодать. Мариам покрылась проказой, как снегом. Аарон взглянул на неё — а она в прокаже. (Видимо, она была главной зачинщицей) И сказал Аарон Моисею: «Господин мой, не поставь нам в грех, что мы поступили глупо и согрешили, не попусти, чтобы она была как мертворождённый младенец». Моисей, кротчайший человек, возопил ко Господу, говоря: «Боже, исцели её». И сказал Господь Моисею: «Если бы отец её плюнул ей в лицо, не должна ли была бы она стыдиться семь дней? Итак, пусть будет она в заключении семь дней вне стана, потом возвратится».

Мы прочли с вами целую главу из Книги Чисел об истории, бывшей между Моисеем, его братом Аароном и сестрою Мариам. Они упрекали Моисея в женитьбе на женщине не их цвета кожи, но красивой. Примерно так же говорит и эта девушка — душа эта, которая «черна, но красива». Видите, каждая душа может сказать это о себе: «Черна я, но красива». Я сейчас не говорю о наших внешних данных — о росте, о соотношении между талией, длиной ног, плеч, о белозубости или яснозоркости — это всё вещи тленные. Раскопать любую могилу — вы там красавца от не красавца не отличите. Я имею в виду душу человеческую, которая красива.

Господь полюбил человека, полюбил в нём сокровенную красоту, которая нам самим непонятна. Когда Бог любит нас, и мы чувствуем

это, мы приходим в удивление: за что Бог любит нас? Ну, любовь — она потому и любовь, потому что она ни за что; если за что — то это расчёт. А вот любит — и это удивительно. Но, между тем, человек и красив. Человек очень красив — внутренней, сокрытой от нас самих красотой. Поэтому каждый из нас может сказать, что он чёрен, но красив, то есть — «грешен я, однако внутренне Твоё есмь создание». В погребальных песнопениях есть такая чудесная стихира святого Иоанна Дамаскина: «Образ есмь Твой, хотя язвы ношу прегрешений» — «я на Тебя похож, я образ Твой, хотя струпья ношу прегрешений. Погибшее овца я, ягнёнок потерявшийся, воззови меня, Господи, и спаси мя». Каждый из нас чёрен, но красив.

В книге Песнь Песней есть некая динамика, и поэтому впоследствии мы слышим об этой девушке, обитательнице пространства этой книги, Суламите, что она красива и на ней пятна нет. В четвёртой главе этой книги не она сама, но жених ей говорит: «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе». Это уже, возможно, состояние души, которая очищена, облагодатствована. Никто из нас не может смело сказать о себе, что он очищен так, что пятна нет на нём — пятна есть, и пятен много. Мистики и монахи, изучавшие эту книгу, говорили, что, скорее всего, это относится к Божией Матери, поэтому восприятие этих слов как диалога между Христом и Церковью,

между Духом Святым и Девой Марией вполне уместно.

Многие места четвёртой главы используются для выражения отношения Церкви к Деве Марии: «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе». «Со мною с Ливана, невеста! со мною иди с Ливана! спеши с вершины Аманы» — эти слова поются на венчании. Не везде и не всюду, но существуют такие старые традиции, есть специальный гимн: «Гряди, гряди от Ливана, невеста». Это западная традиция, которая вошла в восточную, по крайней мере, я неоднократно слышал на венчаниях, когда хор поёт это песнопение. Это слова Песни Песней, которые поются в брачные торжества, где невеста — самая любимая женщина в мире для жениха, где как бы оживает Песня Песней.

«Запертый сад — сестра моя, невеста, заключённый колодец, запечатанный источник» — двенадцатый стих четвёртой главы. Все толкователи согласно относят его к Божией Матери: Она — Мать, но Она — Дева. Она мужа не знает, но Бога родила. Она не знает земных радостей супружества, но знает высшее счастье материнства, и поэтому Она есть запечатленный источник — заключённый, запечатанный, закрытый. «...Запертый сад, заключённый колодец, запечатанный источник». Безусловно, когда Господь говорит нам: *Исследуйте Писания ... они свидетельствуют о Мне*

(Ин. 5, 39), — это касается таких книг, как Песнь Песней, в первую очередь. (Ведь есть книги исторические, где описываются конкретные истории, например — как родила Агарь от Авраама Измаила, как Сарра, не могшая рожать, обижалась на то, что не может быть матерью, а Агарь насмеялась над ней. Это история. Хотя эта история превращается в мета-историю: до сегодняшнего дня арабы, дети Агари, не могут найти мира с евреями, детьми Сарры, и эта конкретная история выходит за пределы конкретных отношений и простирается на целые столетия, на отношения между народами. Но всё равно, это — конкретная история.) Здесь говорится «запечатленный сад» — это, собственно, Эдем, рай, закрытый рай, рай таинственный, рай, в котором никто не был. В том раю, который мы потеряли, мы уже были. Адам там был. Где-то под кожей у нас, где-то в генотипе, в памяти есть такое чувство, что мы были в раю и потеряли его. А здесь речь о некоем запертом саде, закрытом рае, запечатленном источнике, то есть это некий новый рай, посреди которого рождается новое древо жизни. Поэтому церковные песнопения говорят о Деве Марии, что Она есть новый Эдемский сад, посреди которого выросло Древо жизни — Иисус, от Которого мы едим плоды жизни и не умираем. С одной стороны, всё это — поэзия, но с другой — наша повседневная жизнь. И то и другое одновременно.

Книга Песнь Песней, братья и сестры, есть, возможно, такая книга, которую можно положить человеку, боящемуся морализаторства. Многие боятся читать Библию из страха, что Библия оглушит их и огорошит кучей запретов, какими-то страшными предписаниями типа «это не делай, это не ешь, туда не ходи, это не трогай», навяжет на них ярмо из разных повелений — «это читай, это ешь, туда ходи, об этом думай»... И человек из страха обремениться запретами и повелениями не берёт в руки книгу. Поэтому я бы советовал взять Библию всем тем, кто ещё не знаком с нею, кто, вместе с тем, хочет поэзии от жизни.

В юные годы, особенно когда человек влюблён, тем более, впервые, серьёзно влюблён, он находится в особенном раскрытии личностных чувств и качеств, когда ему всё интересно — всё святое ему интересно. Когда-то Владимир Соловьёв сказал, что когда человек влюблён, на него внимательно смотрят и рай и ад. В этом состоянии он может и взлететь и рухнуть. Всем влюблённым я бы предложил почитать эту книгу — не откликнется ли душа их на эти простые, незамысловатые слова? Ведь вот ещё, что интересно: включите сегодня любую Fm-станцию — о чём поют люди? Песнями заполнен эфир. Сотни радиостанций в столичном городе, в Киеве, например, буквально — сотни, и каждые три-четыре минуты звучит новая песня. Новая старая, или

старая новая, или новая новая... О чём поют люди? Поют, в основном, о любви. Эти песни часто бывают пошлыми, бывают некрасивыми, бывают такими, что стыдно за того, кто поёт. Но всё равно — люди поют о любви. Это тоже важное свидетельство, потому что — о чём ещё петь? Петь можно только от боли, или от любви, или накануне войны военные песни. Больше в мире песен нет. Всякому влюблённому человеку, когда сердце открыто, когда в сердце рана (а Писание как раз и говорит, что любовь — как рана глубокая), стоит открыть эти абсолютно недогматические тексты. В книге Песнь Песней никто не перегрузит вас морально, никто не будет вас пугать — «делай это, не делай этого»; там будет всё воздушно, и всё непонятно, и всё про тебя, и ты будешь находиться некоем обмороке от прочитанного...

А ещё важно — можно предложить всякому влюблённому человеку проверить свои чувства на предмет — сможешь ли ты повторить любимой слова, которые прочитаешь? Пусть не все, пусть некоторые. Вот, например: «Ты прекрасна, возлюбленная моя; ты прекрасна, и глаза твои голубиные под кудрями твоими». Если сможет человек произнести эти слова своей любимой, то можно дальше отношения развивать. Или чудесные слова девушки, посвящённые любимому: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасёт между лилиями. Доколе день дышит прохладой, и увя-

дают тени, возвратись, будь подобен серне или молодому оленю на расселинах гор». Непонятно, о чём говорится, но музыка текста приковывает к этому внимание и заставляет почувствовать, что есть другой мир. Я хотел бы предложить всем влюблённым (или влюблявшимся когда-то) прочесть эту Песню хотя бы раз в жизни и проверить свои сердечные чувства (или память о прошлых чувствах) на предмет соответствия — настолько ли вы были просты, наивны и таинственны в дни своей любви, как вы находите это здесь. Не забывайте, впрочем, о самом главном — о том, что книга эта не об отношениях между мужем и женой, или девушкой и юношей. Эта книга в основном об отношениях Бога и человека. Древние учителя сказали так: «Кто применяет эту Песню к повседневным событиям, тот наследия в жизни будущего века иметь не будет». Поэтому мы, конечно, сдержим себя страхом от бытовых применений, но, без сомнения, наши личные семейные отношения — это некое подобие отношений Христа и Его Церкви.

Как вы заметили, люди востока — это люди запаха и вкуса. Когда европейцы искали морские пути в Индию, что вызвало массу географических открытий, они искали страны, где было дешёвое золото и много специй. Они

привезли в Европу специи, и это было не менее драгоценно, нежели всё остальное. Все эти сандалы, корицы, мирты, все эти бесчисленные пахнущие вещи, которые добавляются в пищу, которыми можно натираться, намазываться, делать растворы — это всё мир востока, он очень пахуч. В книге Песнь песней, о которой мы с вами говорим, много запахов — отсылка к запахам. Сейчас мы поговорим немного о том, что пахнет и что вкусно. Во второй главе влюблённые хвалят друг друга, и возлюбленный говорит так: «Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами». Лилия — это символ чистоты. В западной традиции (да и у нас тоже иногда) с лилией изображают девственников. Она чиста. Лилия меж терновников — это, видимо, чистота её между развратными.

Она же называет его яблоней. Яблоко — это то, что пахнет и хрустит, приятно и на вкус, и на слух. Тут уже некий переход от запахов: до сих пор был только мирровый пучок у груди возлюбленной, кисть кипера, а теперь уже запах и вкус: «Что яблоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени её люблю я сидеть, и плоды её сладки для гортани моей». Сразу скажу вам: нельзя ассоциировать яблоко с плодом грехопадения, с тем плодом, вкусив который, люди познали грех, нарушили заповедь Божию и были изгнаны из рая. Нельзя, потому что кни-

га Бытия не указывает нам на то, какой был плод, что это было — финик, гранат, груша, яблоко — нет названия. Яблоком стали считать плод познания добра и зла в Западной Церкви из-за того, что одно и то же слово — *malum* — означало и яблоко, и зло, это омонимы. Как мы называем косой и инструмент для скашивания травы, и сплетённые женские волосы, и то и другое — коса; так в латинском языке слово *malum*, «зло», омонимично, одинаково звучит, со словом «яблоко». Поэтому иконописцы, портретисты, художники древности стали изображать яблоко в качестве этого плода — и змея с яблоком во рту, и везде, и всюду. Потом это перекечовало в другие сюжеты. Допустим, если постренессанская живопись изображает супружескую пару, то там всегда полно символов. Например, у Ван Эйка есть известная картина «Супруги Арнольфини» — стоят дяденька, тётенька, собачка рядом с ними сидит... Собачка — это там не зря, собачка — это символ верности. А на подоконнике яблоко надрезанное — это не зря, это символ попробованного греха. И ещё куча предметов, и каждый из них что-то означает. Итак, это многозначительный символ, который кочует через культуры, через философии, через живопись, но он к Библии не имеет прямого отношения, поэтому смело можно называть возлюбленного яблоней между деревьями лесными.

«В тени её люблю я сидеть, и плоды её сладки для гортани моей». Во-первых, отметим здесь то, что девушка, любящая своего жениха, любит сидеть в тени этой яблони. «Сидеть в тени» — просто! На самом деле — не очень просто, потому что на Востоке тень — редкость, и сидеть в тени означает очень много. Давайте вспомним с вами Евангелие. Христос приходил в дома, где Его любили, и однажды мы видим Его на страницах Евангелия в доме Марфы и Марии. Старшая сестра, Марфа, суетится и хлопочет по дому о большом угощении, а Мария, младшая сестра, сидит у ног Иисусовых и слушает Его, и сладко ей (см. Лк. 10, 38–42). И не лентяйка она, и рада бы встать и пойти что-то делать вместе со старшей сестрой (та потом даже разгневалась сказав: «Господи, разве Тебе нет дела, что сестра моя оставила меня одну служить, скажи ей, пусть мне поможет»). Этот хорошо известный нам евангельский отрывок я цитирую потому, что мы читаем его каждый раз, когда служим службу в честь Божией Матери. Так вот, там мы видим человека, сидящего у ног Иисусовых, не ленивого человека, человека, смотрящего снизу вверх на Иисуса Христа и слушающего Его. Поверьте мне, исходя из сказанного Господом *исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне* (Ин. 5, 39), я вижу для себя эту любящую душу возле любимого Бога,

которая в тени Его сидит и слушает Его слова, и слова эти сладки для гортани её. Сесть у ног и всё забыть...

Откуда вообще у людей возникало забвение о телесных нуждах? Господь проповедовал в пустынях прииорданских, в окрестностях озера Галилейского, так что к Нему собирались толпы народа, и они забывали о пище и питье. Только потом Христос говорил: *Отпустить же их неевшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге* (Мф. 15, 32). Возвращаясь домой, они, сутками сидевшие у Его ног, обрели бы себя истощёнными, голодными, уставшими, не спавшими, и тогда бы они поняли свою телесную скудость и было бы им плохо. А пока они были возле Него — не было этого всего. Поэтому нужно было их накормить. Накормить чудесным образом — разделить хлебы — малую часть хлеба большому числу людей, через руки апостольские. Видите, пока они у ног Его — не чувствуют они голода. Пока Пётр идёт к Христу по водам и на Христа смотрит — он по водам идёт. Как только он начинает отвлекаться, смотрит, что там вода, ветер, волны, его внимание теряется, переключается на тысячи разных предметов, он смущается и начинает тонуть (см. Мф. 14, 29, 30). Итак, братья и сестры, есть нам образ сидения в тени яблони, плоды которой «сладки для гортани» — то есть сидеть у ног Иисусовых, слушать слово Его.

Заметьте себе также, что тень есть тоже знак Господний. Когда Дева Мария увидела Архангела Гавриила, и он сказал, что Она родит Сына, Она спросила: «Как это будет, когда Я мужа не знаю?» Он ответил: «Дух Святой найдёт на Тебя и сила Вышнего осенит Тебя, и рождаемое Святое назовётся Сын Божий, ибо у Бога не изнеможет всяк глагол» (см. Лк. 1, 26–37). Осенит — значит отенит, то есть тень Свою положит на Тебя, Ты будешь в тени силы Всевышнего. Вот, опять-таки, я вижу, что всё это сходится в одно: «Возлюбленный наш бел и румян, Возлюбленный наш красивее всех возлюбленных, и Он как яблоня между лесными деревьями, — я имею в виду Христа, — и в тени этой яблони люблю я сидеть, под сенью (под тенью) Всевышнего, и плоды её сладки для гортани моей». Я думаю, что каждый человек, любящий Писание, любящий сидеть в тени слов Иисусовых, любящий размышлять о Господних делах, может смело ощущать себя этой невестой Христовой, которая хвалит своего Возлюбленного и сидит у ног Его в тени Его, и плоды слов Господних сладки для гортани его.

• 4 •

Мы продолжаем своё увлекательное и сложное путешествие по пространству книги Песнь Песней. Вот что мы прочтём сегодня

ня: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви; левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня». Эта картинка буквальна, картинка нежная, и над этой картинкой можно написать «детям до шестнадцати» или «только для взрослых». Именно поэтому Песнь, понимаемая буквально, может быть соблазном для человека с грубым умом, который всё, что видит, тянет в рот, думая, что всё, что есть, можно скушать. А эти слова имеют в себе глубокую тайну; уже по тому я заключаю это, что они повторяются трижды в этой Песне. Вот, например, в восьмой главе: «Привела бы тебя в дом матери моей, и ты учил бы меня, я поила бы тебя ароматным вином... левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня» — это постоянно повторяющийся рефрен. Что имеется в виду?

Конечно, мы не поймём всего, но можем догадываться, по крайней мере, о следующем: пишет эту Песнь Соломон, это его отборная песня. Кстати говоря, Третья книга Царств говорит, что Соломон написал тысячу пять песен, причём воспевал он в них всё, что видел. Бог дал ему понимать вещи окружающего мира так, что он понимал, как живёт ливанский кедр и как живёт иссоповый пучок, вырастающий из расселины стены. Он пел о малом и о великом, о том, что под руками и под ногами, о том, что в небе и том, что под

водой, и песен было тысяча и пять. И этот Соломон говорит: «Левая рука его у меня под голову, а правая обнимает меня». О том, что есть левая и правая руки у человека, известно всякому. Но то, что есть левая и правая руки у премудрости Божией, известно не всякому. Книга Притчей Соломоновых — это та книга, в которой Соломон пытается научить нас сокровенному разуму, заставить нас искать премудрости, искать её везде. Он говорит о том, что он с детства полюбил премудрость и захотел, чтобы премудрость была его невестой. Кто полюбит её, того полюбит она — премудрость Божия. И вот он говорит: *Долгоденствие — в правой руке её, а в левой у неё — богатство и слава; пути её — пути приятные, и все стези её — мирные. Она — древо жизни для тех, которые приобретают её, — и блаженны, которые сохраняют её!* (Прит. 3, 16–18). По-славянски мы часто читаем эти слова на богослужениях: «Долгота бо дней в деснице ея (долголетие в правой руке), и в шуйце ея богатство и слава».

Теперь совместим эти два текста, сочетая одни Соломоновы слова с другими Соломоновыми словами, попытаемся понять, что же здесь имеется в виду. Итак, девушка, отданная в любовь любимого, говорит: «Я изнемогаю от любви... левая рука его у меня под голову, а правая обнимает меня». Если девушка — это душа, если любящий — это Господь, и «ле-

вая рука его у меня под голову», то левая рука — это богатство и слава. Богатство и слава под голову, вместо подушки, у того, кто отдал себя Господу. «А правая рука обнимает меня», и долгоденствие в правой руке. Человек, который отдал себя Богу — это человек, который (очень часто) пользуется долгоденствием. Оно обнимает человека, и он живёт долгие годы, потому что полезен он на земле. Не потому, что он миролюбец и жизнелюбец в плане раблезианского любления жизни и удовольствий, но он полезен здесь, и поэтому живёт долго, чтобы другим было полезно жить возле него. «А в шуице ея — богатство и слава» — богатство и слава могут иметь практическое применение, измеряемое денежными знаками, а может иметь другое применение, потому что слава — она не имеет денежных знаков; если человек славен, то он славен независимо от того, беден он или богат. И богатство бывает всякое, богатством могут быть года, правильно поёт известный артист: «Мои года — моё богатство». Богатство — это и жизненный опыт, и рождённые дети, и плоды трудов своих, очевидные перед собственными глазами — всё это богатство и слава. В левой руке, которая под головой у души, Богом любимой, — богатство и слава, а правой рукой — долголетием — Он обнимает её. Вот так можно толковать эти таинственные стихи, и практический вывод из них — это попытка

отдать себя Богу в руки, потому что всё Его. Как говорит апостол Павел: *Или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — все ваше; вы же — Христовы, а Христос — Божий* (1 Кор. 3, 22, 23), — то есть вместе с Христом Бог даст вам всё.

В третьей главе мы видим эту же возлюбленную, которая томится и ищет своего жениха, и говорит: «На ложе моём искала я ночью того, кого любит душа моя, искала и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям и буду искать того, кого любит душа моя, искала его и не нашла его»... Песня Песней — это сложное сочетание моментов счастья и моментов разлуки. А без этих двух моментов не бывает настоящих, твёрдых отношений. Любая командировка для любящих людей является испытанием. Любая — я даже не говорю болезнь — разлука на полдня зачастую бывает для людей большим ударом. Именно в режиме встреч и разлук закаляется человек. И отношения с Богом именно таковы. Третья глава книги Песнь Песней говорит именно о режиме встреч и разлук, о том, что человек, однажды познав Господа, не может всегда быть одинаково близок к Господу. Неизбежно или он отпадёт, очерствеет, осуетится, мир закружит его, какой-то идол прельстит внимание его сердца, или Господь удалится от человека — ради самого человека. Путешественники говорят,

что японские матери специально оставляют своего ребёнка в поле своего взгляда, но прячутся от взгляда ребёнка, чтобы он почувствовал, что он один, кругом чужие, мамы нет. И все прохожие знают, что он не потерялся, — они так испытывают своих детей. Они дают ребёнку почувствовать: «ты один, и кроме меня ты никому не нужен». Ребёнок должен почувствовать, что он любим, но потерян.

Душа тоже чувствует часто, что любит Бога, но также чувствует: «вроде бы Бог забыл меня», она ищет Его и говорит: «Ищу Его на ложе моём ночью, ищу, кого любит душа моя, и не нахожу Его». Можно эти слова сравнить с тем, что мы читаем о Марии Магдалине. Пожалуй, самые трогательные слова о Воскресении Христа связаны с историей Марии Магдалины (см. Ин. 20, 11–16). Она пришла к гробу пустому, стояла возле него и плакала. А когда плакала, заглянула в гроб и увидела там Ангелов. Они спросили её: «Женщина, что ты плачешь? Кого ты ищешь?». Она думала, что Христа забрали, куда-то унесли, и говорит: «Взяли Господа моего, не знаю, куда унесли Его». В это время Господь позвал её. Она оглянулась, увидела Его, говорит: «Может быть, ты забрал Его? — она не узнала Его. — Скажи мне, куда ты понёс Его, и я возьму Его». И тогда Господь назвал её Марией, произнёс её имя, и она бросилась Ему в ноги с криком «Раввунни!» — «Учитель!». Это очень похоже по накалу ин-

тимности, по накалу личной любви с тем, что говорится здесь, в книге Песни Песней: «Искала я того, кого любит душа моя, и не нашла его. Встану же я и пойду по городу, по улицам, площадям, и буду искать того, кого любит душа моя. Искала его и не нашла его».

Если вы будете читать литературу людей, которые, скажем так, лучше других — святых людей, аскетическую литературу, вы там найдёте очень много ссылок на подобные переживания. Святой Силуан Афонский однажды видел Господа и потом всю жизнь плакал, чтобы не потерять Его. Многие люди искали Господа всю жизнь и ходили, как неприкаемые, как потерявшие дитя. «Где Ты, Господи?» — всё время спрашивали, сами с собой беседовали: «Где же Господь мой?». Как та Мария: «Взяли Господа моего, не знаю, где положили Его». Этот характер отношений людей и Бога открывается в любви, потому что нигде не бывает человек так уязвим, как в любви. Когда любишь — ты весь болевая точка. Легко тебя обижать, легко тебя унижать. Тебя можно легко убить одним ударом, потому что ты весь уязвим. Человек в отношениях с Богом весь уязвим. И Бог в отношениях с человеком тоже Весь уязвим. Мы можем отвергать Божию любовь, можем насмехаться над ней, не замечать её... Тема любви максимально приближает человека к понимаю правильных взаимоотношений не только между людьми

и людьми, но между людьми и Богом. Можно смело утверждать, что когда люди перестанут любить друг друга по-настоящему — они и верить перестанут. Или наоборот — когда люди перестанут верить в Бога, они перестанут любить друг друга по-настоящему. Это очень связанные вещи. Вот почему нужно читать книгу Песнь Песней и почему нужно серьёзно относиться к теме любви и людских взаимоотношений: всё, чем болит наше сердце, так или иначе относится в том числе и к нашим отношениям с Господом Иисусом Христом. Нужно умом и сердцем пройти по всем песням Писания, чтобы, как во Святое святых заходил раз в год первосвященник, войти в здание смыслов, заключённых в этой воистину Песне Песней Соломона.

• 5 •

Мы подошли к пятой главе Песни Песней: «Пришёл я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с мёдом моим, напился вина моего с молоком моим. Ешьте, друзья, пейте, насыщайтесь, возлюбленные». Здесь постоянно добавляются присвоительные местоимения — «набрал мирры моей с ароматами моими, соты мои с мёдом моим, напился вина моего с молоком моим» — мы так не говорим. Это особенности еврейского, арабского, пер-

сидского текстов, где обязательно притяжательное местоимение указывает на лицо того, кому принадлежит тот или иной предмет или явление. Читая Священные Писания, мы, так или иначе, погружаемся в иной образ мыслей, что мы с вами не раз ещё увидим.

Образ еды — это образ благословения и насыщения, это дар Божий, ибо кто может есть и насыщаться без Него? Вокруг еды построено в Писании всё или почти всё. Если мы присмотримся к повседневной жизни евреев, то увидим, что они, пытаясь жить по Богу, как это представляют они, строят всю свою жизнь на еде — именно на правильном к ней отношении: что есть, когда есть, как молиться до еды, как молиться после еды. Это всё превращается у них в какой-то культ живота, для постороннего глаза. На самом деле это отголоски библейского мировоззрения. Есть, пить и насыщаться без Бога невозможно. Господь Сам готовит нам пир. В образе пира нам преподносится учение о рае, потому что рай — это, с одной стороны, работа в винограднике, потому что Хозяин виноградника зовёт нас на труды, а с другой стороны, рай — это возлежание на пиру, который приготовил Отец для Единственного Сына, и ликование, пение, насыщение — это образы райской жизни. Здесь, в пятой главе Песни песней, говорится о пире в саду. Пир в саду, пир в винограднике, собственно, и есть составной образ райской жизни.

Если помните, Воскресший Христос однажды нашёл своих учеников на озере работавшими всю ночь, ловившими рыбу, ничего не поймавшими, и Он предложил им трапезу на берегу. Они не узнали Его. Узнал Его только Иоанн Богослов, а остальные за его голосом уже поплыли к берегу, Пётр бросился в воду, а Христос ждал их на берегу, и был разложен на берегу костёр, и была рыба и хлеб. Когда они вылезли на берег, Христос спросил их: «Дети, есть ли у вас какая-нибудь пища?» — то есть — «поймали ли вы что-нибудь сегодня?» — и предложил им пищу: «Придите, пообедайте» (см. Ин. 21, 4–13). «Ешьте, друзья мои, пейте и насыщайтесь, возлюбленные», — это голос Христа, обращённый к верующему че-

ловеку, потому что голод — это образ богооставленности, насыщение и сытость — это образ богообщения. У пророков написано, что будет голод, заключающийся не в отсутствии хлеба и воды, но голод слушания слов Господних. Бывает, что человек сыт, но внутри он томится великой жаждой или великим голодом. Голод благодати, жажда общения с Богом — это состояние в скрытом виде присутствует во всех душах, но сознательно отдают себе отчёт в том, что они именно этим голодны, далеко не все. Напротив, насыщение — «придите, пообедайте» — это, по сути, даже евхаристический возглас — «примите, ядите, сие есть Тело Моё».

Здесь наша мысль плавно переходит к образам Евхаристии. Мы слышим от Бога: «Идите, ешьте». Мы слышим это — Воскресший Христос говорит Своим ученикам, апостолам: «Придите, пообедайте». Мы слышим это на Тайной вечере: «Примите, ядите, сие есть Тело Моё, пейте от нея вси, сия есть Кровь Моя» (см. Мф. 26, 26–28). Мы слышим эти слова на Литургии до сегодняшнего дня. Мы слышим это в евангельских притчах, где заклан телец, накрыты столы и слуги разошлись по всем распутьям собирать людей на пир (см. Лк. 14, 16–24). Мы слышим это в Песни Песней: «Ешьте, друзья мои, пейте и насыщайтесь, возлюбленные». Этот образ приглашения к трапезе — это приглашение к Причастию,

приглашение к молитве (потому что молитва — это тоже питание), приглашение к чтению, слушанию Божьего слова. Это, собственно, приглашение в райское наслаждение, потому что через труды надо войти в покой, через все эти временные занятия наши надо войти в вечную радость, и там уже будет новая трапеза, новая еда и новое питьё — на трапезе в Царствии Небесном.

Далее начинается новый кусочек текста, который говорит уже о другом — о чувствах Суламиты, этой девушки, возлюбленной, которая символизирует собою и душу отдельного человека, и Церковь. Передаётся некий сокровенный опыт людей, любящих Бога. Эти слова вдохновляли очень многих монахов, подвижников. Звучат они очень просто: «я сплю, а сердце моё бодрствует», по-славянски — «аз сплю, а сердце мое бдит» — то есть сердце совершает бдение, сердце находится на страже. Это говорится о человеке, который ведёт напряжённую внутреннюю духовную жизнь.

Человек спит каждую ночь — попутно вспомним о том, что сон нам нужен больше, чем вода, а вода больше, чем еда. Без еды можно жить более-менее долго, без воды — гораздо меньше, а без сна — совсем мало. Человек нуждается в сне ежедневно, человек не знает, что такое сон, он не понимает себя, находясь во сне. Это таинственное состояние не имеет

исчерпывающего объяснения и в современной — уже, якобы, достигшей великих знаний — науке. Во сне человек свободен от забот, страхов, давления общества и многих других вещей, которые стискивают его во время дня, формируя внешнее поведение. Во сне человек является тем, кем он есть, поэтому так страшно иногда во сне проявляет себя работа подсознания, вскрывая перед человеком его собственные болезни, или, наоборот — во сне человек может наслаждаться покоем, если внутри у него более-менее чисто. Сон — это таинственное состояние, при котором человек в большей степени есть тот, кто он есть. Если человек бормочет что-либо во сне, то он бормочет, уже отключив контроль своего разума, и это бормочутся какие-то очень важные слова — или та белиберда, которая наполняет человека под самую завязку. Не зря древние боялись будить спящих, думая, что в это время душа отлучается от тела, и если разбудить внезапно, то душа не успеет вернуться и человек умрёт.

Сон — это прекращение молитвенной деятельности. Ну, как можно молиться во сне? Однако это только кажется невозможным: существуют такие духовные состояния, когда человек спит, а в это время сердце продолжает свою разумную, сознательную жизнь. Вот этот стих, собственно, и вдохновлял многих подвижников, аскетов, монахов (и не только монахов, впрочем, и мирян тоже) на то, что-

бы не прекращать свою разумную сердечную деятельность во время сна, чтобы сон не мешал молиться. В идеале, если нормой жизни считать молитву, то нужно делать всё так, чтобы ничего не мешало, не препятствовало молитве. Святой Силуан Афонский на вопрос, сколько нужно есть, отвечал, что есть нужно столько, чтобы после еды хотелось молиться. Это очень важный критерий. Люди очень часто думают о посте, о молитве в категориях временных и пространственных. О еде думают в категориях черпака и кастрюли, а о молитве — в категориях прочитанного текста — сколько прочитал. Это неправильно, потому что это всё совсем не так, и есть нужно столько, чтобы после еды хотелось молиться. «А можно я закурю?» — спрашивал у Силуана Афонского один барин, а он отвечал: «Помолись прежде», — а барин: «Как-то неудобно молиться перед курением трубки». Но раз есть что-нибудь, перед чем неудобно помолиться, то этого делать не стоит. Молитва — это критерий жизни. В идеале, конечно. Мы сейчас говорим об этом, отдавая себе ясный отчёт, что мы живём во времена, более, чем любые другие, противоположные молитве. Митрополит Антоний (Блум) даже книжку свою так назвал — «Может ли ещё молиться современный человек». Так вот, если говорить об идеале, то ничто не должно мешать молитве, в том числе и сон.

Во время сна человек продолжает сердечное разумное бодрствование: тело его отдыхает, а мысль продолжает двигаться к Богу, и сердце его тоже находится на страже. Этот опыт описывается в Песни Песней: человек ждёт, ждёт посещения. Образ спящего, но одновременно бодрствующего человека есть и в псалмах. Там описываются некие сильные воины, которые накажут князей земли. Они спят на ложах своих, и оружие обоюдоострое в руках их, и возношение Божие в гортани их — они спят вооружённые и молятся (см. Пс. 149).

«Я сплю, а сердце моё бодрствует...» И вот, наконец, наступает то, ради чего совершается это бодрствование. «Вот, голос моего возлюбленного, который стучится: «Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя покрыта росой, кудри мои — ночью влагою», — это стучится к возлюбленной жених, душа дождалась посещения. Она медлит. Человек во время благодатных явлений находится всегда в состоянии некоего раздвоения. И это очень важно — то, что Бог, приходя к человеку, никогда не насилует его свободу. Вот когда злой дух является к человеку, человек или приходит в оцепенение от ужаса, или весь смущается, происходит буря внутри, и свобода его в это время как бы выключена на время, он находится в изрядной растерянности. Когда

Дух Божий действует на человека, Он чрезвычайно осторожно обращается с его свободой. Он не насилует, не ошеломляет человека, а ждёт и зовёт его. Когда Деве Марии явился Архангел Гавриил, то он дал Ей время подумать. Сказав: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою», — дождался, пока Она переждёт смущение, потому что Она боялась в Себе и говорила: «Что бы значило это посещение?». Он повёл с Ней разговор очень кротко: «Не бойся, Мария, Ты обрела благодать у Бога», — и дальше; этот разговор вы можете найти в Евангелии от Луки. Господь говорит человеку — человек смущается: «Мне ли это? Что это за голос? Ты ли пришёл, или это обманщик смущает мою душу?». Наступает некая пауза, во время которой человек ищет себе оправданий: «Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои; как же мне марать их?».

Дальше происходит драматическое событие. Описывается, что возлюбленный стремится к любимой, он хочет преодолеть ту перегородку, которая отделяет его. Перегородка отделяет нас; описывается в Библии некое отверстие, позволяющее просунуть руку и открыть дверь изнутри. То есть — между ними двери, между ними стена. А вообще-то нас от Бога отделяет плоть — этот плотный, густой мир, который непроницаем нашими глазами, который как-то ощущаем нашим сердцем.

Эту перегородку преодолевает сердечное чувство, но и то — очень слабо, очень, очень слабо. Глаза же наши вообще слепы. Иногда, когда Бог входит в нашу жизнь, мы ощущаем это вторжение, нам бывает страшно. Страшно и волнительно — такая смесь самых разных чувств, которые здесь и описываются. Лучшим подобием этих чувств являются чувства влюблённых людей, которым одновременно и страшно, и томно, и боязно, и они стремятся друг к другу, и томит их смесь непонятных желаний — вся эта любовная кутерьма. Почему Песнь Песней и построена на материале любовных взаимоотношений? Потому что это — наибольшее подобие таинственных отношений между Господом и человеком.

Душа чувствует, что Он стремится к ней, и пытается открыть двери, разделяющие Его и её, но дальше происходит нечто удивительное: «Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушёл». В отношениях Бога и человека есть такой момент, как богооставленность. Человек, с одной стороны, ищет Бога; с другой стороны, Бог постоянно ищет человека. С тех пор, как в раю раздался голос Господа: «Адам, где ты?» (а Адам в это время почувствовал себя нагим и сидел в кустах, говорил: «Я наг и спрятался»), — с тех пор Бог постоянно взывает к человеку: «Адам, где ты?». Человек заблудился, запутался, постоянно ищет Бога и спрашивает: «Ты есть?

Если есть, то где Ты? Если Ты есть, Ты где-то есть, то почему всё так, а не иначе?». Происходит такое переаукивание, такая перекличка — как заблудившийся в лесу кричит «ау», желая услышать в ответ вместо эха на своё «ау» какой-то внятный голос того, кто его найдёт. И вот, вроде бы встреча уже видна, скоро встреча совершится, и в это время опять разрыв: «Я открыла двери, а возлюбленный повернулся и ушёл». Господь воспитывает душу, и не сразу дарит Себя ей.

Многие из нас испытали на своём личном примере такое состояние, как сухость, чёрствость и погашение духовных сил. Когда мы начинали веровать (все скажут), когда мы только узнали, что Бог есть, что Христос воскрес, что Библия — слово Божие, что есть Святые Таинства — Крещение, Причащение, Исповедь и так далее, мы летали и парили. Но вы же знаете, птицы не могут вечно летать, они снижаются, и пищу ищут на земле. Мы тоже снизились в какой-то момент, устали от перелётов... Бывают периоды оставленности, сухости, как будто Бог отступил, как будто благодати нет. Это, братья и сестры, воспитательные моменты: Господь позволяет, благоволит человеку испытать свою пустоту, нищету, бесполезность, никчёмность, когда Бога рядом нет. Все беды мира, вместе взятые, называются одним словом — богооставленность. То есть: «Ты есть, но я Тебя не чувствую,

и где Ты, я не знаю; а я один, сам с собой, и я обессилен и бесполезен». Все эти чувства человеческого моря сердец, слитые воедино — это чувства, которые Христос прокричал на Кресте за всех людей: *Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46). Всё это бывает в жизни каждого человека в отдельности — когда ты ищешь Бога и, казалось бы, Бог рядом, но ты открываешь двери, а «возлюбленный мой встал и ушёл, и души во мне не стало».

• 6 •

Мы читаем Песню Песней, читаем не спеша, потихонечку, по кусочку жуём. Это чтение не для поверхностного упражнения, это тяжёлое занятие, требующее соответствующей жизни. Напомню также, что прыщавые юноши её читать не должны; не просто не должны — не имеют права. Читать её можно только после тридцати лет — человеку, который молится. Не молящемуся человеку её тоже читать нельзя. Ну а мы, поскольку уже старше тридцати и иногда молимся, то пытаемся читать её по кусочку. Мы говорили о богооставленности, о состоянии пустоты и растерянности, когда Господь был близко — и вдруг нет Его, «Он повернулся и ушёл».

Я позволю себе процитировать одну совершенно светскую песню одного совершен-

но светского человека (не называя фамилий и имён), которая, тем не менее, подходит в качестве примера. «Расставание — маленькая смерть» — поётся в этой совершенно светской песне совершенно светского человека. Он говорит: «Как же это всё мне преодолеть, расставание — маленькая смерть». Это тот редкий случай, когда, разрывая навозную кучу, можно найти жемчужное зерно. Опыт расставаний — это очень болезненный опыт каждого человека. Расставаний самых разных. Ребёнка отвели в садик, например, и не пришли за ним вовремя, всех разобрали, а он сидит там один и, размазывая кулачком по рожице слёзы, ждёт родителей, а их нет, и он в это время буквально умирает от тоски, потому что он бесполезен, не нужен, беззащитен, он потерял родителей, он потерялся. Человек уходит в армию, человек уезжает на работу — человек умирает. Любимые расстаются друг с другом в силу того, что он уезжает на заработки, чтобы собрать денег на свадьбу — что угодно — любовь умерла. Она вроде бы и есть, но вроде умерла. Люди продолжают любить друг друга, однако же, расстаются и заживо умирают, и это составляет предмет всей литературы, всех разговоров, всех песен, собственно, всего того, ради чего живёт человек. Опыт расставания есть и в религиозной жизни — когда покидает человека Господь. Как раз об этом мы читали и об этом продолжим.

«Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушёл. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила его; звала его, и он не отзывался мне». Душа, как женщина, ищет возлюбленного. Мария Магдалина, о которой мы уже говорили, в этом смысле похожа на каждую душу человеческую — где она, заплаканная, говорит: «Взяли Господа моего, и не знаю, куда положили Его». И даже уже Господь перед ней, а она из-за слёз всё равно Его не видит — настолько поглощена своим горем, что нужно позвать её по имени — «Мария!» — тогда она озирается (см. Ин. 20). Но здесь другая драматургия — душа ищет возлюбленного, он ушёл, души в ней не стало, она бежит за ним, она ищет его. И вот, дальше: «Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены».

Есть некие стражи, оказывается, обходящие город, которые наблюдают за порядком и для которых твои любовные томления и твои крики, рождённые раненым сердцем, являются нарушением закона. Стражами могут быть — мало ли кто. Стражами могут быть люди, не знающие, что такое любовь, для которых любовь — это всего лишь сантименты: «Да ладно, успокойся, женись на ком хочешь — стерпится-слюбится». Это в бытовом понимании. Стражами могут быть бесы, кото-

рые мешают человеку искать Бога, которые в ответ на крик умножают удары. Ты пытаешься больше молиться — они пытаются сильнее закрыть тебе рот.

В Евангелии есть такой интересный случай, когда сами апостолы были стражами, мешающими людям молиться Христу. Описывается некий слепец, который сидел у ворот Иерихона и кричал: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня», — а ему закрывали рот окружающие люди (см. Лк. 18, 35–39). (Апостолы нередко тоже говорили: «Скажи им, пусть замолчат», — потому что крики этих просителей вокруг Господа Иисуса Христа утомляли и раздражали их.) А слепец, чем больше ему запрещали, тем больше кричал. То есть — человеку часто мешают молиться, человеку часто мешают искать. Ищущий Бога человек — это очень тревожное, беспокойное существо, он вокруг себя возмущает среду и мешает всем жить. Надо признать это, надо понять эту сложную вещь: ему мешают, а он кричит, его могут даже побить за то, что он всем мешает. Нужно знать, что если ты хочешь найти Бога, то тебя не раз побьют — так или иначе, но пострадать тебе придётся. Но душа — она настырна, поэтому она не перестаёт искать, она обращается к подобным душам, говорит: «Заклинаю вас, дочери Иерусалимские: если вы встретите возлюбленного моего, что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви».

А дальше и её уже спрашивают эти «дщери Иерусалимские»: «А что такого ты нашла в этом своём возлюбленном?». Очень интересный, кстати, вопрос. Часто спрашивают: «Что тебе в Этом Боге? Что ты в Нём нашёл такого? Ты Его видел?», — или: «Что тебе Христос?». Мало ли, в кого можно влюбиться, кроме Христа, и чей плакат можно на стенку повесить. Есть рок-музыканты... да кто хочешь есть, в конце концов — и религиозные лидеры, и философы, и писатели, и поэты, и артисты, и киноактёры... Есть Арнольд Шварценегер и Джеки Чан, в конце концов, что тебе, не можешь их любить, что ли? Что тебе в Нём? Это очень острый вопрос. Не то что острый — на него нет ответа, понимаете? Потому что — «...Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймёт ли он, чем ты живёшь? Мысль изреченная есть ложь» (Ф. Тютчев). «Чем твой возлюбленный лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем он лучше других, что ты так заклинаешь нас?» — спрашивают тебя. А как объяснить, что Христос лучше всех? Что Он красивее всех, что Он умнее всех, что Он добрее всех, что Он богаче всех? В конце концов, ведь не за это же мы любим Иисуса Христа. Нельзя любить Иисуса Христа как спонсора, как доктора, который вылечит, подарит что-нибудь... Его нужно любить по-другому. У Него нужно выпросить любовь к Нему: «Научи меня лю-

бить Тебя». От любви ко Христу зависит исполнение заповедей. Сам Господь говорит: «Любящий Меня соблюдает слова Мои, а не любящий не исполняет» (см. Ин. 14, 23, 24). Когда я грешу, я доказываю тем самым, что я не люблю Христа, не помню о Нём и не знаю, что Он сказал. Когда я исполняю заповеди, я доказываю этим, что люблю Христа, или, по крайней мере, стремлюсь полюбить Его так, как нужно. Повторяю, что любить Христа нужно не как спонсора и не как доктора, не как кинозвезду, не как великого героя, а как Бога Живого, отдавшего Себя за меня. Но объяснить это очень трудно.

Мы приступаем к ещё одной филологической особенности еврейского текста, пусть он даже переведён на русский язык. Возлюбленная начинает описывать жениха в категориях своих чувств — какой же он у неё. Получается очень забавная картина. Если всё это нарисовать, получится что-то очень смешное. Но в том-то и дело, что еврейская поэзия — это поэзия народа, который не знал живописи. Живописи не было никакой — не было портретов, мозаик, фресок, не было книжных миниатюр. Уже в позднейшее время, в христианскую эпоху, возникли книжные миниатюры и начали развиваться — они были простоваты, но тем не менее.

А вообще евреи не имели изобразительных искусств, скульптуры и живописи. По-

этому, когда мы читаем, как возлюбленный говорит про невесту, как невеста говорит про него — если всё это составить вместе — получается очень смешная картина; это не словесный портрет, это набор чувств, выраженных в слове. Вот она говорит про него: «Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других: голова его — чистое золото; кудри его волнистые, чёрные, как ворон; глаза его — как голуби при потоках вод, купающиеся в молоке, сидящие в довольстве». Это изображать не надо, это чувство, выраженное поэтически. Нам нужно представить себе в это время не то, что она видела перед глазами, а то, что она чувствовала. Иначе, если мы будем всё это копировать, переносить на бумагу, у нас возлюбленный будет выглядеть очень странно.

Кто-то из писателей XX века написал рассказик о том, как художник получил заказ нарисовать возлюбленную по мотивам Песни Песней; и он нарисовал её — в шестой главе описывается, что у неё волосы, как стадо коз, зубы, как стадо овец, и так далее. Получилась такая картина... Надо понять, что это описывается не для того, чтобы рисовать. Когда я смотрю некоторые иллюстрации в протестантских книжечках, меня воротит от тошноты и смеха одновременно, потому что иллюстрации к Апокалипсису, к Песне Песней — это карикатуры. Эти книги писались не для того, чтобы их зарисовывать, они не тер-

пят иллюстраций. Иллюстрации к ним могут быть написаны рукой человека, чьё око видело другой мир. Я видел на Афоне, в Дионисиате, в монастыре, иллюстрации к Апокалипсису, вот это — настоящие иллюстрации. Их писали средневековые монахи, они знали, что пишут. В Песне Песней мы встречаем восторженное описание, набор эпитетов, которые нужно слышать, как музыку, но ни в коем случае не представлять их буквально и не лепить из них картины.

На вопрос, чем её возлюбленный лучше других возлюбленных, Суламита разразилась длинным перечнем его достоинств, специфических для мировоззрения восточного человека. Сталкиваясь с другими культурами, нам нужно привыкать, что в других культурах люди по-другому мыслят привычные для нас вещи. Если араб сравнивает красавицу с кобылицей (кстати говоря, и в Библии с кобылицей в колеснице фараоновой сравнивается возлюбленная), нужно понимать, что есть вещи, которые отсутствуют в нашей культуре. Хотя для некоторых мужиков дизайнерская линия нового автомобиля красивее, чем округлости бёдер любой прекраснейшей женщины. Не шутя говорю — некоторые влюблены в автомобильное железо больше, чем мать в родных детей. Это тоже особенность культуры (пусть и антикультуры), которую тоже нужно понимать.

Итак: «Глаза его — как голуби при потоках вод, щёки его — цветник ароматный, губы источают текучую мирру, руки его — золотые кругляки, усаженные топазами, голени — мраморные столбы, поставленные на золотых подножиях, вид его подобен Ливану, величествен, как кедры». Повторяю, что это — восторженные эпитеты, которые сугубо символичны, и в них она просто пытается передать восторг своей души, что называется — выпустить пар из своей души, которая перегрета ощущениями.

Примерно так же и он о ней говорит. Чтоб вы не составляли себе словесного портрета, потому что это всего лишь поэтические образы той эпохи и той культуры, не предполагавшей перенесения на холст. «Округление бёдер твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника; живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями; шея твоя — как столп из слоновой кости; глаза твои — озёрки Есевонские, что у ворот Батраббима; нос твой — башня Ливанская, обращённая к Дамаску; голова твоя на тебе, как Кармил, и волосы на голове твоей, как пурпур; царь увлечён твоими кудрями». Все эти эпитеты, сложные для современного мышления (мышление должно быть поэтичным, особенно в любви, но культура и поэзия у всех народов разные), пересыпаны пророчествами. Что

удивительно в Библии вообще, а в Песни Песней в частности — то, что иногда зоркое око святого человека выхватывает из этого потока таких странных необычных слов какую-нибудь цитату, которая вдруг раскрывается, как некое откровение.

В сотый раз напомним о том, что средневековые мистики видели в Песне Песней откровение о любви между Богом и человеком, между Богом и душой, между Богом и Церковью, и четвёртое — это между Богом и Богородицей. Смотрите, среди всех этих описаний, которые касаются женского тела — говорится о бёдрах, о животе, о чреве (далее уже есть некоторые моменты эротические, они не могут здесь не быть, потому что это песня о любви) — вдруг такой стих: «Чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями». Ну и что тут, казалось бы, такого великого, что тут такого таинственного? Святой Дмитрий Ростовский, цитируя, наверно, кого-то из более древних писателей, говорит, что это написано о Божией Матери. Почему? Потому что лилии — это символ целомудрия, это общий, универсальный символ невинности и чистоты. Пшеница — это не символ, это факт, это жизнь. В арабском языке слово «хлеб» — «айш» — означает одновременно жизнь. То есть хлеб и жизнь — одно и то же. У земледельческих народов Востока хлеб — это символ жизни. Если у эскимосов жизнь равна

рыбе, то на Востоке жизнь равна хлебу. Все те, кто пахал землю, да и наши с вами отцы, деды и прадеды — те, которые сложили пословицы наподобие «хлеб всему голова», — они ставили между хлебом и жизнью знак равенства. И вот: «Чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями». Святой Дмитрий говорит, что это о Деве Марии, потому что Она родила Сына Божия, Который есть хлеб жизни. Христос говорит: «Я хлеб, сошедший с небес» (см. Ин. 6, 51). Сошедший с небес куда? В чрево Девы. А из Неё вышедший человеком. Поэтому чрево Её есть пшеница, окружённая лилиями — это невинное, девственное лоно, которое приняло Бога и Богом не опалилось, родило нам Христа, дало нам хлеб жизни. Удивительно! Повторяю, что нужно иметь действительно просветлённый глаз, острый ум и помощь Духа Святого, чтобы на простых словах — не пробегать их просто, потому что всю книгу можно прочесть за пятнадцать минут — останавливаться, и размышлять, и находить, и радоваться. Одной строки может на целый день хватить. На жизнь может хватить одной строки. Христос — действительно хлеб жизни, и Дева Мария — действительно Матерь хлеба жизни; Христос — путь, Она родила нам этот путь; Христос — свет, Она Матерь этого света. Он родился в Вифлееме, и это лишний раз подтверждает сказанное только что, потому что Бейт-Лехем — это «Дом Хлеба», и Он,

как небесный хлеб, родился в городе, называющемся буквально Дом Хлеба. Поэтому и Та, Которая родила Его, есть символизированная Песнь Песней. Правы средневековые мистики, считавшие, что эта книга именно потому и называется Песнью Песней, как Святое святых, суббота суббот и небо небес, что в ней скрыты тайны — тайны за простыми словами. «Живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твоё — ворох пшеницы, обставленный лилиями».

Ранее мы говорили о том, что в четвёртой главе есть образы Божией Матери в таких словах, как «запертый сад — сестра моя, невеста, заключённый колодезь, запечатленный источник». Таинственные сад, источник, колодезь закрыты и запечатаны — подчёркивается девство. Вот и в седьмой главе, в третьем стихе, мы находим указание на Пресвятую Богородицу. В предыдущей, шестой, главе тоже есть слова, которые можно отнести к Ней или ко всей Церкви: «Кто это, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знамёнами?». Ничего, кстати, дальше не говорится — кто это такая — грозная, как полки со знамёнами, и блистающая, и прекрасная, и светлая; дальше текст идёт, не останавливаясь, и уже голос самой невесты мы слышим. Но кто это, действительно, блистающая, как заря? А заря — она что делает? Она предвещает восход солнца:

Дева Мария предвещает пришествие в мир Господа Иисуса Христа. «Прекрасная, как луна», а луна — это именно ночное светило, светящее светом дневного, отражённым светом солнца светит диск луны, и Матерь Божия светит нам светом Своего Сына. «Светлая, как солнце» — так в Апокалипсисе мы видим образ жены, одетой в солнце (см. Откр. 12, 1). «Грозная, как полки со знамёнами» — так Она являла Себя многократно врагам веры. С одной стороны, нет никого слабее женщины, с другой стороны, Женщина, родившая Бога — сильнее всех. И Ангелы служат Ей, и Она бывает грозна, как полки со знамёнами. Мы вспоминаем, например, о том, как Она прогоняла полки чужих от Почаева, от пределов Своих монастырей и обителей, и сколько таких случаев было по всему христианскому миру — не счесть. Это слова, которые касаются и Её, и всей Церкви — прекрасная, светлая, грозная, блистающая.

Начиная любую работу, касающуюся молитвы, духовной жизни, мы должны понимать, что мы её не закончим, что будем продолжать её, скорее всего, в вечности. Поэтому у меня нет никаких претензий на то, чтобы дать вам исчерпывающее или гармоничное истолкование этой книги — этого не смогли сделать люди, которым я не достоин развязывать ремни на сандалиях. Но читать это надо, думать об этом надо, и последнее, что мы сегодня

скажем, говоря о книге Песнь Песней, — это то, что вода принимает форму наполняемого сосуда, а священные библейские слова понимаются по мере внутренней чистоты. Кто внутри грязен, тот Библию не поймёт, хоть бы выучил её наизусть. Чем выше степень чистоты, покаяния, смирения — тем пропорционально выше степень постижения силы, сокрытой в этих простых и одновременно таинственных словах. Посему — изучайте Писания, но не забывайте очищать своё сердце, наипаче от гордости, а потом уже от всех остальных грехов.

*И изгнал Адама, и поставил на
востоке у сада Едемского херувима
и пламенный меч обращающийся,
чтобы охранять
путь к дереву жизни.*

(Быт. 3. 24)

Приложение

Прощёное воскресенье

Сегодняшний воскресный день носит имя Прощёного воскресенья и вспоминает об Адамовом изгнании. Имя Адам означает человека в его как бы первичном смысле — «взятый из красной глины». В некоторых восточных языках Адам, собственно, и означает «человек». Наш праотец согрешил и родил нас в изгнании. Сам он был создан Богом из девственной земли райской и жил в раю. А потом за грех свой был в шею выгнан, как ложный бог. Адам хотел быть богом — и не стал. Сказал змей Еве: «Будете, как боги», — и обманул. И вот этих ложных богов, вкусивших запретный плод, буквально в шею выгнали вон из места сладости. Так мы все родились в изгнании.

Знаете, в тяжёлые годы сталинских репрессий множество детей рождалось в тюрьмах. Были дети войны, дети лагерей, которые зачинались и рождались неизвестно где — в блиндажах и бараках, на этапах — а значит, в случайных связях. И рождались, и вырастали там. И мы все с вами, братья и сёстры, в духовном смысле дети лагеря и тюрьмы. Потому, что мы рождены в изгнании. Мы и своих детей родили тоже в изгнании. И только лишь теперь стремимся к Небесному Отечеству.

Думать об Адаме надо, братья и сёстры, потому, что Адам очень связан со Христом. Хри-

стос — это новый Адам. Мы скоро поставим посреди храма Распятие, крест Спасителя. И там, под Крестом, на котором висел распятый Сын Божий, лежит череп. Это череп Адама. Новый Адам на Кресте, ветхий — костями в земле. Христос пришёл с небес, как новый Адам, чтобы искупить ветхого Адама, который в аду. А дети Адамовы — на земле.

Перед нами лежит икона Воскресения Христова. Классическая православная иконография Воскресения изображает сошествие Христа во ад, таинство Великой Субботы. Господь сходит во ад для того, чтобы вызволить всех, кто ждал Его. И кого Он первыми вывел из ада, кого Он тянет за руки? Это Адам и Ева, первые люди. Мать Божия — новая Ева, которая послушанием Богу исцелила Евино непослушание. А Христос — новый Адам, который Своей чистотой и безгрешием ведёт нас к Отцу и грехи наши возносит на крестное древо.

Христос и Адам, повторяю, очень связаны. В мире было только два человека без греха. Первый был Адам, который был безгрешен и потерял это безгрешие. Второй — Христос, Который чист, безгрешен и безгрешия не утратил. И вот Христос исправляет грехопадение первого человека.

Христос вовеки свят и бессмертен. Над Ним не имеют власти ни болезнь, ни смерть, ни грех. Он — действительно Отец нового человечества. Все остальные люди, так или

иначе, причастны заразе греха. Повторяю, поскольку Адам, будучи безгрешным, утратил безгрешие, он родил осквернённое, грешное, больное потомство. Собственно, созерцание всей этой трагедии впоследствии было для него большой мукой. Адам был взят Богом из земли. Отца и матери у него не было. Некоторые люди, сомневающиеся в таинстве безмужного рождения Христа, говорят: «Ну как может Дева, не знавшая мужа, сохранившая девство, принять во чреве, да потом ещё и родить, сохранив девство?» На это мы отвечаем, что ведь и жизнь наша тоже началась с чуда. Господь Бог сотворил Адама из земли. Первый человек тоже не был зачат, выношен во чреве, выкормлен грудью. Первый человек был сотворён сразу «готовым». Это — великое чудо, сотворенное Божьими руками без отца и матери. И Христос тоже родился чудесно, как новый Адам. И Ева была чудесно сотворена не из земли, но из ребра. И у неё тоже не было ни отца, ни матери. Её тоже не носили во чреве, но она родилась «готовой», целой, вышедшей из тела своего мужа. И потому имела в лице Адама и мужа, и отца. Потому такая привязанность у женщины к мужчине, потому Ева смотрела на мужа как на господина ещё и в начале, до греха. А после грехопадения Бог подчинил её мужу: *К мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3, 16). Ева чувствует, что она из ребра,

она стремится войти в своё тело, стремится спрятаться в Адаме, стремится найти своё место возле его сердца.

Адам, братья и сёстры, прожил тяжелейшую жизнь. И вся жизнь его после грехопадения называлась одним словом — покаяние. Мы не можем представить себе жизнь нашего праотца до грехопадения, потому что мы — грешные. А грешные безгрешную жизнь представить не могут. Мы не можем представить себе то, чего нет в нашем опыте. Мужчина не может понять, как рождает женщина, его организм другой. Не воевавший человек не знает, что такое война. Не голодавший не знает, что такое голод. Потрудиться и вообразить, напрягая сознание, можно — но до конца понять невозможно. Того, чего нет в опыте, братья и сёстры, мы не можем представить в полной мере. И что значит не иметь грехов мы, к сожалению, тоже представить не можем.

Каким был наш отец до грехопадения? Он был, братья и сёстры, совокупностью всех красот и всех достоинств, которые есть в человечестве. Потому что всё человечество — это одна огромная семья. Красота кисти Рафаэля, например, и тонкость музыки Моцарта, и стройность шедевра Растрелли или Гауди — всё это было в Адаме. Он был гениален. Гениален со всех сторон. Он был бессмертен, блажен, чрезвычайно мудр, красив. Вообще, он был божественен. Это был маленький бог на

земле. Он не имел, кстати, никакого страха — ни перед смертью, потому что смерть ещё не вошла в мир, ни перед болезнью, потому что он был бессмертен. Он никого и ничего не боялся. Мы тоже не можем этого представить, поскольку постоянно чего-то боимся и опасаемся. Знаком власти Адама над природой было то, что животные приходили к нему и слушались его. Большие звери, скажем, слоны или жирафы, и маленькие звери, какие-нибудь хомячки или букашки — все они приходили к Адаму как к господину. Они кланялись ему, и он давал им имена.

Как говорит Платон, один из самых ярких людей в истории, дать правильное имя означает в лучшем смысле воспользоваться всей силой ума, так как ум проявляется при правильном назывании имён. Дать имя — значит познать сущность. Адам понимал окружающий мир. Он знал язык травы и ветра. Он слышал голоса птиц и понимал, о чём они поют. Он знал всё, что можно знать человеку, и мог знать больше. Он должен был стать богом по благодати. Он должен был возглавить весь этот мир, расплодиться без греха в раю, а не на земле изгнания, — привести новых людей в мир, создать новое человечество. Он этого не сделал. И потом всю жизнь свою, братья и сёстры, он рыдал. Он выл и плакал. Вся жизнь его была непрерывный вой. Это не был плач, это был крик.

Знаете, как страшно потерять то, что ты имел раньше? Легко подниматься вверх, от «Запорожца», например, к «Жигулям», от «Жигулей» — к «БМВ», потом к «Майбаху». А вот от «Майбаха» к «Запорожцу» спускаться невыносимо. Из собственного дома переселиться в какой-нибудь бомжатник — можно повеситься, да многие и вешаются, Боже сохрани. Потому что подниматься вверх можно, а вот падать — тяжело.

А что значит упасть из рая в мир? Быть с Богом — и стать смертным... Адам и Ева изменились. Они сразу почувствовали, что умерли. Телом они жили еще 900 с лишним лет, они были физически очень выносливы, красивы, сильны. Однако душа у них умерла тут же по изгнании из рая.

Есть две смерти. Есть смерть физическая, когда из тела уходит душа. Человек начинает смердеть, гнить, и нужно поскорее его в землю хоронить, потому что он безобразен. И мы даже из любви прячем его в землю потому, что не можем смотреть на его гнилостные изменения. А есть смерть души, когда душа забыла Бога или оторвалась от Бога, согрешила. Как тошно бывает человеку согрешившему, знает каждый из нас. Это гниение души. Это запах смертной гнили внутри человека. Не снаружи, а внутри. Душа болит, когда нагрешит человек.

Так вот, Адам умер тут же. Нагрешил и умер. Ева нагрешила и умерла. И они тут же

почувствовали себя оторвавшимися от благодати. Им стало стыдно, что они голые. Они заметили свою наготу и сшили себе из листьев опоясание. Им стало стыдно будущего потомства, которое родится из этих чресл, которое будет такими же грешниками, какими стали они. Сокрыли детородные свои части друга от друга, от Бога, от солнца и света. Потому что устыдились того, что от них произойдёт.

А потом, братья и сёстры, Адам всю жизнь плакал. Вся его жизнь — это плач. Он плакал потому, что потерял рай. Он плакал потому, что думал, что скоро вернётся обратно. Как человек, попавший в беду, думает: ну, ещё немножко, и я выйду отсюда. Но «немножко» не заканчивается. Оно длится и длится. А потом он постепенно понимает, что это никогда не закончится, это уже навсегда.

Сначала Адам с Евой хотели потомства и жаждали Спасителя, чтобы родился кто-то, кто вернёт их в рай. Вот родился первенец. Они сказали: «Вот мы нашли сына от Господа», — и назвали его Каин — «приобретение». Первые роды у Евы, дорогой первый ребёночек... И кто же из него вырос? Вырос убийца. Вот первый плод супружества после грехопадения.

Потом родился Авель, и брат убил брата. Адам и Ева впервые хоронили ребёнка. На первых похоронах на земле родители хоронили детей, а не наоборот. Это сегодня, в

основном, дети хоронят родителей, и если случается наоборот — то это кошмар. Но в начале, братья и сёстры, именно ненормальность и была нормой, и Адам и Ева впервые хоронили своего сына, убитого другим сыном. Втройне ненормально! Одна еврейская агада пишет, что земля не хотела пить кровь Авеля. Когда пролилась эта первая кровь, она свернулась на поверхности земли в комочки и засохла. Земля впервые должна была впитать кровь человеческую, а это не её дело, она не должна её пить. Она может пить воду, дождь, растаявший снег, но не кровь.

Родители не знали, что делать с сыном, говорит еврейская притча. Ворон подлетел, начал клювом землю рыть возле покойника. Они поняли, что надо его хоронить в землю. Ведь Бог сказал: *Прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19). Таковы были первые похороны. Так началась история человечества.

Потом рождались другие дети. Родители им рассказывали, где они были, как появились на свет, что они видели, что знали. Книг тогда не было. Адам похож на Христа ещё и потому, что Христос не писал книг. Христос никуда из Палестины не уезжал, с военными походами не ходил, богат не был, во дворцах не жил. Он не сделал ничего, чем сегодня хвалятся богатые, сильные, известные люди. Но, ничего не написав, Христос перевернул мир. За ним за-

писали по памяти, как подсказал Дух Святой, Его ученики, уже после Воскресения, после Пятидесятницы.

Адам тоже не писал книг. Он был сам живая книга — жил 960 лет. Как попавшие в плен колонисты, по нужде расплодившиеся вдали от родины, говорят: «Мы должны вернуться, не здесь наш дом, он в другом месте», — так и Адам говорил своим детям об их райской родине. Но вместе с тем он видел, что дети его не слушают. Дети, не знавшие рая, полюбили землю. Они начали сажать огороды, стали добывать железо, ковать железные орудия, им стало ещё легче убивать друг друга. Они стали играть на дудках и свирелях, строить шатры, города, стали обживать эту землю. Адам-то думал, что скоро всё это закончится, и будет возвращение в рай. Но дети слушали его — и не понимали.

Адам немного не дожил до Всемирного Потопа. Представьте, что на протяжении 960 лет десятки поколений могли приходить к нему, живому праотцу, и спрашивать, как всё было, почему мы сейчас живём так, а не иначе, каков Господь, почему Он нас наказал... Всё это можно было услышать из уст самого первого человека. Но спрашивающих было мало. В основном у людей были свои занятия: они начинали, повторяю, воевать и строить, пахать и сеять, и так далее, и тому подобное. Рай их интересовал всё меньше и меньше. И Адам

понимал с каждым годом всё ясней, что этот кошмар ещё очень долго не закончится, что он только начался. Поэтому, братья и сёстры, он всю жизнь плакал. Плакал о себе, потому, что он первый грешник, и плакал обо всех тех, кто родится от него, потому что он передал им в наследство жуткую жизнь. Этой жуткой жизнью, между прочим, живём и мы. Если бы не Христос — новый Адам, Который пришёл с небес и подарил надежду, веру, зажёл в нас, как огонёк, желание другой жизни, — то эта жизнь была бы полным кошмаром и для сытого, и для голодного, и для молодого, и для старого, и для богатого, и для бедного. Мы и живём в кошмаре, братья и сёстры. Мы потеряли рай, и вот сегодня мы должны кожей, сердцем ощутить то, что чувствовал Адам, когда потерял рай Божий — вышел из него вон, смотрел на него издалека и плакал.

Мы должны жить другой жизнью. Для этого нам Бог даёт пост. Первая заповедь, данная человеку — не ешь, не вкушай, не трогай. Всё ешь, одного только не ешь. И человек не сделал того, что Бог ему сказал. Поэтому когда мы, постясь, исполняем заповедь «не ешь», мы исправляем ошибку Адама. Великий пост — это возможность внутри своего личного опыта попытаться исправить грех нашего праотца, и закалить свою волю, и ослабить свою плоть, которая из земли взята и к земле страшно привязана.

Мы земные люди, братья и сёстры. Мы — прах, прах и пепел. Авраам про себя Богу сказал: «я прах и пепел». А мы тем более. Если Авраам прах и пепел, то кто мы такие? Прах сковал нашу душу, и чтобы она была свободна, нужно, чтобы плоть была в порабощении. И Великий пост — это возможность поработить своё тело. Отложить в сторону прах и дать душе больше свободы для того, чтобы больше понять, ощутить, прочесть, запомнить, помолиться.

Так что, дорогие христиане, имейте в виду, что мы живём жизнью падшего Адама. Но в мир уже пришёл новый Адам, Господь с небес, и Он вселился в нас. То есть в нас живут два человека: ветхий Адам, который нас родил по плоти, и новый Адам — Христос, Который вселяется в нас через крещение, через слово Своё, через Причастие, через исполнение заповедей. И эти два Адама должны между собой бороться. И они борются, причём ветхий должен слушаться нового. Посмотрите на икону Воскресения. Что там делает новый Адам, а что — ветхий? Ветхий с мольбой смотрит снизу вверх, а новый с милостью приходит, чтобы поднять его из ада. И нужно, чтобы наш ветхий Адам во внутренней борьбе слушался нового. Чтобы старое подчинялось молодому, грешное преобразовывалось в безгрешное. Вот для этого мы и войдём в святую Четыредесятницу. Чтобы в конце этого длин-

ного моста воссиял нам всем свет Воскресшего Господа. Чтобы мы все выкупались в этом Нетварном Свете, Фаворском свете. Чтобы души наши хоть немножко ощутили будущую радость.

Повторяю, нет в этой жизни настоящих радостей, кроме радости истинной веры и кроме благодати, которую Бог даёт смиренной, верующей и кающейся душе. Потому, братья и сёстры, бросайтесь в пост, как молодой пловец бросается в холодные волны. Смело и с радостью, с юношеским азартом бросайтесь в пост — поститься, читать Псалтирь, не смотреть телевизор, не болтать лишнего, полюбить храм, подавать милостыню. Всё это для того, чтобы душа окрылилась. Человек — существо духовно крылатое. Он не должен быть подобен курице. У курицы есть крылья, но летать она не может. Она смешна, когда пытается летать. Мы пока — такие вот курицы, с крыльями, но без полёта. А пост должен всех нас окрылить, братья и сёстры. Господь сегодня даёт нам ещё один шанс стать лучше, стать небесными гражданами, вернуться туда, откуда мы упали, и даже более того, потому что Адам был в земном раю, а нам подарят другой рай, уже не земной, а небесный град Иерусалим, приготовленный, сходящий свыше, как невеста, украшенная для своего жениха. Это увидел тайнозритель евангелист Иоанн и рассказал нам в своём Апокалипсисе, Откровении.

Так что мы — граждане небесного Иерусалима, и мы должны быть достойны этой небесной прописки. Поэтому давайте возьмёмся за себя, изменимся к лучшему, Пасху встретим, возрадуемся и возвеселимся, наполнимся Духом Святым и повеселим Адама, нашего отца. Адам сегодня на небе, кости его в земле давно смешались с прахом, а душу взял на небо Христос. И он теперь смотрит с небес на землю внимательнейшим образом: кто же из его детей живёт правильно, а кто неправильно. Давайте повеселим нашего праотца, сделаем ему приятное. Пусть он хотя бы ещё одну душу с небес заметит, которая начала меняться к лучшему, молиться, каяться и стремиться к будущему, нетленному и бесконечному Христовому Царству. И пусть сегодняшняя его радость в Царствии Божиим со временем станет и нашей радостью. Аминь.

Слово об Аврааме

Приветствую вас, братья и сестры. Сегодня намерен нырнуть с вами на большую глубину. Набирайте побольше воздуха. Речь идет об одном из ключевых событий мировой истории — о жертвоприношении Авраама. Я бы хотел поговорить кратко о том, что это было, и почему это было.

Писание, книга Бытия, 22 глава, говорит об этом событии, и я, конечно, тоже хотел бы, пусть не будет дерзким это многократное «хотел», чтобы вы прочли это внимательно, а может быть, заучили наизусть.

Итак, Писание говорит нам о том, что Авраам был бездетен. Он вымаливал у Бога ребенка для себя, и Господь внял его просьбам, дал ему сына в старости. Родился у него Ицхак, по-нашему Исаак. Сын старости. Его имя — Ицхак — значит «смех».

Мы все являемся детьми Авраама, потому что все верующие в единого Бога есть дети Авраама по обетованию. Господь испытывал этого старца, этого великого праведника, Авраама, испытывал его и проверял, насколько он любит Бога, всецело ли или только за что-то. Ведь мы часто любим Бога за что-то или для чего-то — чтобы он дал нам здоровье, чтобы у нас все было хорошо. А когда плохо, то сразу не любим Бога. Нужно любить Бога за всё, иметь к нему полное доверие и всецелую

веру. Это очень тяжело, и Авраам был уникальным человеком в этом смысле.

Господь сказал ему: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе». Авраам мог бы сказать: «Что ты говоришь, Господи? Это тот ребенок, что родился в старости моей. Я был мертв уже чревом, я был ничтожен, я был старик, а он родился и Ты пообещал его мне, и Ты сказал мне, что в Исааке наречется мне семя. И Ты говоришь, чтобы я, стотридцатилетний старик, повел на гору сына своего, которому тридцать, и принес его в жертву и заклал его для Тебя?» Но Авраам всего этого не говорит. «Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения, и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог».

Что было в душе праведника, мы не можем представить. Так на солнце бывают протуберанцы, огненные вихри, ядерные взрывы, но льет оно к нам чистый и теплый свет, без которого нет цветения ни дереву, ни траве, ни роста человеку. Так и в душах праведников и святых бывают страшные бури, но снаружи мы этого не видим. Авраам встал, взял сына своего и пошел на гору, которую показал ему Бог. Они шли три дня. Три дня. Запомним эту цифру.

Дойдя до места, Авраам сказал отрокам своим: «Останьтесь вы с ослом здесь, а я и сын мой пойдем туда, и поклонимся, и возвратимся к вам». Он имел, наверное, некую веру. Златоуст писал, что Авраам не знал, что говорит, имея Духа Божия, произносил то, что не понимает, надеялся, что Бог, давший ему ребенка в старости, может его и из мертвых воскресить. Что он думал, сложно, конечно, понять, но он говорит, что они возвратятся вдвоем с Исааком, и они пошли. «И взял Авраам дрова для всесожжения и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож и пошли оба вместе». Пусть ваша мысль, дорогие христиане, вернется ко Христу, Который нёс Крест на Голгофу. В данном случае Авраам есть образ Бога Отца, Который повел Своего Сына на Голгофу. А Исаак есть образ Иисуса Христа, Который нёс Крест, древо крестное, как Исаак нёс дрова для всесожжения. Вот странная параллель, и вот великая пара.

«И начал Исаак говорить, Аврааму, отцу своему, и сказал: Отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?». Одно лишь слово — «отец мой» — должно было разорвать сердце Аврааму. Но он говорит: «Да, сын мой, я здесь». Отец сказал сыну, что Бог усмотрит себе овца для всесожжения. И пошли далее оба. «И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник,

разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров». Заметьте, что Исаак безмолвствует. Он подчиняется отцу. Это молодой человек — мужчина по-нашему, по-тогдашнему юноша, примерно тридцатилетнего возраста — покорно подчиняется старцу, родителю, которому сто с лишком, большим лишком, лет. Он дает себя связать, ложится на дрова, подставляет горло под нож молча — как Христос пошел на Крест молча. В этом смысле Исаак — полный прототип Господа Иисуса Христа. Это совпадение евангельского образа и образа ветхозаветного. *И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего. Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я. Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня (Быт. 22:10-12).*

В это время, говорит Григорий Палама, архиепископ Солунский, Авраам одолжил Бога, Авраам сделал Бога должником. Ведь Бог заранее знал: для того, чтобы спасти человечество, нужно, чтобы был распят на земле Сын Божий. И Богу нужно было знать, что есть в человечестве такая ответная любовь. То есть Бог ради нас посылает Сына в мир, чтобы Сын стал жертвой — жертвой ужасной смерти на кресте. Богу нужно знать заранее, что любовь

эта не будет безответной. И он ищет людей, способных на такую любовь. И находит Авраама, и Авраам — отец наш. Это не отец евреев и арабов. Это отец всех верующих в Бога. Авраам оказывается способным принести своего сына ради веры в Бога.

Богу кровь не нужна. Заметьте, что Господь Бог удерживает руку Авраама, кровь Исаака не проливается. Жертва принесена, но Исаак жив. В сердце жертва приносится. Жертва — это то, что совершается в глубине нашей души. Авраам заклал своего сына, заклал в сердце. Совершил страшное, непонятное жертвоприношение ради Господа Бога. Но кровь Исаака не пролилась. Исаак покорен отцу, Авраам покорен Богу, но кровь не проливается. Это первая бескровная жертва в мире.

И вот теперь, когда Господь видит, что люди готовы на такую любовь к Нему, что даже единородного сына своего, единственного, возлюбленного, рожденного в старости, готовы отдать ради любви к Богу — теперь Господу ничего больше не остаётся, дерзко скажем, как Своего Сына отдать за людей, потому что люди имеют ту же любовь к Богу, какую Бог к людям. Это момент встречи ветхого и нового, человеческого и Божеского. Авраам — виновник, по сути, нашей веры в Христа Спасителя, Сына Божьего, умершего на Кресте за наши грехи. Исаак жив, он был заклан

в сердце Авраама, отца своего. Он сам лег на жертвенник, но кровь его не окропила землю. Он жив. В этом смысле можно говорить, что это есть бескровная жертва. Жертва, которая символизирует собой Христа, Который был мертв и се жив. И жив вовек.

А на горе, на которой было сие приношение, впоследствии евреи построили храм. Храм Богу истинному, Храм Соломонов. Это место почитаемо и у арабов-мусульман, ибо там храма еврейского сегодня нет, но и арабы знают о жертвоприношении и чтут это место как место великой жертвы Ибрахима (по-арабски), Авраама (по-еврейски) Богу истинному — полной отдачи своего сердца Господу Богу.

Это большая, братья и сестры, тайна, которая в трепет приводит всех, особенно имеющих детей. Пусть прочтет каждый из нас не раз и не два эту главу — 22-ю главу книги Бытия. Это место — истинное место встречи Бога и человека. Это одно из немногих мест в Ветхом Завете, которое особенно выразительно говорит о вопросах, касающихся Нового Завета и жизни вечной.

Вот сегодняшней библейский урок. Будьте Богом хранимы и до скорой встречи.

УДК 27–29–053.2 (082)

ББК 86.37я43

T13

Протоиерей Андрей Ткачев
В ПРИСУТСТВИИ БОГА
Беседы о Ветхом Завете

Ответственный редактор

Антропов А. В.

Корректор

Деева В. А.

Верстка и дизайн

Калашников А. С.

Дизайн обложки

Синюк Н. С.

Издательство «Послушник», 2013

Отдел реализации: тел. +380985039618

ISBN 978–966–2503–21–0

Подписано в печать 07.03.2013

Формат 60x84/16.

Гарнитура Myriad Pro.

Бумага офсетная.

Тираж 3000 экз.

